

# ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

## № 3 (61)/2019

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. ПИ № ФС77-33769 от 17 октября 2008 г. Издаётся 4 раза в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (в редакции от июля 2007 г.)

### Учредители:

Республиканский НИИ интеллектуальной собственности (РНИИС); ИГ «Юрист»

### Редакционный совет:

Савенков А.Н., Лопатин В.Н., Лысенко А.Г., Федотов М.А.

### Редакционная коллегия:

Лопатин В.Н. (главный редактор), Минбалева А.В. (ответственный секретарь), Богдановская И.Ю., Браусов А.М., Волчинская Е.К., Дорошков В.В., Кузнецов П.У., Ловцов Д.А., Мацкевич И.М., Морозов А.В., Наумов В.Б., Прилипко С.Н., Полякова Т.А., Северин В.А., Терещенко Л.К., Угринович Е.В.

### Адрес редакции:

115184, Москва, ул. Большая Татарская, 35, с. 3. РНИИС.

Тел./факс: (499) 238-40-83

E-mail: info@rniiis.ru

### Главный редактор ИГ «Юрист»

Гриб В.В.

### Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

### Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 – многоканальный

Тел./факс редакции ИГ «Юрист»:

(495) 953-91-08

### Адрес издательства/редакции:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

ISSN: 1999-480X

Отпечатано

в ООО «Национальная полиграфическая группа»,

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2,

тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.

Усл. печ. л. 6,0. Общий тираж 1 000 экз.

Номер подписан в печать: 08.08.2019.

Номер вышел в свет: 11.09.2019.

Подписка по России:

Объединенный каталог. Пресса России – 91891,

а также через www.lawinfo.ru.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Цена свободная.

© ИГ «ЮРИСТ», 2019

## В НОМЕРЕ:

### ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ

**Коваленко Е.И.** Доступ к информации: правовые гарантии в условиях информационного общества ..... 4

**Абдрахманов Д.В.** Общество знаний в Российской Федерации: информационно-правовой аспект ..... 9

### ПРАВО И ИНТЕРНЕТ

**Черемисинова М.Е.** Преобразование правового статуса субъекта общественных отношений в сети «Интернет»..... 13

### ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВО

**Ефремов А.А.** Экспериментальные правовые режимы для цифровых инноваций: зарубежный опыт и российские перспективы ..... 21

**Чубукова С.Г.** Информационная правосубъектность: цифровая трансформация ..... 24

### ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**Рустикова Г.С.** Информационная безопасность электронного обучения: цифровые следы и цифровая тень обучаемых ..... 29

### ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО

**Околёснова О.А.** «Цифровая Атлантида», или особенности развития технологий электронного правительства ..... 33

### ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА

**Мажорина М.В.** «Киберправосудие» в контексте разрешения трансграничных споров ..... 38

**Незнамов А.В.** О направлениях внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему ..... 45

# INFORMATION LAW

## No. 3 (61)/2019

SCIENTIFIC-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE MINISTRY OF THE RF OF PRESS, TELECOMMUNICATION AND MASS MEDIA. REG. PI № FC77-33769 of October 17, 2008. Published 4 times a year.

The journal is included in to the List of leading reviewed scientific journals and periodicals where basic results of candidate and doctoral theses shall be published (version as of June, 2007).

### Founders:

Republican Scientific Research Institute  
of Intellectual Property (RNIIS);  
Jurist Publishing Group

### Editorial Board:

Savenkov A.N., Lopatin V.N.,  
Ly'senko A.G., Fedotov M.A.

### Editorial Staff:

Lopatin V.N. (Editor-in-Chief),  
Minbaleev A.V. (Executive Secretary),  
Bogdanovskaya I.Yu.,  
Brausov A.M., Volchinskaya E.K.,  
Doroshkov V.V., Kuznetsov P.U.,  
Lovtsov D.A., Matskevich I.M., Morozov A.V.,  
Naumov V.B., Prilipko S.N., Polyakova T.A.  
Severin V.A., Tereshhenko L.K., Ugrinovich E.V.

### Editorial Office Address:

35 bild. 3 Bolshaya Tatarskaya Str. (RSRIIP), Moscow,  
115184.

Tel./fax: (499) 238-40-83

E-mail: info@rniis.ru

### Editor-in-Chief of Jurist Publishing Group

Grib V.V.

### Deputy Editors-in-Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,  
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

### Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 – multichannel

Tel./fax of the Editorial Office of Jurist

Publishing Group: (495) 953-91-08

### Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,  
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

ISSN: 1999-480X

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031

Tel. (4842) 70-03-37

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet 6,0.

Conventional printing sheet 6,0. Circulation 1 000 copies.

Passed for printing: 08.08.2019.

Issue was published: 11.09.2019.

Subscription in Russia: Unified Catalogue.

Russian Press – 91891,

www.lawinfo.ru

Complete or partial reproduction of materials without  
written permission of authors of the articles or the editorial  
board shall be prosecuted in accordance with law.

Free market price.

© JURIST PUBLISHING GROUP, 2019

## CONTENTS:

### THE RIGHT TO INFORMATION

- Kovalenko E.I.** Access to Information: Legal Guarantees  
in Conditions of the Information Society ..... 4
- Abdrakhmanov D.V.** The Society of Knowledge in the Russian  
Federation: Informational and Legal Aspect ..... 9

### LAW AND THE INTERNET

- Cheremisinova M.E.** The Transformation of the Legal Status  
of a Public Relations Subject on the Internet ..... 13

### DIGITIZATION AND LAW

- Efremov A.A.** Experimental Legal Regimes for Digital Innovations:  
Foreign Experience and Russian Prospects ..... 21
- Chubukova S.G.** Informational Legal Capacity:  
The Digital Transformation ..... 24

### INFORMATION SECURITY

- Rustikova G.S.** Information Security of E-Learning: Digital Traces  
and Digital Shadow of Students ..... 29

### E-GOVERNMENT

- Okolesnova O.A.** The 'Digital Atlantis' or Peculiarities  
of the Development of E-Government Technologies in Australia ..... 33

### LEGAL PROTECTION

- Mazhorina M.V.** Cyberjustice within the Framework of Resolution  
of Transborder Disputes ..... 38
- Neznamov A.V.** On Areas of the Deployment of Artificial Intelligence  
Technologies in the Judicial System ..... 45

*Савенков Александр Николаевич* — председатель совета, директор Института государства и права РАН, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

*Лопатин Владимир Николаевич* — член совета, научный руководитель РНИИИС, главный редактор журнала «Информационное право», эксперт РАН, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;

*Лысенко Анатолий Григорьевич* — член совета, президент Международной Академии телевидения и радио, заведующий кафедрой деловой и политической журналистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);

*Федотов Михаил Александрович* — член совета, советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

**Редакционная коллегия журнала  
«Информационное право»**

**Главный редактор**

*Лопатин Владимир Николаевич* — научный руководитель РНИИИС, эксперт РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

**Ответственный секретарь**

*Минбалева Алексей Владимирович*, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности РНИИИС, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент;

**Члены редколлегии:**

*Богдановская Ирина Юрьевна* — член редколлегии, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, руководитель научно-учебной лаборатории по информационному праву;

*Браусов Александр Михайлович* — член редколлегии, начальник управления правовой информатизации Администрации Президента Республики Беларусь (Беларусь);

*Волчинская Елена Константиновна* — член редколлегии, главный специалист юридического отдела Федеральной нотариальной палаты, доцент факультета права НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук;

*Дорошков Владимир Васильевич* — член редколлегии, главный научный сотрудник РНИИИС, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД РФ, член-корреспондент Российской академии образования, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

*Кузнецов Петр Уварович* — член редколлегии, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

*Ловцов Дмитрий Анатольевич* — член редколлегии, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия, заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор;

*Мацкевич Игорь Михайлович* — член редколлегии, главный научный секретарь ВАК Минобрнауки России, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;

*Морозов Андрей Витальевич* — член редколлегии, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор;

*Наумов Виктор Борисович* — член редколлегии, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, кандидат юридических наук;

*Полякова Татьяна Анатольевна* — член редколлегии, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор;

*Прилипко Сергей Николаевич* — член редколлегии, академик Научно-исследовательского института правового обеспечения инновационного развития Национальной академии правовых наук Украины, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор;

*Северин Виталий Андреевич* — член редколлегии, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

*Терещенко Людмила Константиновна* — член редколлегии, заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, эксперт РАН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент;

*Угринович Евгений Витальевич* — член редколлегии, генеральный директор межправительственной организации «Международный центр научной и технической информации (МЦНТИ), главный редактор журнала «Информация и инновации».

Уважаемые авторы! При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования:

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы, присланные по почте, в том числе по электронной почте, или представленные в журнал на бумажном носителе, в следующих объемах: статья — 7–10 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров: текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала; размер шрифта основного текста — 13; сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 10; поля: слева — 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске, наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страницу.

4. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — цифрами), например, 12 декабря 2003 г., привести в кавычках полное (без сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, однако дозирующее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

5. Все сноски размещаются постранично.

6. Настоятельно рекомендуется авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

7. С учетом требований включения во всемирные базы данных Web of Science и Scopus, которые являются наиболее значимыми с точки зрения цитирования авторов, в статье на русском и английском языках предоставляются следующие данные: заглавие статьи, аннотация, ключевые слова, список источников, сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место учебы (университет, специальность, курс), работы (организация, должность), ученая степень, научное звание, адрес электронной почты. В статье сначала следует информация на русском языке, затем на английском языке («Аннотация», затем — Abstract, «Ключевые слова», затем — Key words, после текста статьи «Список источников», затем — References).

**Аннотация (Abstract):**

— компактная (объем: 200–250 слов);  
— информативная (не содержит общих слов);  
— оригинальная (не является калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);

— содержательная (отражает основное содержание статьи и результаты исследований);  
— структурированная (следует логике описания результатов в статье, содержит следующие пункты: освещение проблемы (Purpose), материалы и методы исследования (Methods), результаты (Results), дискуссия (Discussion);

— написана качественным английским языком;  
— необходимо следовать хронологии статьи и использовать ее заголовки в качестве руководства;

— текст должен быть связным, с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т.д. (consequently, moreover, for example, the benefits of the study, as a result).

— необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It was tested in this study».

**Ключевые слова (Key words)**

Количество ключевых слов должно быть не менее 15.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют обобщить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

**Список источников (References)**

В Списке источников и References количество источников должно быть не менее 10. При этом в References не включаются документы без авторства (законы, иные нормативные правовые акты, указы, приказы, рекомендации).

**Методика, что переводить, что транслитерировать**

При ссылках на статью транслитерируется фамилия и имя автора.

Транслитерируется и переводится название журнала.

Название статьи переводится.

Пример ссылки на статью в журнале:

1. Zhbakov V.A. Tamozhenny'e prestupleniya: ponyatie i svoystva [Customs Crimes: Notion and Attributes] // V.A. Zhbakov // Publichnoe i chasnoe pravo — Public and Private Law. 2012. No. 2. S. 77–81.

При ссылках на монографию, книгу транслитерируется название источника, в скобках указывается перевод названия.

Пример ссылки на монографию, книгу:

1. Rolik A.I. Narkoprestupnost: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy: monografiya [Drug Crime: Criminal Law and Criminological Issues: monograph] / A.I. Rolik, L.I. Romanova. Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochnogo un-ta — Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2016. 448 s.

8. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся: фамилия и полное имя, отчество автора; должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.); ученая степень (при наличии); точные контактные данные: адрес — служебный и (или) домашний, с индексом; телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (при наличии).

9. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответствующего кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений.

10. При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не возвращаются. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются.

**Внимание наших авторов!**

**Отдельные материалы журнала размещаются на сайте журнала «Информационное право».**



## Доступ к информации: правовые гарантии в условиях информационного общества

Коваленко Е.И.\*

**Цель.** Данная статья посвящена рассмотрению одной из наиболее актуальных проблем современной юридической науки — правовым гарантиям реализации конституционного права на информацию, их трансформации в современных условиях цифровизации в правовой системе Республики Беларусь.

**Методология:** методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы, в том числе сравнительно-правовой метод, метод юридического анализа, сопоставление и обобщение.

**Результаты.** Автор приходит к выводу, что в контексте современных задач информационного общества как общества качественно новых технических, экономических, политических и правовых возможностей, общества свободных коммуникаций, интеракций между властью и населением и доступа к накопленным знаниям меняется содержание права на информацию и права на доступ к информации. Право на доступ к информации приобретает системообразующую и самостоятельную роль, оно распространяет свое влияние на иные права и свободы человека и гражданина. Обосновывается, что, следуя по пути последовательной имплементации международных стандартов информационной эпохи, Республика Беларусь закрепила в своей правовой системе современный взгляд на информационные права, включая право на доступ к информации, и стремится к их комплексному обеспечению.

**Научная и практическая значимость.** Аргументируется ключевое значение конституционного права на информацию в процессах информатизации и цифровизации в Республике Беларусь. Особое внимание уделено генезису права на доступ к информации. Автор заключает, что право на информацию способствует преодолению цифрового неравенства и усилению гарантий реализации широкого спектра прав и свобод граждан. Обосновано мнение, согласно которому принцип информационной доступности и открытости в деятельности государства является необходимым условием реализации эффективной коммуникации между государством и личностью в информационной среде.

**Ключевые слова:** информационное общество, информация, информационно-коммуникационные технологии, информатизация, цифровизация, права человека, право на информацию, право на доступ к информации, коммуникация.

**Purpose.** This article is devoted to one of the most actual problems of modern juridical science — legal guarantees of Right to Information, their transformation in modern digital conditions in the legal system of the Republic of Belarus.

**Methodology:** the research is based on general and special methods, including comparative and legal methods, methods of the legal analysis and generalization.

**Results.** The author concludes that in the context of modern tasks of information society as a society of new technical, economic, political and legal capabilities, society of free interactions between the State Authorities and the Population based on free access to knowledge, the content of Right to Information and Right of Access to Information is changing. The Right of Access to Information gets an independent role by extending influence on other rights and freedoms of citizens. The Republic of Belarus lives up to the spirit of international standards of digital era by adopting a modern view on the information rights, including Right of Access to Information, and aspires to their complex protection.

**Scientific and practical significance.** The author justifies the key value of constitutional Right to Information in the processes of informatization and digitalization in the Republic of Belarus. The article concludes that the Right to Information struggles with digital inequality by strengthening legal guarantees for realization of a wide range of the Rights and Freedoms of citizens. The principle of informational transparency in State affairs represents a necessary condition of the effective realization of communication between the State and the personality in the information society.\*\*

**Keywords:** information society, information, ICT, informatization, digitalization, human rights, right to information, right of access to information, communication.

Масштабная информатизация и цифровизация общества в Республике Беларусь основана на качественно новом информационном обмене и широком использовании потенциала новейших информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ)

в экономической, социальной и правовой сферах. Данные процессы имеют приоритетное значение, позволяют Республике Беларусь интегрироваться в глобальное информационное общество и выйти на качественно новый уровень в области взаимодействия

\* Коваленко Евгений Иосифович, директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mail@ncpi.gov.by

Рецензент: Лопатин Владимир Николаевич, главный редактор, научный руководитель РНИИИС, эксперт РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

\*\* Access to Information: Legal Guarantees in Conditions of the Information Society

Kovalenko E.I., Director of the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, PhD (Law), Associate Professor. Reviewer: Lopatin V.N., the Chief Editor, Scientific Director of the National Research Institute of Intellectual Property (NSRIIP), Expert of the RAS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, LL.D., Professor.





между государством, обществом и гражданами, а также в области реализации прав и законных интересов человека и гражданина.

Построение IT-государства может быть успешно реализовано только при условии комплексного обеспечения конституционного права граждан на информацию, которое относится к числу основополагающих прав человека и имеет ключевое значение для демократии, выступая необходимым условием осуществления других прав и свобод.

С течением времени расширялись содержание, сфера применения и реализации права на информацию. Его содержание раскрывалось в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, свидетельствующих о том, что «свобода информации является фундаментальным правом человека и критерием всех остальных свобод, которым посвящена деятельность Организации Объединенных Наций» [1]; во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., согласно которой «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» (ст. 19) [2]. Международный пакт «О гражданских и политических правах» гарантирует каждому человеку право беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их, включающее в себя свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору (ст. 19) [3].

Право на информацию гарантировано различными документами ОБСЕ, включая Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки, Заключительный документ копенгагенского совещания Конференции ОБСЕ по человеческому измерению, Парижскую хартию, согласованную в 1990 г.

Существенные преобразования в содержании права на информацию произошли в аспекте глобализации как процесса углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающего все сферы социальной жизни. Глобализация существенно повысила ценность информации как ресурса, и, как следствие, право на информацию постепенно возрастало в своем масштабе. Начался фактический переход права на доступ к информации из разряда одного из правомочий общего (родового) права на информацию в разряд обособленного и вполне самостоятельного права.

Генезис права на доступ к информации следует рассматривать не только в его связи с правом на информацию, но и в общем контексте личных, политических, экономических, культурных и социальных прав. В научной литературе отмечается, что «субъективное право на информацию из права «третьего» поколения последовательно перемещается по значимости в разряд первостепенных и неотъемлемых. (...) Подобный «транзит» претендует на общую тенденцию современности» [4, с. 57].

В течение XX века утвердилось не только само право на информацию, но и его защита. Статья 10 Конвенции Совета Европы 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» указывает, что каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение [5]. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. На международном уровне получило закрепление право на доступ к конкретным видам информации. В частности, Конвенция о досту-

пе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция), участником которой является Республика Беларусь, предусматривает обеспечение открытости экологической информации.

Во многих современных странах право на доступ к официальной, правительственной информации рассматривается в конституционно-правовом смысле именно как право на информацию и регламентируется в качестве одного из основных элементов демократического механизма государства. Практически во всех европейских государствах — членах ЕС право на доступ к информации признано законодательно. Приняты нормативные правовые акты в защиту права граждан требовать информации от публичной власти. Такое право находит непосредственное законодательное закрепление практически во всех странах мира. В трактовке Концепции сотрудничества государств — участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности доступность информации — это возможность для реализации беспрепятственного доступа к информации субъектов, которые обладают соответствующими полномочиями [6], где под субъектами имеются в виду физические и юридические лица, государственные органы, а также международные организации.

В Республике Беларусь право граждан на информацию имеет конституционное и отраслевое закрепление. Право на доступ к информации не имеет непосредственной конституционной регламентации, однако подразумевается в качестве одного из правомочий общего права на информацию. Если конституционное право на информацию представляет собой юридическую гарантию возможности свободно искать, получать, передавать, производить и распространять любым законным способом информацию общественно значимого характера о любых процессах и явлениях объективной действительности, то право на доступ к информации — необходимый канал, через который осуществляются практически все правомочия, входящие в содержание права на информацию. Роль и значение права на доступ к информации в системе конституционных прав состоит в том, что путем получения информации граждане имеют возможность эффективнее реализовывать значительный спектр определенных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Конституция Республики Беларусь под правом на информацию понимает право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Праву на информацию корреспондирует обязанность государственных органов, общественных объединений, должностных лиц предоставлять гражданам возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими их права и законные интересы.

Таким образом, в Республике Беларусь конституционно закреплено именно право на информацию. Тогда как право на доступ к информации не имеет непосредственной конституционной регламентации, однако подразумевается в качестве одного из правомочий общего права на информацию. Если конституционное право на информацию представляет собой юридическую гарантию возможности свободно искать, получать, передавать, производить и распространять любым законным способом информацию общественно значимого характера о любых процессах и явлениях объективной действительности, то право на доступ к информации — необходимый канал,

через который осуществляются практически все правомочия, входящие в содержание права на информацию. Роль и значение права на доступ к информации в системе конституционных прав состоит в том, что путем получения информации граждане, таким образом, имеют возможность более эффективно реализовывать значительный спектр определенных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Конституционные положения, определяющие право на информацию, развиваются и конкретизируются в отраслевом законодательстве. Базовым законом в информационной сфере является Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», согласно которому физические и юридические лица вправе осуществлять поиск, получение, передачу, сбор, обработку, накопление, хранение, распространение и (или) предоставление информации, пользование информацией.

Этим Законом гражданам гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Нормативный правовой акт вобрал в себя теоретический и практический опыт регламентации права на информацию, он определяет принципы регулирования информационных правоотношений, устанавливает широкий перечень видов информации, которая является общедоступной, закладывает основы реализации права граждан на доступ к информации. Также Закон устанавливает новый уровень гарантий информационной прозрачности деятельности органов государственной власти, создает предпосылки для надлежащей правовой охраны персональных данных граждан.

Разработка и принятие этого Закона происходило в то время, когда Республика Беларусь, как и иные современные государства, начали рассматривать вектор своего развития под эгидой информатизации. В такой ситуации право на доступ к информации фиксирует в своем содержании динамичную реальность, связанную с изменением значимости информационного фактора. Возможные недостатки того понимания права на информацию, которые имеют место в названном Законе, обусловлены тем обстоятельством, что информационное общество — это общество динамичных перемен.

Правовые, политические и технологические меры, направленные на формирование глобального информационного общества, впервые получили свое универсальное международно-правовое закрепление в Хартии Глобального информационного общества, принятой 22 июля 2000 г. [7]. Это важнейший документ, призванный организовывать и активизировать деятельность стран и правительств на путях формирования Глобального информационного общества. Положения, провозглашенные Хартией, послужили отправной точкой для развития информационного общества и законодательного оформления этого процесса не только в государствах «большой восьмерки», но во всех остальных странах мира.

Наряду с иными, признаками информационности также являются доминирование в обществе видов деятельности, связанных со сбором, накоплением, обработкой, передачей, хранением и использованием информации, а также ее открытость и доступность. Данные признаки были зафиксированы Хартией открытых данных «Группы восьми», возлагающей добровольные обязательства на подписавшие ее страны по раскрытию правительственных данных в машиночитаемом формате, который позволяет автоматически собирать и анализировать информацию [8].

Принцип открытости информации о деятельности государственных органов обязывает государства создавать нормативные и технологические предпосылки для преодоления цифрового неравенства, так как в контексте становления информационного общества принцип открытости информации неразрывно связан с правом на доступ к информации. В свою очередь оно выступает обязательным условием участия граждан в управлении делами государства, а также условием получения ими отдельных социальных благ, что особенно заметно в практике формирования так называемого «сервисного государства».

Получение публичных услуг невозможно без личного обращения к субъекту, предоставляющему услугу. Очевидно, что информированность гражданина (или любого иного лица, получающего публичную услугу) является императивным условием доступа к ней. В новом контексте право на информацию регламентируется не просто в качестве одного из самостоятельных прав личности, а как обязательный элемент демократического механизма государства.

Вслед за изменением права на информацию меняется контент права на доступ к информации, что объясняется новой ролью информации в сетевом обществе, а также растущими информационными потребностями и интересами личности, общественных структур и государства. На сегодняшний день информация стала особым стратегическим ресурсом общества и государства, а также объектом в праве. Верное толкование права на доступ к информации в разрезе информационного общества должно опираться на уяснение природы и характерных особенностей информации, ее функций и роли в жизни общества, возможностей влияния на поведение человека. Соответствующее знание аккумулируется в таких дисциплинах, как информационное право, теория информации и кибернетика. В информационном обществе возрастает значимость обеспечения каждому члену общества возможности доступа к любой информации.

В условиях высокого уровня развития и интенсивного использования ИКТ право на информацию и право на доступ к информации приобретает «не только характер индивидуальной свободы в информационном обществе, но и качество принципа информационной открытости в деятельности государства» [9, с. 30]. В этой связи в современных условиях меняются подходы к вопросам нормативного регулирования права на информацию, а также обеспечения, защиты и реализации права на доступ к информации.

В новых условиях складывается тенденция прямого законодательного закрепления принципа открытости (прозрачности) информации, состоящего в обязанности органов власти раскрывать не только прямо предусмотренную законом информацию, но и любую общедоступную информацию, находящуюся в распоряжении соответствующих органов и относящуюся к их деятельности. Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам предписывает органам власти по собственной инициативе и в тех случаях, когда это оправдано, принимать необходимые меры по опубликованию официальных документов, которыми они располагают, в интересах повышения открытости и эффективности органов управления и содействия информированному вовлечению населения в дела, представляющие общий интерес (ст. 10) [10].

В понимании права на доступ к информации в контексте информационного общества сохраняются два подхода: широкий и узкий. Согласно первому право на доступ к информации имеет режим самостоятельного права. Причем данный подход является более распространенным и аргументированным. Так, в первом в странах СНГ академическом учебнике «Инфор-



мационное право» (параграф 4.2) его авторы привели подробную характеристику права на доступ к информации как одного из основных информационных прав, которое включает в себя право каждого свободно искать информацию и право получать ее от лиц, обладающих этой информацией на законных основаниях. При этом для его реализации *в рамках дальнейшего совершенствования законодательства В.Н. Лопатин обосновал необходимость принятия специального закона «О праве на доступ к информации», который решил бы следующие задачи:*

а) установление ограничений и запретов при реализации прав в информационной сфере (искать, получать, передавать, производить и распространять информацию по основным видам информации (информация без права ограничения доступа, иная общедоступная информация, «вредная» информация, информация с ограниченным доступом);

б) установление законодательных оснований для разрешения коллизий при реализации права на информацию и права на тайну;

в) определение в законе механизмов доступа к открытой информации;

г) унификация заявленных в законах правонарушений в информационной сфере с внесением изменений и дополнений в соответствующие кодексы по установлению ответственности за эти правонарушения [11].

Согласно второму подходу – право на доступ к информации представляет собой отдельное правомочие в составе права на информацию. Право на доступ к информации связывается с понятием цифрового равенства, которое измеряется определенными показателями [12, с. 238].

Необходимо учитывать, что для одной части граждан информатизация создает значительные выгоды и преимущества в реализации их прав и свобод, тогда как для другой части граждан, напротив, создаются серьезные преграды и препятствия реализации прав. Названные особенности права на доступ к информации заслуживают пристального внимания наряду с традиционными аспектами, привлекаемыми к рассмотрению соответствующего явления, поскольку это обратная сторона роста информационных ресурсов и применения информационных технологий. Успешное выстраивание новой системы отношений между государством и личностью в информационной среде должно происходить с учетом защиты прав и свобод той составляющей общества, которая неизбежно остается за рамками всеобщей информатизации. К сфере конституционного права на информацию также относятся вопросы о воспрепятствовании доступу к информации, росте разрыва между разработчиками и потребителями информационно-коммуникационных технологий, адаптации части людей к информационной среде.

Переход к информационному обществу невозможен без создания информационной инфраструктуры и ее должного правового оформления. В настоящее время происходит осознание того, что доступность информации представляет собой ключевой аспект правового регулирования информационных отношений. В этой связи основную роль играет создание системы обеспечения свободного доступа к информации, включая доступ к правовой информации. Как особенно социально значимая информация в широком понимании представляет собой обязательный элемент реализации любых возможностей человека.

Резюмируя вышеизложенное, обозначим основные выводы. В контексте информационного общества как общества качественно новых технических, экономических, политических и правовых возможностей,

общества свободных коммуникаций, интеракций между властью и населением и доступа к накопленным знаниям, меняется содержание права на информацию и права на доступ к информации. Право на доступ к информации приобретает самостоятельную роль. Оно распространяет свое влияние на иные права и свободы человека и гражданина, так как практически все права могут быть реализованы именно через порог доступа к информации.

Идя по пути последовательной имплементации идей и ценностей информационной эпохи, Республика Беларусь закрепила в своей правовой системе современный взгляд на информационные права, включая право на доступ к информации, и стремится к их комплексному обеспечению. Высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий и их использование органами государственной власти, бизнесом и обществом является свидетельством гарантированного доступа гражданина к информации на всех уровнях.

### **Литература**

1. Организация Объединенных Наций. Шестьдесят пятое пленарное заседание, 14 декабря 1946 г. URL: [http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/59\(1\)&Lang=R&Area=RESOLUTION](http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/59(1)&Lang=R&Area=RESOLUTION)

2. Всеобщая декларация прав человека : принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН / перевод с английского // Международная защита прав человека. Минск : Юнипак, 2013. С. 38–45.

3. Международный Пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: <http://un.by/dokumenty/prava-cheloveka/249-mezhdunarodnyj-bill-o-pravakh-cheloveka/2509-mezhdunarodnyj-pakt-o-grazhdanskikh-i-politicheskikh-pravakh>

4. Гавришов Д.В. Право на информацию: конституционные версии стран СНГ / Д.В. Гавришов, М.В. Мархгейм // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 10. С. 54–58.

5. Европейская конвенция по правам человека. Европейский суд по правам человека. URL: [https://www.echr.coe.int/Documents/Convention\\_RUS.pdf](https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf)

6. О Концепции сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности и о Комплексном плане мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности на период с 2008 по 2010 год. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 10 октября 2008 г. URL: [http://base.spinform.ru/show\\_doc.fwx?rgn=26220](http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26220)

7. Okinawa Charter on Global Information Society. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html>

8. G8 Open Data Charter. URL: <https://opendata-charter.net/g8-open-data-charter/>

9. Алексеева М.В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях / М.В. Алексеев // Современное общество и право. 2012. № 3. С. 29–36.

10. Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам. URL: <https://rm.coe.int/16804803cc>

11. Лопатин В.Н. Право на информацию // Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право : учебник / под редакцией Б. Топорина. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. 789 с.

12. Копылов В.А. Информационное право. Вопросы теории и практики : учебное пособие / В.А. Копы-





лов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2003. 623 с.

## References

1. Organizatsiya Obyedinenny'kh Natsiy. Shestidesyat pyatoe plenarnoe zasedanie, 14 dekabrya 1946 g. [The United Nations Organization. The Sixty-Fifth Plenary Meeting, December 14, 1946]. URL: [http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/59\(I\)&Lang=R&Area=RESOLUTION](http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/59(I)&Lang=R&Area=RESOLUTION)
2. Vseobschaya deklaratsiya prav cheloveka : prinyata 10 dekabrya 1948 g. Generalnoy Assambleey OON [The Universal Declaration of Human Rights : adopted on 10 December 1948 by the United Nations General Assembly] // Mezhdunarodnaya zaschita prav cheloveka / perevod s angliyskogo — International Protection of Human Rights / translation from English. Minsk : Yunipak — Minsk : Unipak, 2013. S. 38–45.
3. Mezhdunarodny'y Pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh : prinyat rezolyutsiyey 2200 A (XXI) Generalnoy Assamblei ot 16 dekabrya 1966 g. [The International Covenant on Civil and Political Rights : adopted by General Assembly Resolution 2200A (XXI) on 16 December 1966]. URL: <http://un.by/dokumenty/prava-cheloveka/249-mezhdunarodnyj-bill-o-pravakh-cheloveka/2509-mezhdunarodnyj-pakt-o-grazhdanskikh-i-politicheskikh-pravakh>
4. Gavrishov D.V. Pravo na informatsiyu: konstitutsionny'e versii stran SNG [The Right to Information: Constitutional Versions of the CIS Member States] / D.V. Gavrishov, M.V. Markhgeym // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie — Science and Education: Business and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2016. № 10. S. 54–58.
5. Evropeyskaya konventsiya po pravam cheloveka. Evropeyskiy sud po pravam cheloveka [The European Convention on Human Rights. The European Court of Human Rights]. URL: [https://www.echr.coe.int/Documents/Convention\\_RUS.pdf](https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf).
6. O Kontseptsii sotrudnichestva gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimy'kh Gosudarstv v sfere obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti i o Kompleksnom plane meropriyatiy po realizatsii Kontsept-

sii sotrudnichestva gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimy'kh Gosudarstv v sfere obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti na period s 2008 po 2010 god. Reshenie Soveta glav gosudarstv Sodruzhestva Nezavisimy'kh Gosudarstv ot 10 oktyabrya 2008 g. [On the Concept of Cooperation between the Member States of the Commonwealth of Independent States in the Information Security Sphere and on the Complex Plan of Events Aimed at the Implementation of the Concept of Cooperation between the Member States of the Commonwealth of Independent States in the Information Security Sphere for the Period from 2008 to 2010. Resolution of the Council of the Heads of the Member States of the Commonwealth of Independent States of October 10, 2008]. URL: [http://base.spininform.ru/show\\_doc.fwx?rgn=26220](http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=26220)

7. Okinawa Charter on Global Information Society. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html>

8. G8 Open Data Charter. URL: <https://opendatacharter.net/g8-open-data-charter/>

9. Alekseeva M.V. K voprosu o vozmozhnostyakh realizatsii prava na dostup k informatsii v sovremenny'kh rossiyskikh usloviyakh [On the Possibilities for Exercising of the Right of Access to Information in the Modern Russian Conditions] / M.V. Alekseev // Sovremennoe obshchestvo i pravo — Modern Society and Law. 2012. № 3. S. 29–36.

10. Konventsiya Soveta Evropy` o dostupe k ofitsialny'm dokumentam [The Council of Europe Convention on Access to Official Documents]. URL: <https://rm.coe.int/16804803cc>

11. Lopatin V.N. Pravo na informatsiyu [The Right to Information] // Bachelo I.L., Lopatin V.N., Fedotov M.A. Informatsionnoe pravo : uchebnyy / pod redaktsiyey B. Toporina — Information Law : textbook / edited by B. Toporin. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2001. 789 s.

12. Kopylov V.A. Informatsionnoe pravo. Voprosy` teorii i praktiki : uchebnoe posobie [Information Law. Issues of the Theory and Practice : textbook] / V.A. Kopylov. 2-e izd., pererab. i dop. — 2nd edition, revised and enlarged. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2003. 623 s.

## Уважаемые авторы!

Рады сообщить, что вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в Издательскую группу «Юристъ». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на [autor-rq@lawinfo.ru](mailto:autor-rq@lawinfo.ru), в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8(495) 953-91-08 или по e-mail: [avtor@lawinfo.ru](mailto:avtor@lawinfo.ru).





# Общество знаний в Российской Федерации: информационно-правовой аспект

Абдрахманов Д.В.\*

**Целью** статьи является исследование правовых условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. Акцент сделан на анализе права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом в контексте реализации принципа достоверности информации. **Методологической основой** работы выступают системный подход, методы анализа и синтеза, а также методы системного и этимологического толкования. **Результаты.** Отличительной особенностью общества знаний является получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации. Именно возможность такого получения, сохранения, производства и распространения достоверной информации имеет преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства. По этой причине в статье большое внимание уделяется значению принципа достоверности информации. Под достоверной информацией следует понимать соответствующие действительности (фактическим обстоятельствам) сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

В статье обосновывается влияние принципа достоверности информации на развитие конституционного права на информацию в свете создания условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. Автор обращает внимание на возможные риски и негативные последствия признания права исключительно на достоверную информацию. В качестве альтернативного сценария предлагаются расширение случаев применения принципа достоверности информации, а также установление запрета на распространение недостоверной информации (информации, которая не соответствует фактическим обстоятельствам).

**Ключевые слова:** общество знаний, право на информацию, достоверная информация, право на достоверную информацию, принцип достоверности информации, Стратегия развития информационного общества.

**Purpose** of the article is to study the legal conditions for the formation of a knowledge society in the Russian Federation. The emphasis is on analyzing the right to freely seek, receive, transmit, produce and distribute information in any legal way in the context of the implementation of the principle of reliability of information. **Methodological basis** of the work is a systematic approach, methods of analysis and synthesis, as well as methods of systemic and etymological interpretation. **Results.** A distinctive feature of the knowledge society is the receipt, preservation, production and dissemination of reliable information. The possibility of such obtaining, preserving, producing and distributing reliable information is of paramount importance for the development of a citizen, economy and state. For this reason, the article pays great attention to the importance of the principle of reliability of information. Reliable information should be understood as appropriate (actual circumstances) information (messages, data), regardless of the form of their presentation.

The article substantiates the influence of the principle of reliability of information on the development of the constitutional right to information in the light of the creation of conditions for the formation of the knowledge society in the Russian Federation. The author draws attention to the possible risks and negative consequences of the recognition of the right exclusively to reliable information. As an alternative scenario, it is proposed to expand cases when applying the principle of reliability of information, and also to prohibit the dissemination of false information (information that does not correspond to actual circumstances).\*\*

**Keywords:** knowledge society, right to information, reliable information, right to reliable information, principle of reliability of information, Information Society Development Strategy.

Принятие Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [1] (далее — Стратегия развития информационного общества) обозначило новые горизонты в стратегическом планировании общественного развития. Так, целью Стратегии развития информационного общества является создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. Исходя из самой постановки цели, не трудно сделать предположение о том, что развивающееся информационное общество на определенном этапе развития

должно перейти на новый качественный уровень — общество знаний. Представляется, что можно выделить несколько видов условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. Можно говорить о создании оптимальных социально-экономических, политических, организационно-технических, а также о правовых условиях формирования в Российской Федерации общества знаний. В рамках данной статьи научный интерес представляет анализ информационно-правовых условий для формирования общества знаний.

\* **Абдрахманов Денис Вадимович**, старший преподаватель кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). E-mail: abdench@gmail.com

**Рецензент: Минбалеев Алексей Владимирович**, ответственный секретарь журнала «Информационное право», заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности РНИИИС, доктор юридических наук, доцент.

\*\* **The Society of Knowledge in the Russian Federation: Informational and Legal Aspect**

**Abdrakhmanov D.V.**, Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University).

**Reviewer: Minbaleev A.V.**, Executive Secretary of the Information Law Journal, Head Department of Information Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Leading Researcher of the Information Law Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of the Scientific Research Department of the Legislation and Comparative Law of Intellectual Property of RNIIS, LL.D., Associate Professor.

Для надлежащего определения условий формирования чего-либо необходимо иметь точное представление о конечном результате (продукте) какой-либо деятельности. Этим обуславливается необходимость сформировать представление об обществе знаний как об определенном ориентире для общественного развития. Именно наиболее полное понимание целевой модели общества знаний позволит сформировать точное представление о конкретном алгоритме действий, ведущих к достижению определенной цели. Подобно тому, как написанию компьютерной программы предшествует ее проектирование (определение назначения, функций и т.д.), созданию условий для формирования в Российской Федерации общества знаний должно предшествовать определение ключевых характеристик общества будущего. В противном случае будет не ясно, что именно ожидается в результате программирования общественного развития, и, следовательно, не ясно, о каких именно условиях для формирования общества знаний должна идти речь.

Стратегия развития информационного общества определяет общество знаний как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1]. Несложно обратить внимание на схожесть приведенного определения с официальным понятием информационного общества, под которым согласно Стратегии развития информационного общества понимается «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [1]. В случае с определением информационного общества основным фактором, влияющим на уровень общественного развития («экономические и социокультурные условия жизни граждан»), являются «информация и уровень ее применения и доступности», а в случае с определением общества знаний «получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации» — фактор, влияющий на «развитие гражданина, экономики и государства». Таким образом, с точки зрения Стратегии развития информационного общества ключевое отличие между информационным обществом и обществом знаний заключается в качественной характеристике информации, выступающей катализатором преобразований в различных сферах общественной жизни. Залогом развития гражданина, экономики и государства в обществе знаний выступает не просто информация (как в информационном обществе), а именно достоверная информация. Можно обратить внимание на еще одну особенность. Давая определение обществу знаний и ставя во главу угла достоверную информацию, Стратегия развития информационного общества выделяет еще один фактор — стратегические национальные приоритеты Российской Федерации. При этом не в полной мере ясно, какая именно роль отводится стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации в обществе знаний: Стратегия развития информационного общества говорит лишь о том, что они должны «учитываться». Анализ национальных приоритетов, перечисленных в п. 22 Стратегии развития информационного общества, приводит к появлению лишь новых вопросов, нежели ответов. Так, к числу национальных приоритетов относятся:

а) формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений;

б) развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации;

в) создание и применение российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне;

г) формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы;

д) обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики.

Представляется, что не все из перечисленных национальных приоритетов каким-либо образом соотносятся с реализацией принципа достоверности информации как основным фактором, влияющим на развитие гражданина, экономики и государства в обществе знаний, в связи с чем не ясно, каким образом могут быть учтены данные стратегические национальные приоритеты. На наш взгляд, лишь такой национальный приоритет как формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений напрямую влияет на реализацию принципа достоверности информации, однако упоминание данного приоритета в понятии общества знаний нам представляется излишним, так как он в полной мере включается в содержание принципа достоверности информации.

Таким образом, краеугольным камнем и отличительными особенностями общества знаний являются именно получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации, являющиеся фактором развития гражданина, общества и государства. Этим обусловлена необходимость исследования принципа достоверности информации и его значения для общества знаний, который позволит подойти к анализу правовых условий для формирования общества знаний.

Принцип достоверности информации получил прямое закрепление в законодательстве Российской Федерации. Так, ст. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации) [2] к принципам правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации относит достоверность информации и своевременность ее предоставления. Вместе с этим содержание принципа достоверности информации и его значение Законом об информации не определены. На наш взгляд, уяснение сути принципа достоверности информации возможно путем определения этимологического значения категории «достоверная информация», с одной стороны, и анализа конкретных примеров по проявлению принципа достоверности информации в законодательстве.

С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведев определяют термин «достоверный» как соответствующий действительности, точный, подлинный. При этом отмечается, что слова «достоверный» и «достоверно» образованы путем присоединения первой части сложных слов «досто...», обозначающей «высоко...» и «весьма», к словам «верный» и «верно», которые определяют как «соответствующий истине, правильный, точный» и «уверенное утверждение, действительно» [3, с. 71, 173]. С учетом понятия информации по Закону об информации несложно определить, что под достоверной информацией можно понимать соответствующие действительности (фактическим обстоятельствам) сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Упоминание о достоверности информации в законодательстве Российской Федерации лишь подтверждает правильность приведенного понятия. Например, одним из принципов охраны окружающей среды является соблюдение права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружа-



ющей среды [4]. В том числе в этих целях проводится государственный экологический мониторинг (получение объективных данных о состоянии атмосферного воздуха, земель, объектов животного мира и т.д.). Еще одним наглядным примером является установление Федеральным законом «О рекламе» (далее — Закон о рекламе) [5] требования о том, что реклама должна быть достоверной. При этом, согласно ч. 3 ст. 5 Закона о рекламе, недостоверной признается реклама, которая содержит *не соответствующие действительности* сведения. Статья 11 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [6] устанавливает требование о достоверности предоставляемой информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Подобных примеров достаточно много.

Контекст использования принципа достоверности информации в законодательстве Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что законодатель заботится о достоверности не любой информации, а лишь информации, имеющей наиболее важное значение для человека, общества и государства. Справедливо мнение А.И. Савельева о том, что принцип достоверности информации и своевременности ее предоставления, исходя из его формулировки, может иметь практически безграничное применение [7]. Представляется, что чем больше возможностей для получения, сохранения, производства и распространения достоверной информации содержит законодательство Российской Федерации, тем более благоприятны условия для развития гражданина, экономики и государства, тем более благоприятны условия для формирования общества знаний. При этом следует иметь в виду, что, исходя из понятия достоверности информации, установление данного принципа на законодательном уровне применительно к той или иной сфере целесообразно лишь тогда, когда достоверность той или иной информации можно проверить (сопоставить конкретную информацию с определенными фактическими обстоятельствами). В противном случае будет невозможно гарантировать соблюдение принципа достоверности информации, обеспечить его исполнение посредством мер государственного принуждения. Это приведет к превращению принципа достоверности информации в декларацию, не оказывающую какого-либо влияния на развитие гражданина, экономики и государства и, следовательно, не влияющую на формирование общества знаний.

В связи с рассмотрением принципа достоверности информации научный интерес представляет точка зрения Т.В. Пашниной и А.В. Минбалева, проанализировавших развитие права на информацию в свете стратегических документов Российской Федерации и пришедших к выводу о том, что «при реализации права на информацию в современных условиях речь идет уже не о максимально широком доступе к информации, а о качественном характере доступа к информации, отвечающей определенным критериям (не просто право на информацию, а право на объективную, достоверную, безопасную информацию) с учетом национальных и культурных традиций России, а также защиты от существующих информационно-технологических угроз» [8]. Не умаляя верности сделанных выводов, основанных на системном анализе взаимосвязанных положений Стратегии развития информационного общества и Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [9], необходимо иметь в виду потенциальные сложности и проблемы, связанные с реализацией возможного законодательного регулирования права на объективную, достоверную, безопасную информацию, введенного вместо существующего максимально широкого доступа к информации.

Как было установлено ранее, принцип достоверности информации работает там и тогда, где и когда возможна верификация информации. Достаточно большой объем информации, к которому на сегодняшний день имеется доступ благодаря праву свободного искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации), не может быть проверен на предмет соответствия фактическим обстоятельствам. Подтверждением этому может служить большое количество не доказанных, но и не опровергнутых на данный момент научных гипотез (о существовании или об отсутствии внеземной жизни, природе темной материи во вселенной, причинах возникновения жизни на земле, причинах появления таких социальных явлений как государство и право и т.д.). В случае законодательного закрепления права исключительно на достоверную информацию весь объем информации, достоверность которой не может быть доказана в настоящий момент времени, окажется в своеобразной зоне риска — отсутствие права на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение данной информации означает отсутствие обязанности государства обеспечить гарантии реализации данного права. Очевидно, что развитие науки и общества знаний в целом невозможны без производства и распространения *недостоверной* информации. Порой именно недостоверная информация выступает катализатором научных открытий. Достаточно вспомнить об эволюции взглядов на движение небесных тел, где не в полной мере достоверная гелиоцентрическая система Коперника (неверным было предположение о сферической форме орбит) пришла на смену недостоверной Птолемеевой системе мира.

Цели и мотивы сужения содержания права на информацию до достоверной информации понятны. Действительно, в современных условиях информационного общества можно наблюдать, что «смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия — так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации» [1]. Однако установление права на исключительно достоверную информацию следует признать ограничением конституционного права на свободу информации, которое, как известно, должно соответствовать не только целям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, но и отвечать иным условиям принципа пропорциональности ограничения конституционных прав и свобод. Помимо соответствия ограничения легитимной цели принцип пропорциональности предполагает также тест из трех пунктов, с помощью которого оценивают: подходит ли некоторая мера, устанавливающая ограничение прав человека, для достижения той или иной цели; является ли она необходимой для этой цели; не излишне ли она обременяет человека по сравнению с благами, которые призвана обеспечить [10].

На наш взгляд, признание права лишь на достоверную информацию не проходит тест на пропорциональность по следующим причинам. Во-первых, представляется, что само по себе сужение содержания права до достоверной информации не способно «очистить» информационное пространство от недостоверной информации. В данном случае возможность работы с недостоверной информацией не будет гарантирована государством, что не исключает самой возможности ее получения и последующей обработки. Следовательно, цели информационной безопасности не будут достигнуты без введения дополнительных ограничений. Во-вторых, ограничение права на



свободу информации посредством признания права лишь на достоверную информацию может привести к излишним обременениям человека. Работа с информацией, достоверность которой не может быть установлена в определенный момент времени, может представлять определенную ценность.

Изложенным обуславливается необходимость поиска иных вариантов развития права на информацию в целях создания условий для формирования общества знаний и решения существующих проблем информационного общества, включая проблемы информационной безопасности, не связанных со сведением права на информацию к праву на достоверную информацию.

На определенные мысли в поисках варианта решения наводит мнение Е.В. Устюжаниной о том, что реализация принципа достоверности информации станет «руководящим началом для укрепления правопорядка в информационной сфере и правовым средством, препятствующим распространению, получению и использованию недостоверной информации» [11]. Можно выделить несколько направлений для дальнейшей проработки. Во-первых, необходимо расширять применение принципа достоверности информации при регулировании различных общественных отношений при условии возможности верификации проверяемой на достоверность информации. Во-вторых, возможно установление запрета на распространение недостоверной информации (информации, которая не соответствует фактическим обстоятельствам) с выделением четких критериев отнесения информации к недостоверной. При этом указанный запрет целесообразен исключительно в отношении информации, которая представляет потенциальную опасность для развития общества знаний, национальных и культурных традиций России. Принципиальное отличие установления запрета на распространение недостоверной информации от признания права на исключительно достоверную информацию заключается в том, что в данном случае большой объем информации, достоверность которой, возможно, и не доказана, но и не опровергнута, остается в рамках правового поля.

В заключение хотелось бы отметить, что предлагаемые направления не противоречат пониманию общества знаний в Стратегии развития информационного общества. В обществе знаний получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации имеет лишь преобладающее, но не единственное значение для развития гражданина, экономики и государства.

## Литература

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под редакцией Н.Ю. Шведовой. 2-е изд. Москва: Азъ, 1994. 907 с.
4. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
5. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

6. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

7. Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный) / А.И. Савельев. Москва: Статут, 2015. 320 с.

8. Пашнина Т.В. Развитие права на информацию в свете стратегических документов Российской Федерации / Т.В. Пашнина, А.В. Минбалева // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 88–92.

9. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

10. Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? / Цакиракис С. // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 67–72.

11. Устюжанина Е.В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы / Е.В. Устюжанина // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4 (42). С. 47–52.

## References

1. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody, utverzhennaya ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 maya 2017 g. № 203 // SZ RF. 2017. № 20. St. 2901.
2. Ozhegov S.I. Tolkov'y slovar russkogo yazy'ka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazheniy [An Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Units] / S.I. Ozhegov; pod redaktsiyey N.Yu. Shvedovoy. 2-e izd. — edited by N.Yu. Shvedova. 2nd edition. Moskva: Az — Moscow: Az, 1994. 907 s.
3. Savelyev A.I. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionny'kh tekhnologiyakh i zaschite informatsii» (postateyn'y) [A Commentary on Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, On Information, Information Technology and Protection of Information (article by article)] / A.I. Savelyev. Moskva: Statut — Moscow: Statute, 2015. 320 s.
4. Pashnina T.V. Razvitie prava na informatsiyu v svete strategicheskikh dokumentov Rossiyskoy Federatsii [The Development of the Right to Information in View of Strategic Documents of the Russian Federation] / T.V. Pashnina, A.V. Minbaleev // Zakony` Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2018. № 3. S. 88–92.
5. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii, utverzhennaya ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 // SZ RF. 2016. № 50. St. 7074.
6. Tsakirakis S. Proportsionalnost: posyagatelstvo na prava cheloveka? [Proportionality: An Encroachment on Human Rights?] / Tsakirakis S. // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie — Comparative Constitutional Overview. 2011. № 2 (81). S. 67–72.
7. Ustyuzhanina E.V. Printsip dostovernosti informatsii: postanovka problemy` [The Information Reliability Principle: Problem Setting] / E.V. Ustyuzhanina // Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnaluu — Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2017. № 4 (42). S. 47–52.





# Преобразование правового статуса субъекта общественных отношений в сети «Интернет»

Черемисинова М.Е. \*

**Целью** статьи является исследование форм и условий преобразования правового статуса различных категорий субъектов общественных отношений в сети «Интернет». **Методологическую основу** исследования составляют системный подход, анализ и синтез, метод индукции, который позволяет на основе различных данных сформировать теоретические знания об объекте исследования. **Результатом** работы стало определение критериев преобразования правового статуса с учетом технологических и организационных особенностей Интернета, а также выявление проблем, связанных с реализацией прав и обязанностей субъектов в виртуальном мире. Комплексное изучение динамики правового статуса субъектов (в плане устойчивости его элементов к условиям цифровой среды, формирования взаимосвязей между субъектами) может способствовать выявлению тех лиц, которые способны повлиять на ход юрисдикции виртуального пространства и установление такого баланса прав и обязанностей, который будет соответствовать представлениям о справедливом правовом регулировании на основе концепции соблюдения интересов всех заинтересованных сторон.

Рассматривается проблема ограничений правового статуса субъектов как наиболее конфликтная форма преобразования правового статуса, требующая взвешенных правотворческих подходов и научного обоснования с использованием междисциплинарных исследований, позволяющих составить полное представление о механизмах реализации прав и свобод в онлайн-среде. Проанализирован субъектный состав интернет-отношений с точки зрения взаимовлияния в условиях сетевого общения и поиска механизмов управления распределенной структурой. Выявлены критерии, на основании которых происходит преобразование правового статуса, в частности наличие технологических возможностей контролировать информационные процессы в Интернете, роль и значение субъекта в системе отношений.

**Ключевые слова:** правовой статус субъекта, реализация прав и свобод, правовые ограничения, природа права, природа ограничений, Интернет, информационное общество, субъектный состав интернет-отношений.

**Purpose.** The aim of the article is to study the forms and conditions of transformation of the legal status of various categories of participants on the Internet. **Methodology:** the methodological basis of the study is a systematic approach, analysis and synthesis, the method of induction, which allows on the basis of various data to form theoretical knowledge about the object of study. **Results.** The result of the work is the definition of criteria for the transformation of the legal status, taking into account the technological and organizational features of the Internet, as well as the identification of problems associated with the implementation of the rights and obligations in the virtual world. Complex study of the dynamics of the legal status (in terms of the resistance of its elements to the conditions of the digital environment and the formation of relationships between stakeholders) can help to identify those persons who can affect the course of the legalization of the virtual space and the establishment of a balance of rights and obligations that will correspond to the ideas of fair legal regulation on the basis of the concept of respect for the interests of all stakeholders.

The problem of restrictions of the legal status of subjects as the most conflict form of transformation of the legal status demanding the weighed law-making approaches and scientific substantiation with use of the interdisciplinary researches allowing to make a full picture of mechanisms of realization of the rights and freedoms in the online environment is considered. The system of participants of the Internet is analyzed in terms of interaction in the conditions of network communication and search of mechanisms of management of the distributed structure. The criteria of transformation of legal status, in particular the availability of technological capabilities to control information processes on the Internet, the role and importance of participants in the system of relations, are revealed. \*\*

**Keywords:** legal status of stakeholders, realization of rights and freedoms, legal restrictions, nature of law, nature of restrictions, Internet, information society, system of participants on the Internet.

Процессы активного развития и распространения сети «Интернет», построения информационного общества и цифровизации различных сфер общественной жизни постоянно находятся в центре внимания правовой науки и практики. При этом важное значение приобретает изучение правового статуса субъектов, использующих, поддерживающих и контролирующих ресурсы глобальной информационно-телекоммуни-

кационной сети, поскольку они являются адресатами правовых норм и от восприятия ими своего статуса в конечном счете зависит эффективность правового регулирования.

Многие взаимодействия между субъектами в Интернете опосредованы правом. Тем не менее, даже если правоотношений как таковых еще не сложилось, каждый из субъектов наделен определенным

\* Черемисинова Мария Евгеньевна, заведующий центром научных изданий Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: mech.july@yandex.ru

Рецензент: Наумов Виктор Борисович, член редколлегии, ведущий научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент.

\*\* The Transformation of the Legal Status of a Public Relations Subject on the Internet

Cheremisinova M.E., Head of the Center of Scientific Publications of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, PhD (Law).

Reviewer: Naumov V.B., Leading Researcher of the Information Law Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD (Law), Associate Professor.



правовым статусом, который либо сохраняется и эффективен в системе, состоящей из отраслевых норм, либо требует пересмотра с учетом специфики Интернета.

В литературе отмечается, что в качестве субъектов правоотношений в сети «Интернет» могут рассматриваться любые субъекты права, признаваемые таковыми общей теорией права [1, с. 149]. При этом очевидно, что субъекты общественных отношений в сети «Интернет» нуждаются в конкретизации с учетом архитектурных особенностей сети и динамики ее развития в части как технологий, так и социального взаимодействия, составляющего одну из основ функционирования Интернета. В связи с этим такие категории, как виртуальная личность, интернет-боты и прочие программы, способные осуществлять взаимодействие в сети без непосредственного участия человека, в настоящей работе не рассматриваются, поскольку предполагают, что все подобного рода явления возникают и функционируют только в результате деятельности субъектов, наделенных сознанием и волей.

Более того, для такого нового по историческим меркам явления, как Интернет, которое постоянно развивается под воздействием множества факторов, важно учитывать поведенческие аспекты субъектов права, в частности, их готовность принимать на себя новые статусы, мотивы, определяющие их поведение, причины отклонений от предписанных норм поведения [2, с. 36–46]. Ведь право не применяется автоматически, а действует через психику и сознание людей. Внедрение статусов делает жизнь не механизированной, а упорядоченной [3, с. 402–403].

В связи с тем, что число лиц, вовлеченных в интернет-процессы, очень велико, для целей исследования необходимо разделить их на группы, которые позволят на теоретическом уровне выявить основные характеристики правового статуса субъектов с учетом дискуссионности вопроса о том, что правовые константы в виртуальном и реальном мире различаются.

В научной литературе определяются субъекты отношений в сфере телекоммуникаций, в частности государство, органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и частные предприятия, граждане (физические лица), которые подразделяются по функциональному признаку на строительные и обеспечивающие инфраструктуру телекоммуникаций, эксплуатирующие средства связи компании, ассоциации, фирмы, а также пользователей [4, с. 255]. При этом первые две категории определяют существование Интернета в качестве социальной реальности, в то время как пользователи, хотя и фигурируют в социологической статистике, на перспективы развития Интернета не влияют [5, с. 300].

Существует и противоположное мнение о том, что именно последние определяют основное наполнение сети, ее ценность и развитие. Все эти «субъекты» могут выполнять роль «программистов» в соответствии со своим положением в сетевой иерархии, но то, какими будут сетевые действия, в конечном счете решает только полный набор «программистов», взаимодействующих между собой [26, с. 66]. В связи с этим анализ субъектного состава общественных отношений в сети «Интернет» направлен на выявление места и роли конкретного лица в системе, представляющей собой сетевую структуру и характеризующейся свойствами аутопойезиса [7] и тесной взаимосвязью акторов, которую необходимо учитывать при выстраивании правового регулирования, в том числе установлении правового статуса.

В самом общем виде субъектный состав общественных отношений в глобальной сети определяется тремя группами субъектов:

1) *обеспечивающие* функционирование Интернета;

2) *использующие* Интернет;

3) *контролирующие* деятельность в Интернете.

1. Первая группа — субъекты, обеспечивающие функционирование Интернета, — специализированные организации, располагающие необходимыми научными, техническими и финансовыми ресурсами, правовой статус которых, как правило, определен в законодательстве или в специальных документах, регламентирующих организацию доступа к Интернету. Это операторы связи, провайдеры, операторы поисковых систем, регистраторы доменных имен, администрации социальных интернет-сетей и прочие. Большая часть из них — частные организации, обеспечившие на начальных этапах внедрения широкое распространение интернет-услуг, действуя в условиях минимальных правовых ограничений. Однако по мере распространения и повышения значения глобальной сети в общественной и государственной жизни можно наблюдать изменение и фактически преобразование правового статуса этих субъектов, поскольку от их деятельности теперь во многом зависит безопасность общества и государства.

Самым ярким подобным примером преобразования правового статуса является введение в законодательство категории «субъекты критической информационной структуры». В ст. 2 (п. 8) Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» сформулировано определение таких субъектов: государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей. В ст. 9 «Права и обязанности субъектов критической информационной инфраструктуры» закреплен их правовой статус — права и обязанности.

Из текста закона следует, что дополнительные обязанности возлагаются на операторов связи, а это в основном коммерческие организации, т.е. субъекты частного права, которые приобретают статус субъекта критической информационной структуры (КИИ) исходя из значимости (социальной, политической, экономической, экологической, а также значимости для обороны страны, безопасности государства и правопорядка) тех объектов, которые они обеспечивают средствами связи, в том числе доступом к Интернету.

Несмотря на то, что правомерность введения ограничений в форме дополнительных обязанностей в связи с необходимостью поддержания бесперебойной работы энергетических, транспортных, медицинских, финансовых организаций не вызывает сомнений, в литературе обоснованно поставлен вопрос о повышении затрат на выполнение предписаний Федерального закона № 187-ФЗ [8, с. 5] и о введении определенной компенсации и государственной поддержки данной категории субъектов, что предполагает развитие основ государственно-частного партнерства, которое признается условием эффективного функционирования интернет-отношений в целом [9].



Преобразование правового статуса обеспечивающих субъектов обусловлено также тем, что вся глобальная сеть постепенно переходит из разряда рекреационного ресурса в разряд социальных благ, без доступа к которым невозможна реализация основных прав и свобод в информационном обществе. По мнению О. Демидова, существуют социально-экономические предпосылки для фактического перехода интернет-коммуникации в статус универсального блага (англ. common good) [10, с. 19], а «почти абсолютная распространенность» и огромное значение в хозяйственных, социальных и собственно коммуникативных процессах как на уровне государств и корпораций, так и на уровне отдельных граждан подтолкнет формирование запроса на включение доступа к цифровым коммуникациям в список базовых прав человека.

На международном уровне складывается тенденция, подтверждающая значение интернет-коммуникации для развития информационного общества. В частности, в докладе Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 10 августа 2011 г. № А/66/290 отмечается, что «государства обязаны содействовать осуществлению права на свободное выражение мнений и использованию необходимых для его осуществления средств, к числу которых относится Интернет»; в отчете «Свобода выражения мнения в Интернете» представителя по вопросам свободы СМИ 2011 г. утверждается, что «каждый человек имеет право участвовать в жизни информационного общества, поэтому государства обязаны гарантировать доступ граждан к Интернету. Европейский Суд по правам человека в качестве нового и влиятельного информационного средства признал Интернет подпадающим под сферу действия ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ввиду его доступности и способности хранить и передавать огромное количество информации (дело Times Newspapers Ltd.) [11, с. 25].

Еще одним фактором преобразования правового статуса обеспечивающего субъекта может служить совмещение его основной деятельности с контролирующей функцией, которую он может выполнять в связи с наличием достаточных организационных и технических средств, например для осуществления контроля и хранения трафика информации (что позволяет, в частности, реализовывать право на предпринимательскую деятельность, используя информацию в коммерческом обороте), для модерирования контента и действий пользователей и проч.

Таким образом, усиление влияния и роли Интернета в целом, а также наличие технических, организационных и финансовых возможностей определенной категории субъектов, имеющих помимо прочего заинтересованность в осуществлении деятельности по обеспечению функционирования интернет-ресурсов, обуславливает преобразование их правового статуса посредством закрепления в законе дополнительных полномочий и обязанностей.

Следует отметить, что эта категория субъектов способна осуществлять и осуществлять контроль за деятельностью в Интернете и поддержанием работоспособности ресурсов, т.е. фактически совмещает обеспечивающие и контролирующие функции, что также становится причиной преобразования правового статуса. Это в свою очередь ведет к закреплению за ними дополнительных обязанностей (одной из форм ограничений), которые, как ни парадоксально, только усиливают их роль и значение в системе «Интернета».

При этом проблема заключается в том, чтобы правовые ограничения (в форме обязанностей и ответственности за их неисполнение) даже при наличии до-

статочного обоснования не стали причиной регресса в области развития информационного общества и информационно-телекоммуникационных технологий, что в современном мире может повлечь усиление правового нигилизма и перераспределение сил в пользу теневого сегмента глобальной сети.

2. Вторая группа субъектов — это основная масса пользователей. Понятие пользователя законодательно не определено, но часто применяется. По мнению В.В. Архипова, пользователями могут быть любые субъекты правоотношений, получающие в рамках такого правоотношения определенное благо и (или) извлекающие для себя определенные полезные свойства в процессе использования отдельных ресурсов сети «Интернет». Этот термин применяется в основном для обозначения физического лица, которое может иметь и статус потребителя по Федеральному закону «О защите прав потребителей» [1, с. 150].

Вместе с тем можно выделить общую тенденцию, позволяющую сделать обобщающий вывод относительно преобразования правового статуса пользователя Интернета: в системе интернет-отношений при использовании технологии web 2.0 пользователи из категории потребителей информации и услуг постепенно переходят в категорию участников, создателей контента, от активности которых зависит развитие и ценность всей сети. Более того, такие свойства сети, как открытый протокол и распределенная структура, предоставляют пользователям возможности (при наличии соответствующих навыков) воздействовать на информационный обмен посредством технологических нововведений.

Это самая сложная категория субъектов в плане исследования правового статуса, поскольку она наиболее многочисленная и разнообразная, совмещающая отраслевые правовые статусы (конституционно-правовой, информационно-правовой, гражданско-правовой и т.д.), специальные правовые статусы (например, военнослужащие, заключенные, государственные служащие), индивидуальные правовые статусы, характеризующиеся правами, свободами, обязанностями и законными интересами в стадии их обладания и реализации [6].

Однако в рассматриваемой классификации мы будем отталкиваться от изначального правового статуса субъектов и, соответственно, определения — «пользователи», недоучет которого при введении дополнительных прав, обязанностей, ответственности может привести к дефектам правового регулирования, в частности к девальвации роли права в виртуальном пространстве.

Существует также определение «конечный пользователь», которое можно проанализировать с точки зрения соотношения содержания интернет-отношений и правоотношений, складывающихся из субъективных прав и юридических обязанностей. Если рассматривать субъективное право как притязание на исполнение обязанности, которое может выражаться в виде права получить что-либо [12, с. 88–95], то применительно к виртуальной среде можно четко выделить право на получение доступа в сеть, которое приобретают все так называемые *конечные пользователи*, заключая договор со специализированными организациями. Такой договор имеет гражданско-правовой характер и определяет права и обязанности сторон.

Для целей настоящего исследования необходимо уточнить понятие конечного пользователя как одного из ключевых участников интернет-отношений. Такое определение сформулировано, например, в исследовании Н.А. Данилова, рассматривавшего опыт регулирования интернет-отношений в Австрии и Дании: конечным пользователем является лицо,



использующее электронные коммуникационные сети или услуги для собственных нужд и не предоставляющее доступ к сетям или услугам на коммерческой основе для других лиц [13]. Это определение включает физических и юридических лиц, которые, получая доступ к Интернету, могут получать и распространять информацию, осуществлять сделки, общаться, пользоваться услугами и т.д.

В процессе использования интернет-сервисов статус конечного пользователя может измениться в зависимости от тех действий, которые он предпринимает, т.е. от степени участия в информационном пространстве. В частности, при организации сайта (а создать сайт может любой желающий) конечный пользователь становится «владельцем сайта в сети «Интернет». Понятие «владелец сайта в сети «Интернет» определено законодательно: это лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети «Интернет», в том числе порядок размещения информации на таком сайте (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Обязанности владельца сайта уточняются в процессе правоприменения.

Так, постепенно складывается судебная практика в этой сфере. Владелец сайта или уполномоченное им лицо — поскольку они объективно ограничены в возможности определять достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами, при том, что возложение на них такой проверки означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова, — не могут быть безусловно обязаны удалять порочащие гражданина сведения, если их недостоверность не бесспорна, в частности не установлена судебным решением, а следовательно, в таких случаях до принятия судебного решения на них не может быть возложена и ответственность за отказ удалить соответствующую информацию с сайта, что не исключает применения иных правовых средств, включая меры по обеспечению иска, позволяющих, в частности, приостановить ее распространение до принятия окончательного решения по судебному спору (п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П).

Предметом рассмотрения высшей судебной инстанции стала и такая функция владельца сайта, как обязанность в течение суток с момента получения от провайдера хостинга уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети «Интернет» в реестр удалить интернет-страницу, содержащую информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (ч. 8 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Как отмечается в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2018 г., судебное решение о признании информации, размещенной на сайте в сети «Интернет», запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, устанавливает правовое состояние такой информации и ограничивает владельца сайта в осуществлении права на свободное распространение информации любым законным способом.

На основании этих примеров можно сделать вывод о том, что в процессе преобразования правового статуса задействованы механизмы ограничения прав. Причем эти ограничения могут быть двух видов: естественные, обусловленные свойствами и архитектурой глобальной сети, и позитивно-правовые, установленные правовыми актами. Полагаем, что это имеет важное значение при исследовании правового статуса субъекта в виртуальной среде, поскольку актуа-

лизирует постановку вопроса о наличии в Интернете естественных прав (например, права на анонимность) и естественных ограничений, суть которых соответственно — технологические возможности и зависимость от действий обеспечивающего субъекта.

Определение правового статуса субъекта с опорой на анализ естественных прав и ограничений в интернет-сфере поможет избежать ошибок в законодательстве, которые ведут к необходимости постоянной корректировки нормативных правовых актов или к их отмене, что порождает правовую инфляцию, снижает авторитет законодательной власти и влечет усиление правового нигилизма в обществе.

Характерным примером такой ситуации является введение законодательного определения категории блогер. В литературе отмечается, что это было обусловлено возрастающей ролью, которую владельцы личных регулярно обновляемых интернет-страниц (блогов) стали играть в условиях web 2.0 [14]. Вместе с тем Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», где был закреплён правовой статус блогера, оказался не жизнеспособным. Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ положения законодательства, касающиеся регулирования деятельности блогеров, были признаны утратившими силу. В рассматриваемом случае не были учтены как возможности блогеров по осуществлению контроля за контентом, так и возможности уполномоченной организации (Роскомнадзор) по сопровождению их деятельности, в частности из-за масштабов российской блогосферы, что свело на нет целесообразность ведения соответствующего реестра.

Примеры подобных проблем в законодательстве и правоприменительной практике можно продолжить, в частности в отношении категории обладатель информации, информационный посредник, организатор распространения информации. Частично они решаются судебной практикой, которая вырабатывает особые подходы к определению правового статуса субъекта [15–17].

Таким образом, в цепочке преобразований правовых статусов «пользователь (конечный пользователь)» — «владелец сайта» — «обладатель информации» — «информационный посредник» (последовательность может варьироваться, например, вместо «информационного посредника» как завершающего элемента цепи может быть «организатор распространения информации» или «владелец новостного агрегатора») должны обязательно учитываться возможности субъекта технически выполнять свои обязанности, его интересы при осуществлении той или иной деятельности, степень зависимости (технологической, правовой, институциональной, финансовой) от других субъектов интернет-отношений.

В сфере Интернета появляются все новые категории акторов — информационные брокеры, новостные агрегаторы, майнеры, облачные провайдеры и т.д. Для того чтобы закрепить новый термин или понятие в законодательстве, а следовательно, ввести новую категорию субъектов правоотношений, необходимо учитывать изначальный, стабильный статус этого лица. Например, при каких условиях обычный пользователь Интернета, реализующий свое право на свободу слова, приобретает статус блогера. Даже если его интернет-аудитория расширяется до значительного круга лиц (в российском законодательстве эта цифра составляла 3000 подписчиков), т.е. пользователь,





очевидно, приобретает серьезное влияние в общественных кругах, это еще не означает изменения его статуса на интернет-платформе, где сетевое взаимодействие пользователей осуществляется в условиях, подконтрольных совсем другим субъектам. Иными словами, блогер, которого законодательно наделили статусом средства массовой информации, все равно остается пользователем, реализующим свое право на свободу слова и отвечающим только за свои высказывания, способным контролировать только определенный круг функций, предоставленных ему интернет-ресурсом.

Попытки законодательного закрепления дополнительных прав и обязанностей могут оказаться бездейственными, если не учитывать изначальный правовой статус лиц, который подвергается преобразованию, и вероятность их вовлечения в различные ситуации, правовые последствия которых не всегда определены. Здесь важно учитывать те полномочия, которые они способны реализовать, и те процессы, которые они могут контролировать.

Кроме того, необходимо учитывать, что правовой статус субъектов, использующих Интернет, формируется не только на основе законодательства, но и на основе норм, установленных соглашением с обеспечивающей организацией, без заключения которого нельзя получить доступ в Интернет. Многие интернет-ресурсы разрабатывают собственные так называемые пользовательские соглашения (или условия использования). В отдельных исследованиях [18, с. 9–36] пользовательское соглашение рассматривается как «мостик» между реальным и виртуальным миром, позволяющий праву опосредовать отношения, складывающиеся в онлайн-среде.

В соответствии со ст. 428 Гражданского кодекса РФ и пользователи сайта могут направить свои обращения, предложения и претензии к администрации сайта. В случае недостижения согласия споры, связанные с исполнением гражданско-правового договора, разрешаются в судебном порядке по заявлению заинтересованной стороны. Законом предусмотрено право пользователя на судебное обжалование спорных положений пользовательского соглашения до заключения договора (до момента регистрации на сайте или в сети). Однако на практике попытки пользователя заставить администрацию сайтов изменить спорные положения встречаются крайне редко. Пользователи обычно соглашаются с правилами пользования сервисами интернет-ресурсов [19]. При этом федеральные органы исполнительной власти не имеют права регулировать гражданско-правовые отношения граждан-пользователей и лиц, оказывающих им услуги (администраторов и владельцев указанных сервисов).

Условия пользовательского соглашения и влияние таких условий на формирование и преобразование правового статуса (в том числе на правовое состояние) субъектов интернет-отношений, корреляция этих условий законодательно установленным правам и обязанностям, по нашему мнению, требуют отдельного исследования с учетом важности определения правомерности ограничений, являющихся одним из способов (причем наиболее конфликтным) преобразования правового статуса, природа которых должна зависеть от природы ограничиваемого права. Согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1996 г. ограничения должны осуществляться с целью способствовать общему благосостоянию, определяться законом и не могут противоречить природе ограничиваемых прав (ст. 4).

Таким образом, преобразование правового статуса субъектов, использующих Интернет, происходит за счет введения законодательных норм по ме-

ре усиления их роли и расширения технологических возможностей, способствующих реализации ими уже закрепленных прав, приобретения новых прав и обязанностей, установленных в пользовательских соглашениях, а также за счет естественных прав и ограничений, которые обусловлены структурой и технологическими особенностями сети «Интернет».

По нашему мнению, правовой статус этой категории субъектов является наиболее уязвимым с точки зрения возможностей влиять на процессы интернет-коммуникации, поэтому его преобразование (во всяком случае, на законодательном уровне) должно происходить на научной основе, позволяющей точнее определить природу прав и их ограничений, а также сбалансировать меры ответственности и защиты, необходимые для оптимального использования интернет-ресурсов в целях развития человеческого капитала.

3. Третья категория субъектов интернет-отношений — это государство в лице уполномоченных органов, правовой статус которых определен в законах и подзаконных нормативных актах, однако его реализация сопряжена с определенными трудностями, обусловленными особенностями интернет-процессов, в частности трансграничностью и распределенным характером сети, ее постоянным развитием на основе зарубежных технологий, неопределенностью механизмов идентификации и прочими.

В Модельном законе Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «Об основах регулирования Интернета» в ст. 3 в числе субъектов отношений, регулируемых этим Законом, указаны государство в лице его органов власти, уполномоченных на осуществление регулирования Интернета, а также меры, которые принимают органы государственной власти, органы местного самоуправления, направленные:

— на обеспечение равноправного, недискриминационного доступа пользователей к Интернету;

— недопущение необоснованных ограничений деятельности операторов услуг Интернета и осуществляемого посредством Интернета обмена информацией;

— содействие развитию рынка услуг, оказываемых с использованием интернет-технологий, недопущение монополизации и недобросовестной конкуренции.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203) отмечается, что информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. На определенном этапе наметился переход от идей нового государственного менеджмента к сетевому подходу, понимаемому как равноправное сотрудничество государственных и негосударственных структур; при этом и новый государственный менеджмент, и сетевая теория отражают тенденцию к расширению круга субъектов управления [20, с. 17].

В числе национальных интересов, обеспечению которых призвана способствовать указанная Стратегия, относится развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также повышение эффективности государственного управления наряду с развитием экономики и социальной сферы.

Государственные органы широко задействованы в интернет-процессах, начиная от использования

Интернета для развития институтов открытого правительства и поддержания обратной связи с гражданами и организациями до контролирующих функций и участия в управлении Интернетом на основе так называемого мультистейкхолдеризма. Иными словами, с одной стороны органы государства — пользователи Интернета, владельцы сайтов и т.п., с другой — контролирующие инстанции в сфере охраны прав и обеспечения безопасности физических и юридических лиц.

В результате можно проследить, как на определенном этапе развития Интернета (в стадии наиболее активного развития) государство стало уравниваться в части полномочий с другими субъектами интернет-отношений, что связано не только с утверждением принципа мультистейкхолдеризма, который предполагает паритетные начала в системе управления Интернетом и возложение основных функций по его распространению на субъектов частного права, но и с объективно ограниченными возможностями технического и технологического контроля глобальной сети.

Однако в настоящее время можно проследить обратную тенденцию, когда роль государства в управлении Интернетом усиливается, поскольку функция по охране прав и обеспечению безопасности на уровне международного сообщества признается в первую очередь за государством. Другие заинтересованные стороны, в частности техническое сообщество, в международных документах как гарант реализации прав граждан и организаций не значатся. Возникает некоторый перекоп в статусе государства при решении вопросов, связанных с Интернетом. С одной стороны, его роль в управлении ограничена из-за архитектуры самой сети и обособленности обеспечивающих субъектов, с другой стороны, именно на государство возлагаются основные обязанности по охране прав пользователей, критической инфраструктуры и поддержанию национальной безопасности.

Однако существует мнение [11, с. 12] о том, что в связи с усилением роли государства возможна приостановка позитивных макроэкономических тенденций в глобальном интернет-секторе вследствие нарастающей политически обусловленной фрагментации сети по национальным сегментам (на период 2018–2020 гг.). С правовой точки зрения государство — ключевая инстанция, ответственная не только за беспрепятственное развитие и распространение интернет-технологий в рамках развития информационного общества (закреплено на международном уровне в Тунисской программе и Окинавской хартии глобального информационного общества), но и за безопасность как отдельных индивидов, так и национального суверенитета. В частности, в Руководстве по правам человека для интернет-пользователей в Интернете [22] говорится: «Право на эффективное средство правовой защиты закреплено в статье 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКЧП). Каждый человек, чьи права и свободы ограничены или нарушаются в Интернете, имеет право на эффективное средство правовой защиты» (п. 99).

«Статья 13 ЕКЧП гарантирует наличие на национальном уровне эффективного средства правовой защиты для обеспечения реализации по существу прав и свобод, содержащихся в ЕКЧП, в какой-либо форме для обеспечения этого в национальном юридическом порядке. Это требует предоставления национального средства правовой защиты для рассмотрения по существу жалобы, поданной на основании ЕКЧП, и для предоставления соответствующей компенсации [23]. Государства несут позитивное обязательство по проведению расследований заявлений о нарушении прав человека и должны делать это незамедлительно, тща-

тельно и эффективно. Соответствующие процедуры должны давать возможность компетентному органу принимать решение по существу жалобы на нарушение Конвенции и наказывать за любое установленное нарушение, а также гарантировать исполнение принятых решений [24]» (п. 100).

Таким образом, можно констатировать, что государство возвращает свои позиции основного и пока единственного гаранта защиты прав и свобод, а также национальной безопасности в связи с возрастающей ролью глобальной сети как стратегического ресурса и тенденцией обособления национальных сегментов сети «Интернет», что подтверждается исследованиями в области кибергеографии [25, с. 19–34]. Следует отметить, что тенденции усиления государственных начал в регулировании глобальной сети формируются во многих государствах, и в европейских, и в азиатских.

В связи с этим прогнозируемые результаты развития законодательства — трансформация правового статуса тех субъектов, которые оказывают наибольшее влияние на современные процессы в информационной сфере, аккумулируют основные материальные ресурсы и заинтересованы в получении прибыли от использования информации, увеличения объемов информационных потоков и оснащения; формирование дополнительной системы правоохранительных органов, направленной на поддержку системы защиты участников информационных процессов, а также продолжение исследований в области динамики правового статуса, которые позволят выработать четкие основания и критерии преобразования правового статуса не только на основе ограничений, но и с учетом важности соблюдения баланса интересов как ключевой составляющей правового статуса субъекта интернет-отношений.

### Литература

1. Архипов В.В. Интернет-право : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В.В. Архипов. Москва : Юрайт, 2018. 239 с.
2. Хлопаева Н.А. Субъект права: мнение социолога / Н.А. Хлопаева // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). С. 36–47.
3. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский; издание подготовили Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. 798 с.
4. Бачило И.Л. Информационное право : учебник / И.Л. Бачило. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2011. 552 с.
5. Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности / А.В. Соколов. Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. 349 с.
6. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. Москва : Норма, 2008. 447 с.
7. Luhmann N. The Autopoiesis of social systems // Luhmann N. Essays on self-reference. New York : Columbia University Press, 1990. 245 p.
8. Двенадцатова Т. Новый год под знаком запрета / Т. Двенадцатова // ЭЖ-Юрист. 2017. № 50.
9. Guiding Principles on Cyber Security. Guidance for Internet Service Providers and Government. Published 12 December 2013 by the Department for Business, Energy & Industrial Strategy and Cabinet Office. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-guiding-principles>
10. Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ : ключевые вызовы для мирового сообщества / О. Демидов. Москва : Альпина Паблицер [и др.], 2016. 194 с.



11. Интернет: прецедентная практика Европейского суда по правам человека / Совет Европы; Европейский Суд по правам человека, 2011. URL: [https://www.echr.coe.int/Documents/Research\\_report\\_Internet\\_RUS.pdf](https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_Internet_RUS.pdf)

12. Лукьянова Е.Г. Теория государства и права. Введение в естественно-правовой курс : учебное пособие для студентов вузов / Е.Г. Лукьянова. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2015. 207 с.

13. Данилов Н.А. Цифровое равенство: опыт Австрии и Дании / Н.А. Данилов // Информационное право. 2012. № 4. С. 21–25.

14. Шерстобоева Е.А. Тенденции в регулировании российской блогосферы / Е.А. Шерстобоева, В.Ю. Павленко // Медиаскоп. 2015. № 4. С. 9.

15. Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г.). Текст информации официально опубликован не был // СПС «Гарант».

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (по состоянию на 17.04.2019) (подготовлен Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Батурич Ю.М. Что делает виртуальные преступления реальными / Батурич Ю.М., Полубинская С.В. // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 9–35.

19. РОСКОНАДЗОР. Ответы на вопросы в сфере соблюдения законодательства об информационных технологиях. URL: [rkn.gov.ru](http://rkn.gov.ru)

20. Положихина М.А. Организация государственного управления в современной России: структура, технологии, оценки / М.А. Положихина. Москва : ИНИОН РАН, 2012. 294 с.

21. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе. Правовой аспект : монография / Э.В. Талапина. Москва : Юриспруденция, 2015. 187 с.

22. Приложение к Рекомендации CM/Rec(2014)6 : принята Комитетом министров Советом Европы 16 апреля 2014 г. на 1197-м заседании постоянных представителей министров / Департамент документации и публикаций, Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/16800cc3b8>

23. «Кая (Кауа) против Турции», № 22729/93, § 106. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22item-id%22:%7B%22001-58138%22%7D%7D>

24. «Смит и Грейди (Smith and Grady) против Соединенного Королевства», №№ 33985/96, 33986/96, «Кая (Кауа) против Турции», № 22729/93, § 106. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22item-id%22:%7B%22001-58408%22%7D%7D>

25. Баринаева Д.С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета / Д.С. Баринаева // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества : сборник научных трудов / ответственные редакторы Л.Н. Верченков, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2013. С. 19–34.

26. Мануэль Кастельс о власти и коммуникации в сетевом сообществе (сводный реферат) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества : сб. научн. трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информац. исслед.; отв. ред. Л.Н. Верченков, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. М., 2013.

## References

1. Arkhipov V.V. Internet-pravo : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury` [Internet Law : textbook and practical guide for bachelor and master studies] / V.V. Arkhipov. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2018. 239 s.

2. Khlopaeva N.A. Subyekt prava: mnenie sotsiologa [Law Subject: An Opinion of a Sociologist] / N.A. Khlopaeva // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 5 (221). S. 36–47.

3. Kistyakovskiy B.A. Filosofiya i sotsiologiya prava [Legal Philosophy and Sociology] / B.A. Kistyakovskiy ; izdanie podgotovili Yu.N. Davy`dov, V.V. Sapov — the edition has been prepared by Yu.N. Davy`dov, V.V. Sapov. Sankt-Peterburg : Izd-vo Rus. Khristian. gumanit. in-ta — Saint Petersburg : publishing house of the Russian Christian Institute for the Humanities, 1998. 798 s.

4. Bachilo I.L. Informatsionnoe pravo : uchebnik [Information Law : textbook] / I.L. Bachilo. 2-e izd., pererab. i dop. — 2nd edition, revised and enlarged. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2011. 552 s.

5. Sokolov A.V. Informatsionnoe obschestvo v virtualnoy i sotsialnoy realnosti [The Information Society in the Virtual and Social Reality] / A.V. Sokolov. Sankt-Peterburg : Aleteya — Saint Petersburg : Aletheia, 2012. 349 s.

6. Vitruk N.V. Obschaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti [The General Theory of the Legal Status of an Individual] / N.V. Vitruk. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2008. 447 s.

7. Luhmann N. The Autopoiesis of Social Systems // Luhmann N. Essays on Self-Reference. New York : Columbia University Press, 1990. 245 s.

8. Dvenadtsatova T. Novy`y god pod znakom zapreta [New Year under the Sign of Prohibition] / T. Dvenadtsatova // EZh-Yurist — Lawyer electronic journal. 2017. № 50.

9. Guiding Principles on Cyber Security. Guidance for Internet Service Providers and Government. Published 12 December 2013 by the Department for Business, Energy & Industrial Strategy and Cabinet Office. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-guiding-principles>.

10. Internet: pretsedentnaya praktika Evropeyskogo suda po pravam cheloveka [The Internet: Case-Law of the European Court of Human Rights] / Sovet Evropy`; Evropeyskiy Sud po pravam cheloveka — The Council of Europe; the European Court of Human Rights, 2011. URL: [https://www.echr.coe.int/Documents/Research\\_report\\_Internet\\_RUS.pdf](https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_Internet_RUS.pdf)

11. Demidov O. Globalnoe upravlenie Internetom i bezopasnost v sfere ispolzovaniya IKT: klyuchevy`e vyzovy` dlya mirovogo soobschestva [Global Internet Management and Security in the Use of ICT: The Key Challenges for the World Community] / O. Demidov. Moskva : Alpina Pabliher [i dr.] — Moscow : Alpina Publisher [et al.], 2016. 194 s.

12. Lukyanova E.G. Teoriya gosudarstva i prava. Vvedenie v estestvenno-pravovoy kurs : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [The Theory of State and Law. An Introduction to the Natural Law Course : textbook for students of higher educational institutions] / E.G. Lukyanova. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2015. 207 s.

13. Danilov N.A. Tsifrovoye ravenstvo: opy`t Avstrii i Danii [Digital Equality: The Experience of Austria and Denmark] / N.A. Danilov // Informatsionnoe pravo — Information Law. 2012. № 4. S. 21–25.

14. Sherstoboeva E.A. Tendentsii v regulirovanii rossiyskoy blogosfery` [Tendencies in Regulation of the Russian Blogosphere] / E.A. Sherstoboeva, V.Yu. Pavlenko // Mediaskop — Mediascope. 2015. № 4. S. 9.

15. Informatsiya Konstitutsionnogo Suda RF ot 23 iyunya 2016 g. «Konstitutsionno-pravovye aspekty`





sovershenstvovaniya normotvorcheskoy deyatel'nosti (na osnove resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 2013–2015 godov)» (odobreno resheniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 23 iyunya 2016 g.). Tekst informatsii ofitsialno opublikovan ne by'l // SPS «Garant».

16. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23 aprelya 2019 g. № 10 «O primenenii chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // SPS «KonsultantPlyus».

17. Proekt postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O primenenii chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» (po sostoyaniyu na 17.04.2019) (podgotovlen Verkhovny'm Sudom RF) // SPS «KonsultantPlyus».

18. Baturin Yu.M. Chto delaet virtualny'e prestupleniya realny'mi [What Makes Virtual Crimes Real?] / Baturin Yu.M., Polubinskaya S.V. // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. T. 13 — Works of the Institute of State and Law of RAS. 2018. Vol. 13. № 2. S. 9–35.

19. ROSKOMNADZOR. Otveti` na voprosy` v sfere soblyudeniya zakonodatel'stva ob informatsionny'kh tekhnologiyakh [THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION OF COMMUNICATIONS, INFORMATION TECHNOLOGY AND MASS MEDIA. Answers to Questions on Compliance with Laws on Information Technology]. URL: rkn.gov.ru

20. Polozhikhina M.A. Organizatsiyagosudarstvennogo upravleniya v sovremennoy Rossii: struktura, tekhnologii, otsenki [Arrangement of Public Administration in Modern Russia: The Structure, Technologies, Evaluations] / M.A. Polozhikhina. Moskva : INION RAN — Moscow : INION RAN, 2012. 294 s.

21. Talapina E.V. Gosudarstvennoe upravlenie v informatsionnom obschestve. Pravovoy aspekt : monografiya [Public Administration in the Information Society. The Legal Aspect : monograph] / E.V. Talapina.

Moskva : Yurisprudentsiya — Moscow : Jurisprudence, 2015. 187 s.

22. Prilozhenie k Rekomendatsii CM/Rec(2014)6 : prinyata Komitetom ministrov Sovetom Evropy` 16 aprelya 2014 g. na 1197-m zasedanii postoyanny'kh predstaviteley ministrov [Annex to Recommendation CM/Rec(2014)6 : adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 16 April 2014 at the 1197th meeting of Ministers' Deputies] / Departament dokumentatsii i publikatsiy, Sovet Evropy` — Documents and publications Production Department, the Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16800cc3b8>

23. «Kaya (Kaya) protiv Turtsii» [Kaya vs. Turkey], № 22729/93, § 106. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-58138%22>

24. «Silver (Silver) i drugie protiv Soedinennogo Korolevstva», №№ 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75 § 113, «Kaya (Kaya) protiv Turtsii» [Silver et al. vs. the United Kingdom, №№ 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75 § 113, Kaya vs. Turkey], № 22729/93, § 106. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-58408%22>

25. Barinova D.S. Metodologicheskie aspekty` issledovaniya virtualnogo prostranstva Interneta [Methodological Aspects of the Use of the Virtual Internet Environment] / D.S. Barinova // Sotsialny'e seti i virtualny'e setevy'e soobschestva : sbornik nauchny'kh trudov / otvetstvenny'e redaktory` L.N. Verchenov, D.V. Efremenko, V.I. Tischenko — Social Networks and Virtual Network Communities : collection of research works / publishing editors L.N. Verchenov, D.V. Efremenko, V.I. Tischenko. Moskva : Institut nauchnoy informatsii po obschestvenny'm naukam RAN — Moscow : Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 2013. S. 19–34.

**Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект  
«Библиотека юридического вуза»  
на второе полугодие 2019 года**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».

В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс
- Гражданское право
- Информационное право
- История государства и права
- Конституционное и муниципальное право
- Международное публичное и частное право
- Семейное и жилищное право
- Трудовое право в России и за рубежом
- Финансовое право
- Юридическое образование и наука
- Юрист

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться  
на сайте ИГ «Юрист»: [www.lawinfo.ru](http://www.lawinfo.ru) в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88. E-mail: [podpiska@lawinfo.ru](mailto:podpiska@lawinfo.ru)





# Экспериментальные правовые режимы для цифровых инноваций: зарубежный опыт и российские перспективы

Ефремов А.А. \*

**Цель.** В данной статье, подготовленной на основе научно-исследовательской работы, проводимой в РАНХиГС в 2019 г., описываются современные тенденции развития экспериментального правового регулирования для цифровизации экономики и государственного управления. Автором рассмотрен опыт внедрения «регуляторных песочниц» в зарубежных странах. С учетом масштабности задач по формированию правового регулирования для обеспечения процессов цифровизации и цифровой трансформации автором обоснована необходимость внедрения в практику российского государственного управления и регулирования специальных правовых режимов для проведения экспериментов.

**Методология:** автором проведен сравнительный анализ «регуляторных песочниц» в зарубежных государствах, существующих подходов к применению экспериментов в Российской Федерации в рамках развития цифровой экономики и государственного управления. Для формирования предложений по формированию правового регулирования экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации использованы методы правового моделирования и институционального проектирования.

**Результаты.** На основе сравнительного анализа автором разработан комплекс предложений по развитию правового регулирования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, которые могут быть реализованы при принятии соответствующего федерального закона.

**Ключевые слова:** информационное право; информационные технологии; правовое регулирование; правовой режим; регуляторные песочницы; цифровая трансформация; цифровая экономика; цифровизация; цифровые инновации; цифровые технологии; эксперименты; экспериментальный правовой режим.

**Purpose.** This article, prepared on the basis of the research work carried out at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 2019, describes the current trends in the development of experimental legal regulation for digitalization of the economy and public administration. The author reviewed the experience of introducing “regulatory sandboxes” in foreign countries. Taking into account the scale of the tasks on the formation of legal regulation to ensure the processes of digitalization and digital transformation, the author substantiates the need to introduce into practice the Russian government and regulate special legal regimes for conducting experiments.

**Methodology:** the author conducted a comparative analysis of “regulatory sandboxes” in foreign countries, existing approaches to the use of experiments in the Russian Federation in the framework of the development of the digital economy and public administration. For the formation of proposals for the formation of legal regulation of experimental legal regimes in the Russian Federation, methods of legal modeling and institutional design were used.

**Results.** Based on a comparative analysis, the author has developed a set of proposals for the development of legal regulation of experimental legal regimes in the field of digital innovations, which can be implemented when an appropriate federal law is adopted. \*\*

**Keywords:** information law, digital technologies, legal regulations, legal regime, regulatory sandboxes, digital transformation, digital economy, digitalization, digital innovations, digital technologies, experiments, experimental legal regime.

Развитие цифровых технологий создает новые вызовы для правового регулирования всех общественных отношений, включая сам механизм правового регулирования и нормотворческий процесс.

В этих условиях возрастает значение таких инструментов и институтов правового регулирования, как специальные или особые правовые режимы и правовые эксперименты [1, с. 125], растет внимание к экспериментальному законодательству в целом [2, с. 540].

В документах международных организаций и за рубежом с 2015 г. получил активное развитие инсти-

тут так называемых «регуляторных песочниц». Данный институт с точки зрения российской теории права представляет собой *специальный (особый) правовой режим для проведения экспериментов в сфере применения цифровых технологий, который вводится регулирующим органом в отношении отдельных субъектов на определенный срок.*

В Докладе ОЭСР «Технологии и инновации в страховом секторе» 2017 г. [3] отмечено, что «регуляторные песочницы», разрабатываемые рядом юрисдикций, могут способствовать развитию конкуренции

\* **Ефремов Алексей Александрович**, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: efremov-a@ranepa.ru

**Рецензент: Минбалеев Алексей Владимирович**, ответственный секретарь журнала «Информационное право», ведущий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности РНИИИС, доктор юридических наук, доцент.

\*\* **Experimental Legal Regimes for Digital Innovations: Foreign Experience and Russian Prospects**

**Yefremov A.A.**, Leading Researcher of the Center for Public Administration Technologies in RANEPa Institute of Applied Economic Research, PhD (Law), Associate Professor.

**Reviewer: Minbaleev A.V.**, Executive Secretary of the Information Law Journal, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Leading Researcher of the Information Law Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of the Scientific Research Department of the Legislation and Comparative Law of Intellectual Property of RNIIS, LL.D., Associate Professor.

и пруденциальных требований, хотя обеспечение равных условий игры при выпуске из «песочницы» в рынок требует дополнительного решения. Они создают пространство для экспериментирования в сфере регулирования страховых технологий, однако необходимо определить, при каких условиях соответствующие технологии будут считаться успешными и масштабируемыми при переходе на обычное регулирование.

В Докладе ОЭСР для министров финансов и управляющих центральных банков стран G-20 «Поддержание конкурентных условий в эпоху цифровизации» в июле 2018 г. [4] содержится рекомендация об открытости для создания режимов регулирования с низкой нагрузкой для малых и новых компаний («регуляторных песочниц»). В докладе отмечена необходимость поощрения открытых и экспериментальных подходов в финансовом секторе, предусматривающих снижение нормативных требований для небольших и потенциально инновационных фирм. «Регуляторные песочницы» обеспечивают ограниченный отказ от регулирования или гибкое регулирование, которое должно быть ограничено в пространстве, по продолжительности и для конкретного сектора. «Регуляторные песочницы» создаются регулирующими органами для облегчения рыночных испытаний, экспериментов и инноваций, способствуют появлению и развитию инновационных технологий и бизнес-моделей, а также обеспечивают возможность для постоянного пересмотра нормативных актов и их быстрой коррекции в случае возникновения новых рисков.

Международный союз электросвязи в рамках Руководящих указаний Глобального симпозиума регуляторов 2018 г., касающихся новых границ регулирования для обеспечения цифровой трансформации [5], предусматривают *создание экспериментальной регуляторной среды для предприятий*, которые хотели бы протестировать новую технологию или инновационную услугу, не будучи при этом обязанными соблюдать все нормы, которые применялись бы в обычных условиях.

Проведенный анализ сравнительно-правового и функционального анализа правового регулирования и практики применения «регуляторных песочниц» в Великобритании [6] (5 когорт «песочниц» Управления по финансовому регулированию и надзору (FCA Regulatory Sandbox), Сингапуре (система отраслевых песочниц, включая Monetary Authority of Singapore (MAS) Fintech sandbox), Австралии (Australia Investment and Securities Commission (ASIC) sandbox), Канаде («песочница» организации администраторов рынка ценных бумаг (CSA Regulatory Sandbox) и других странах позволяет сделать вывод о том, что:

— вводит «регуляторных песочниц», как правило, осуществляется в рамках единой сферы (отрасли) правового регулирования, а также в рамках полномочий одного регулирующего органа (подзаконное регулирование);

— типичный механизм функционирования «регуляторной песочницы» такие стадии (этапы), как подача заявки, ее оценка и допуск в «песочницу», проведение тестирования (пилотирования, эксперимента), мониторинг и контроль со стороны регулирующего органа, отчетность и принятие решения об изменении или сохранении действующего правового регулирования.

Указанные особенности должны быть учтены при формировании российской правовой модели экспериментальных правовых режимов [7, с. 29–30].

Несмотря на относительно короткий срок существования, в зарубежной науке, а также в отдельных публикациях российских ученых в настоящее время исследуются перспективы применения регуляторных песочниц в сфере финансовых технологий [8], ин-

новаций [9, 10], формирования «умного регулирования» [11].

В Российской Федерации формирование правового регулирования и практика введения регуляторных песочниц начались с создания и функционирования регулятивной площадки Центрального Банка РФ. В соответствии с поручением Президента РФ от 21 октября 2017 г. № Пр-2132 Банку России совместно с Правительством РФ в срок до 20 декабря 2017 г. было поручено представить предложения по созданию на базе Банка России специальной регулятивной площадки («сэндбоксы») для апробации инновационных финансовых технологий, продуктов и услуг до установления правил регулирования отношений, связанных с их применением на финансовом рынке. В феврале 2018 г. Центральным банком РФ были одобрены Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов, которые предусматривают в том числе создание регулятивной площадки Банка России, которая представляет собой *механизм по апробации инновационных финансовых технологий, продуктов и услуг*.

Создание данного механизма направлено на достижение следующих целей:

— содействие развитию инновационных финансовых технологий и сервисов с учетом обеспечения стабильности финансовой системы и защиты прав потребителей;

— сокращение времени внедрения инновационных финансовых технологий и сервисов на рынке при потенциально более низких издержках;

— определение подходов к правовому регулированию в сфере использования инновационных финансовых технологий и сервисов;

— повышение доступности финансовых технологий и сервисов для потребителей, расширение их ассортимента;

— развитие конкуренции на финансовом рынке;

— повышение уровня безопасности инновационных финансовых технологий и сервисов.

На первом этапе будет реализовано пилотирование в форме «тестирования», которое предполагает моделирование целевого процесса применения инновационной финансовой технологии или сервиса в тестовой среде при отсутствии рисков для потребителей. На втором этапе предполагается проведение пилотирования в форме «ограниченного регулятивного эксперимента», которое предусматривает реализацию целевого процесса применения инновационной финансовой технологии или сервиса в реальных условиях в ограниченном периметре под контролем Банка России, в том числе совместно с заинтересованными государственными органами, что потребует внесения изменений в законодательство Российской Федерации в целях наделения Банка России и государственных органов полномочиями по проведению таких экспериментов, определению механизма их регулирования, включая возможность неприменения отдельных положений законодательства Российской Федерации. После внесения соответствующих изменений в законодательство РФ по отдельным проектам могут приниматься решения о проведении «ограниченного регулятивного эксперимента» с учетом минимизации рисков, выявленных на этапе «тестирования».

В апреле 2018 г. на официальном сайте Центрального банка РФ был создан раздел «регулятивная площадка», а также размещена форма заявки на пилотирование финансового сервиса (технологии) на регулятивной площадке Банка России, которая включает информацию о финансовом сервисе для принятия решения о его пилотировании.

По состоянию на февраль 2019 г. в пилотировании участвует 15 проектов. В рамках регулятивной



площадки Центрального банка РФ прошел успешное пилотирование проект ПАО «Сбербанк» — сервис, который позволяет дистанционно управлять полномочиями по счетам корпоративных клиентов на совершение операций в отделениях банков, по итогам пилотирования которого были внесены соответствующие изменения в нормативный правовой акт Центрального банка РФ.

Развитие законодательных основ для введения экспериментальных правовых режимов предусматривается в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16), в рамках Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» предусматривает принятие федерального закона, регулирующего вопросы создания и функционирования особых правовых режимов в условиях цифровой экономики («регуляторных песочниц»).

В январе 2019 г. на сайте Центра компетенций по нормативному регулированию цифровой экономики был размещен проект федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», а в апреле 2019 г. доработанный проект был размещен Минэкономразвития России на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов для проведения независимой антикоррупционной экспертизы.

Проведенный автором данной статьи анализ указанного законопроекта, отраженный в заключении по результатам независимой антикоррупционной экспертизы, показал наличие нормативных коллизий при определении термина «цифровые инновации» с законодательством о науке и научно-технической политике, определении механизма установления и реализации экспериментального правового режима, в том числе полномочий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, оценки эффективности и результативности экспериментальных правовых режимов.

В размещенной на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов в июле 2019 г. доработанной версии проекта были учтены ряд из вышеуказанных замечаний, при этом остались нерешенными вопросы оценки эффективности и результативности данных режимов.

В целом оптимальный нормативный дизайн для экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации должен предусматривать систематизацию норм об их введении в рамках федеральных законов «Об основах государственного управления» и «О нормативных правовых актах». Принятие отдельного федерального закона как промежуточный вариант законодательного регулирования требует также внесения изменений в законодательство об отдельных сферах деятельности, в том числе в законопроекты о контрольно-надзорной деятельности и об обязательных требованиях. Кроме того, необходимо обеспечение системной взаимосвязи со стратегическим планированием и планированием нормотворческого процесса, а также внедрение методики оценки эффективности и результативности указанных режимов.

В заключение следует отметить, что формирование законодательных основ для введения экспериментальных правовых режимов (специальных правовых режимов для проведения экспериментов) позволит повысить эффективность государственного управления и правового регулирования в условиях цифровизации и бурного развития цифровых инноваций в различных сферах общественных отношений.

#### Литература/References

1. Mader L. Evaluating the Effects: A Contribution to the Quality of Legislation / L. Mader // *Statute Law Review*. 2001. Vol. 22. P. 119–131.
2. Van Geste R. Better Regulation through Experimental Legislation / R. Van Geste, G. Van Dijk // *European Public Law*. 2011. Vol. 17 (3). P. 539–553.
3. OECD Technology and innovation in the insurance sector. 2017. URL: <https://www.oecd.org/pensions/Technology-and-innovation-in-the-insurance-sector.pdf>
4. OECD Maintaining competitive conditions in the era of digitalization. OECD report to G-20 Finance Ministers and Central Bank Governors, July 2018. URL: <http://www.oecd.org/g20/Maintaining-competitive-conditions-in-era-of-digitalisation-OECD.pdf>
5. ITU GSR-18 Best Practice Guidelines On New Regulatory Frontiers To Achieve Digital Transformation. 2018. URL: [https://www.itu.int/net4/ITU-D/CDS/GSR/2018/documents/Guidelines/GSR-18\\_BPG\\_Final-E.PDF](https://www.itu.int/net4/ITU-D/CDS/GSR/2018/documents/Guidelines/GSR-18_BPG_Final-E.PDF)
6. Regulatory sandbox lessons learned report. London, Financial Conduct Authority, 2017. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf>
7. Ефремов А.А. Специальные правовые режимы для проведения экспериментов в государственном управлении / А.А. Ефремов // *Конституционализм и государственное управление*. 2019. № 2. С. 29–34.
8. Arner D.W. FinTech and RegTech in a Nutshell, and the Future in a Sandbox / D.W. Arner, J. Barberis, R.P. Buckley // *Research Foundation Briefs*. 2017. Vol. 3 (4). P. 1–20.
9. Di Castri S. Going Beyond Regulatory Sandboxes to Enable FinTech Innovation in Emerging Markets. 2018 / S. Di Castri, A. Plaitakis. URL: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3139238](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3139238)
10. Dostov V. Regulatory sandboxes as a support tool for financial innovations / V. Dostov, P. Shoust, E. Ryabkova // *Journal of Digital Banking*. 2017. Vol. 2. P. 179–188.
11. Zetzsche D. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation / D. Zetzsche, R.P. Buckley, D.W. Arner, J.N. Barberis // *European Banking Institute (EBI) Research Paper Series*. 2017. Vol. 11. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3018534>

#### References

1. Mader L. Evaluating the Effects: A Contribution to the Quality of Legislation / L. Mader // *Statute Law Review*. 2001. Vol. 22. S. 119–131.
2. Van Geste R. Better Regulation through Experimental Legislation / R. Van Geste, G. Van Dijk // *European Public Law*. 2011. Vol. 17 (3). S. 539–553.
3. OECD Technology and Innovation in the Insurance Sector. 2017. URL: <https://www.oecd.org/pensions/Technology-and-innovation-in-the-insurance-sector.pdf>
4. OECD Maintaining Competitive Conditions in the Era of Digitalization. OECD Report to G-20 Finance Ministers and Central Bank Governors, July 2018. URL: <http://www.oecd.org/g20/Maintaining-competitive-conditions-in-era-of-digitalisation-OECD.pdf>
5. ITU GSR-18 Best Practice Guidelines on New Regulatory Frontiers to Achieve Digital Transformation. 2018. URL: [https://www.itu.int/net4/ITU-D/CDS/GSR/2018/documents/Guidelines/GSR-18\\_BPG\\_Final-E.pdf](https://www.itu.int/net4/ITU-D/CDS/GSR/2018/documents/Guidelines/GSR-18_BPG_Final-E.pdf)
6. Regulatory Sandbox Lessons Learned Report. London, Financial Conduct Authority, 2017. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf>
7. Ефремов А.А. Специальные правовые режимы для проведения экспериментов в государственном управлении [Special Legal Regimes for Carrying out Experiments in Public Administration] / А.А. Ефремов // *Конституционализм и государственное управление — Constitutionalism and Political Science*. 2019. № 2. С. 29–34.
8. Arner D.W. FinTech and RegTech in a Nutshell, and the Future in a Sandbox / D.W. Arner, J. Barberis, R.P. Buckley // *Research Foundation Briefs*. 2017. Vol. 3 (4). S. 1–20.
9. Di Castri S. Going Beyond Regulatory Sandboxes to Enable FinTech Innovation in Emerging Markets. 2018 / S. Di Castri, A. Plaitakis. URL: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3139238](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3139238)
10. Dostov V. Regulatory Sandboxes as a Support Tool for Financial Innovations / V. Dostov, P. Shoust, E. Ryabkova // *Journal of Digital Banking*. 2017. Vol. 2. S. 179–188.
11. Zetzsche D. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation / D. Zetzsche, R.P. Buckley, D.W. Arner, J.N. Barberis // *European Banking Institute (EBI) Research Paper Series*. 2017. Vol. 11. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3018534>





# Информационная правосубъектность: цифровая трансформация

Чубукова С.Г.\*

**Целью** статьи является исследование содержания информационной правосубъектности в условиях цифровизации современного общества. **Методологической основой** работы выступают системный подход, методы анализа и синтеза, сравнительного правоведения.

**Результаты.** Определены специфические признаки информационной правосубъектности: информационная деятельность как сфера реализации информационной правосубъектности; относительная обособленность информационной правоспособности и информационной дееспособности; наличие возможности реализации специальных информационных прав и обязанностей субъектов правоотношений. Рассмотрена категория «информационная деятельность» как деятельность, обеспечивающая сбор, обработку, хранение, поиск и распространение информации, а также формирование информационного ресурса и организацию доступа к нему.

Развитие информационных технологий, робототехники и систем искусственного интеллекта привело к обсуждению проблемы правового статуса «электронного лица». Для научной проработки правосубъектности систем искусственного интеллекта необходимо определиться как с самим понятием искусственного интеллекта, так и с критериями, позволяющими отнести информационную систему к системам искусственного интеллекта.

**Ключевые слова:** информационное право, субъект права, информационные правоотношения, информационная правоспособность, информационная дееспособность, субъекты информационных правоотношений, правовой статус, информационное законодательство, электронные лица.

**Purpose.** The aim of the article is to research of information legal personality in the conditions of digitalization of modern society. **Methodology:** the methodological basis of the work is a systematic approach, methods of analysis and synthesis, comparative law. **Results.** Having information legal personality, given the necessary information rights and duties and potentially capable to become the participant of information legal relationship.

Specific signs of information legal personality are defined: information activities as realization of information legal personality; the realization of the special information rights and duties of legal relationship subjects. The category "information activity" is considered. It is collecting, processing, storing, searching information, the creation of information resource and organization of access to it.

The target, organizational, competence blocks and responsibility are defined in the information and legal status of the subject.

The development of information technologies, robotics and artificial intelligence systems initiated the discussion of the "electronic person" legal status. "Electronic person" are decentralized autonomous organizations and artificial intelligence systems. The basis of decentralized autonomous organizations are self-executing smart contracts. Russian initiatives to create legal frameworks for smart contracts are considered.

It is necessary to give a legal definition of artificial intelligence and to determine the criteria that allow us to refer information systems to artificial intelligence systems. \*\*

**Keywords:** information law, information law subject, information legal relations, information legal personality, information legal capacity, subjects of information legal relations, legal status, information legislation, electronic persons.

Происходящие в обществе глобальные информационные процессы, цифровая трансформация общественной деятельности приводят к существенным изменениям во всех отраслях права и законодательства. В информационном праве эти реалии затрагивают не только проблемы правового статуса субъектов конкретных правоотношений, но и базовые правовые категории, к которым относится информационная правосубъектность.

В отечественной юридической науке проблема субъектов права развивается как в рамках общей теории государства и права, так и на уровне отраслевых наук.

Субъект права как теоретико-правовая категория является многоаспектным явлением. Так, С.И. Архипов в работе «Субъекты права: теоретическое исследование» рассматривает содержание этой правовой категории с разных сторон: в качестве лица (юридической внешности); правовой воли; совокупности правовых связей, правовых отношений; как правовое сознание; как правового деятеля; в качестве социально-правовой ценности; как правосубъектность [1].

Вместе с тем, несмотря на наличие многочисленных точек зрения на понимание субъекта права, законодатель подходит к определению субъекта пра-

\* Чубукова Светлана Георгиевна, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: sgchubukova@msal.ru

Рецензент: Полякова Татьяна Анатольевна, член редакционной коллегии журнала «Информационное право», главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук.

\*\* Informational Legal Capacity: The Digital Transformation

Chubukova S.G., Associate Professor of Information Law and Digital Technology Department in the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law).

Reviewer: Polyakova T.A., Member of the Editorial Board of the Information Law journal, Chair of the Information Law Sector And International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the RF, LL.D.



ва формально-юридически, т.е. через определение правосубъектности.

Правосубъектность выступает в качестве самостоятельной правовой категории, которая свидетельствует о правовой способности субъекта иметь права и обязанности, быть их носителем на любой стадии проявления (приобретать, осуществлять, изменять или прекращать), а также отвечать за неправомерную реализацию и исполнение. При этом связь правосубъектности и правового статуса субъекта права носит конкретизированный (отраслевой) характер.

Современное состояние разработанности проблемы информационной правосубъектности едва ли можно признать удовлетворительным. Информационная правосубъектность — это категория, которая постоянно обогащается новым содержанием, отражая закономерный процесс возрастания роли информации, информационных ресурсов и технологий на современном этапе развития общества, а также те глубинные преобразования, которые они оказывают не только на экономику, но и на культуру, мышление и другие явления социальной жизни.

В настоящая момент в научной литературе различается общая, отраслевая, и специальная правосубъектность.

Общая правосубъектность — это способность лица в рамках данной политической и правовой системы быть субъектом права вообще. В современном обществе не может быть людей, не наделенных общей правоспособностью. Это важнейшая предпосылка и неотъемлемый элемент юридического и социального статуса личности.

Анализируя проблемы теории субъектов права, С.И. Архипов делает вывод, что единство права, правовой коммуникации невозможно без общеправовых субъектов, без общеправовой правосубъектности, которая обогащается различными отраслевыми компонентами. Выделение отраслевой правосубъектности, на его взгляд, имеет условный характер, т.е. допустимо при том неременном условии, что она рассматривается в качестве элемента общей правосубъектности, единой родовой связи лица с правопорядком. Как только данное условие игнорируется, забывается об этом допущении, то представления о субъекте права, а также о единой правовой коммуникации, общем правовом пространстве перестают отражать существующую правовую реальность [1, с. 13–14].

Отраслевая правосубъектность — это способность лица быть участником правоотношений той или иной отрасли права. Очевидно, что тот или иной комплекс отраслевых прав и обязанностей лицо может иметь и осуществлять только в том случае, если оно способно сознательно понимать их содержание. Иными словами, социальной основой отраслевой правосубъектности является способность лица к определенным видам сознательной деятельности, которая зависит от совокупности его физических, интеллектуальных, психических и иных физиологических способностей и особенностей.

Современное развитие робототехники и систем искусственного интеллекта привело к обсуждению проблемы правосубъектности и правового статуса «электронных лиц» как агентов (посредников), наделенных функциями, ранее выполнявшимися человеком [2, 3, 4].

Некоторые авторы считают, что дискуссия о формировании для систем искусственного интеллекта особого статуса «электронного лица» должна быть оценена юристами негативно, поскольку явится с позиции философии «умножением сущности без необходимости», а с политических позиций — полумерой, которая лишь увеличивает неопределенность [5].

Вместе с тем научная дискуссия все шире охватывает вопросы правосубъектности роботов и воз-

можности применения к ним мер юридической ответственности [6, 7]. Ученые и практики анализируют соотношение правового статуса робота не только со статусом юридического лица или животного [8], но и со статусом человека. Последние базируют свои выводы на том, что в основе систем искусственного интеллекта лежит аналогия с нервной системой человека, и основной функциональной единицей системы является искусственный нейрон [9].

Все чаще в литературе рассматривается возможность создания особого правового статуса «электронного лица», которое могло бы нести ответственность за свои действия в определенных случаях, когда они принимают решения самостоятельно [9].

Очевидно, что «индивидуальность» систем искусственного интеллекта является фикцией. Понятие субъекта права неразрывно связано с определением его интересов, целей и воли. Содержательную сторону правосубъектности составляет волевая способность лица участвовать в правовых отношениях и нести юридическую ответственность за совершенные действия. Этот антропоцентричный подход хорошо иллюстрируют слова С.С. Алексеева о том, что социальной предпосылкой правосубъектности служит свобода воли человека [11, с. 379].

Очевидно, что система искусственного интеллекта не может в полной мере реализовать такую важную составляющую как воля. Также неоднозначно отношение искусственного интеллекта к реализации мер государственного принуждения в случае нарушения правовых норм [12].

С одной стороны, решение проблемы разработки отдельного правового статуса для электронного лица даст возможность регулировать и контролировать действия роботов отдельно от их разработчиков, владельцев, пользователей и других субъектов правоотношений. Такое разграничение очень важно с той точки зрения, что робот сможет принимать автономные решения, которые их создатель или владелец не всегда может предвидеть и контролировать. Это также определит основания правовых отношений между самими роботами-агентами.

Но, с другой стороны, это вызовет большие этические проблемы и потребует кардинального пересмотра теории общеправовой правосубъектности. Так, группой ведущих экспертов в сфере робототехники, искусственного интеллекта, медицины и этики в апреле 2018 г. было опубликовано открытое письмо к Европейской комиссии с призывом не предоставлять статус субъекта роботам, поскольку это является «абсурдным» и может привести к нарушению прав человека [13, с. 58]. Однако зарубежный опыт показывает, что в праве развиваются тенденции закрепления за киберфизическими системами статуса субъекта права [14], что в будущем может привести к пересмотру базовых положений теории права. Это не кажется фантастичным, если вспомнить, что в марте 2017 г. суд индийского штата Уттаркханд признал реки Ямуна и Ганг живыми существами, наделив их юридическими правами [15]. И в этом же году река Уонгануи в Новой Зеландии стала первым водоемом в мире, получившим те же юридические права, что и человек [16].

Остановимся более подробно на содержании и особенности информационной правосубъектности.

В ряде отраслей права правосубъектность существует как единая праводеееспособность, одновременно охватывающая два момента: во-первых, возможность обладания правами и обязанностями и, во-вторых, возможность их самостоятельного осуществления. В других отраслях права (прежде всего в гражданском праве) правосубъектность как бы разделяется на относительно обособленные структурные элементы — правоспособность и дееспособность.

В информационном праве категория правоспособности также имеет самостоятельное значение. Субъект информационных правоотношений может обладать правоспособностью, т.е. наличием определенных прав и обязанностей, но при этом может быть лишен дееспособности. При отсутствии у субъекта права дееспособности его может заменить другое лицо, обладающее дееспособностью (родители, опекуны и т.д.)

Информационная правосубъектность предполагает такие качества лица, которые в соответствии с действующим законодательством дают им право быть участниками информационных правоотношений. Так, на информационную правосубъектность влияют такие факторы как: физические свойства личности (возраст — право на защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, право на конфиденциальность информации о несовершеннолетнем участнике правонарушения; состояние здоровья — допуск к государственной тайне); социально-демографические, морально-этические и мировоззренческие свойства личности (национальность — право на использование языка; вероисповедание — тайна вероисповедания); применение мер государственного принуждения.

Информационная правоспособность граждан не может быть отчуждаема и передаваема. Ее объем определяется только законом и может быть временно ограничен в случаях и в порядке, определяемых законодательством. Так, например, в целях обеспечения информационной безопасности детей государство устанавливает ограничение на распространение определенных видов информационной продукции, которая может причинить вред развитию и здоровью ребенка.

Граждане могут пользоваться принадлежащими им информационными правами и свободами с момента рождения. С любого возраста возможно осуществление конституционных информационных прав: права искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; права на свободу мысли и слова; права на информацию о состоянии окружающей среды; права на свободу всех видов творчества; права на доступ к культурным ценностям.

При этом полная информационная дееспособность гражданина возникает по достижении 18-летнего возраста (например, доступ к государственной тайне).

Также в составе правосубъектности выделяют такой элемент как деликтоспособность. Деликтоспособность субъекта информационного правоотношения — это признаваемая информационным правом возможность нести юридическую ответственность за правонарушения в информационной сфере. Ее возникновение, так же, как и возникновение дееспособности, связано с достижением гражданином определенного возраста.

Так, полностью деликтоспособными являются лица, обладающие полной дееспособностью. Согласно гражданскому законодательству несовершеннолетние могут нести на общих основаниях самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам и за причинение вреда только в двух случаях: при эмансипации, т.е. объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (ст. 27 ГК РФ); при вступлении в брак до достижения возраста 18 лет (ст. 21 ГК РФ). КоАП РФ определяет 16 лет как возраст, по достижении которого наступает административная ответственность. В уголовном праве от-

ветственность за преступления наступает с 16 лет, а за наиболее тяжкие преступления — по достижении 14-летнего возраста.

В содержание информационной правосубъектности входят не сами конкретные информационные права и обязанности субъекта информационных правоотношений, а юридическая возможность (или способность) иметь эти права и нести обязанности, возникающие у субъекта информационного права тогда, когда он вступает в конкретные информационные правоотношения. Права и обязанности участников информационных правоотношений устанавливаются информационно-правовыми предписаниями, содержащимися в разнообразных источниках информационного права. Отсюда информационная правосубъектность как юридическая категория имеет относительно самостоятельный независимый характер. Она наполнена конкретным предметным содержанием и определяется границами установленной законодателем сферы информационной деятельности.

Категория «информационная деятельность» является сравнительно новым понятием. Она как разновидность социальной деятельности представляет собой одну из фундаментальных категорий информационной правовой науки.

Так, И.Л. Бачило, рассматривая информационную деятельность как основу правоотношений в информационной сфере, выделяет три вида такой деятельности: общую, специальную и специализированную [17, с. 72–73].

Под информационной деятельностью общего характера автор понимает деятельность в качестве пользователя общедоступной информации и средств информатизации, которая свойственна всем категориям субъектов. Общая информационная деятельность реализуется в процессе осуществления субъектами их прав на информацию через действующие информационные системы и информационно-коммуникационные технологии национального (государственного) уровня.

Специальная информационная деятельность осуществляется органами, организациями и профессионально ориентированными работниками, которые решают задачи в области управления, производства, массовой информации, обеспечивают консультативную, экспертную, аналитическую работу для неограниченного числа пользователей. Специальная информационная деятельность связана с осуществлением служебной работы в рамках государственных органов и органов местного самоуправления и ограничена правовым статусом каждого субъекта.

Специализированная информационная деятельность охватывает такую деятельность, в результате которой решаются задачи по формированию и использованию информационных ресурсов, информационных технологий и коммуникаций, создается инфраструктура определенных информационных систем, реализуется рынок в области информационно-коммуникационных технологий, обеспечивается информационная безопасность и т.п. Специализированная информационная деятельность обеспечивает создание технологической, технической информационной продукции, обеспечивает их рынок, формирует рынок информационных и технологических заслуг на базе функционирующей информационной инфраструктуры.

В самом широком понимании информационная деятельность рассматривается как деятельность, обеспечивающая сбор, обработку, хранение, поиск и распространение информации, а также формирование информационного ресурса и организацию доступа к нему [18].





Специфические признаки информационной правосубъектности обусловлены предметом информационного права. К ним следует отнести: информационную деятельность как сферу реализации информационной правосубъектности; относительную обособленность информационной правоспособности и информационной дееспособности; наличие возможности реализации специальных информационных прав и обязанностей субъектов правоотношений;

Информационная правосубъектность — это юридическое свойство, находящееся в постоянной динамике, которая зависит от потребностей участников общественных отношений и в информационной сфере во многом определяется развитием информационных технологий.

На протяжении всей истории человечества существовали и развивались технологии обработки информации — язык, письменность, книгопечатание, радио, телевидение. Но только с появлением современных вычислительных средств, автоматизированных технологий и информационных систем потребовалось развитие правового регулирования информационных отношений и появление новой комплексной отрасли информационного права.

Дальнейшие процессы цифровизации общественной жизни, несомненно, приведут к наполнению информационной правосубъектности новым содержанием. Уже сегодня настоятельно требуют решения вопросы, связанные с совершением юридически значимых действий программно-аппаратными комплексами (например, центрами автоматической фиксации административных правонарушений), реализацией концепции интернета вещей, появлением самообучаемых программ (например, «чат ботов») и систем искусственного интеллекта.

Сохраним ли мы антропоцентрический подход в праве или конституционное «каждый имеет право» распространяем на новые цифровые реальности? Решение этого вопроса представляет интерес не только для юриспруденции, но и для философии, а также для целого ряда смежных социальных наук.

#### Литература

- Архипов С.И. Субъекты права: теоретическое исследование / С.И. Архипов. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 469 с.
- Holder C. Robotic and Law: Key Legal and regulatory implications of the robotics age (Part I of II) / C. Holder, V. Khurana, F. Harrison, L. Jacobs // Computer law & security review. 2016. Vol. 32. P. 383–402.
- Robertson J. Human rights vs. robot rights: Forecasts from Japan / J. Robertson // Critical Asian Studies. 2014. Vol. 46. Iss. 4. P. 571–598.
- Van Est R., Gerritsen J., Kool L. Human rights in the robot age: Challenges arising from the use of robotics, artificial intelligence, and virtual and augmented reality / Van Est R., Gerritsen J., Kool L. // Expert report written for the Committee on Culture, Science, Education and Media of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE). The Hague : Rathenau Instituut, 2017. 57 p.
- Петренко М.Н. Искусственный интеллект: о проблемах правового статуса / М.Н. Петренко // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 1 (17). С. 491–494.
- Архипов В. Юридические аспекты робототехники / В. Архипов. URL: <http://old.advgazeta.ru/blog/posts/490> (дата обращения: 25.03.2019).
- Asaro P.M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective / P.M. Asaro. URL: <http://www.peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (дата обращения: 25.03.2019).
- Архипов В.В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робо-

технике: аспекты воли и правосубъектности / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

9. Яценко В.А. Теория искусственного интеллекта (основные положения) / В.А. Яценко // Математичні машини і системи. 2011. № 4. С. 3–19.

10. Item “f” clause 59 of the Civil Law Rules on Robotics, European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).

11. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Велби; Проспект, 2008. 576 с.

12. Грищенко Г.А. Искусственный интеллект как субъект права / Г.А. Грищенко // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : материалы XIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) : сборник научных статей : в 3 частях. Ч. 3. Москва : РГ-Пресс, 2018. С. 394–398.

13. Наумов В.Б. Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах / В.Б. Наумов, А.В. Незнамов, К.М. Смирнова // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право : материалы Международной научно-практической конференции Первые Бачиловские чтения : сборник научных трудов / под редакцией Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. Москва : ИГП РАН, 2018. С. 52–64.

14. De Schrijver S. The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots / S. De Schrijver. URL: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots/> (дата обращения: 25.03.2018).

15. Река Ганг в Индии получила статус «живого человеческого существа». URL: <http://indiadaily.ru/lajfstajl/reka-gang-v-indii-poluchila-status-zhivogo-chelovecheskogo-sushhestva/> (дата обращения: 21.03.2019).

16. New Zealand river granted same legal rights as human being // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/16/new-zealandriver-granted-same-legal-rights-as-human-being> (дата обращения: 21.03.2019).

17. Бачило И.Л. Информационное право : учебник для вузов / И.Л. Бачило. Москва : Высшее образование, Юрайт-издат, 2009. 454 с.

18. Тихомиров В.П. Введение в информационный бизнес / В.П. Тихомиров, О.В. Голосов, С.А. Охрименко [и др.] / под редакцией В.П. Тихомирова, А.В. Хорошилова. Москва : Финансы и статистика, 1996. 240 с.

#### References

- Arkhipov S.I. Subyektu` prava: teoreticheskoe issledovanie [Law Subjects: Theoretical Research] / S.I. Arkhipov. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 469 s.
- Nolder C. Robotic and Law: Key Legal and Regulatory Implications of the Robotics Age (Part I of II) / C. Nolder, V. Khurana, F. Harrison, L. Jacobs // Computer Law & Security Review. 2016. Vol. 32. S. 383–402.
- Robertson J. Human Rights vs. Robot Rights: Forecasts from Japan / J. Robertson // Critical Asian Studies. 2014. Vol. 46. Iss. 4. S. 571–598.
- Van Est R., Gerritsen J., Kool L. Human Rights in the Robot Age: Challenges Arising from the Use of Robotics, Artificial Intelligence, and Virtual and Augmented Reality / Van Est R., Gerritsen J., Kool L. // Expert report written for the Committee on Culture, Science, Education and Media of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE). The Hague : Rathenau Instituut, 2017. 57 s.



5. Petrenko M.N. *Iskusstvennyy`y intellekt: o problemakh pravovogo statusa [Artificial Intelligence: On Issues of the Legal Status]* / M.N. Petrenko // *Alleya nauki*. 2018. T. 1 — *Science Alley*. 2018. Vol. 1. № 1 (17). S. 491–494.
6. Arkhipov V. *Yuridicheskie aspekty` robototekhniki [Legal Aspects of Robotics]* / V. Arkhipov. URL: <http://old.advgazeta.ru/blog/posts/490> (date of access: March 25, 2019).
7. Asaro P.M. *Robots and Responsibility from a Legal Perspective* / P.M. Asaro. URL: <http://www.peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (date of access: March 25, 2019).
8. Arkhipov V.V. *O nekotory`kh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatelstva o robototekhnike: aspekty` voli i pravosubyektnosti [On Some Issues of Theoretical Bases for the Development of Laws on Robotics: Aspects of Will and Legal Capacity]* / V.V. Arkhipov, V.B. Naumov // *Zakon — Law*. 2017. № 5. S. 157–170.
9. Yaschenko V.A. *Teoriya iskusstvennogo intellekta (osnovny`e polozheniya) [The Artificial Intelligence Theory (the Main Provisions)]* / V.A. Yaschenko // *Matematichni mashini i sistemi — Mathematical Machines and Systems*. 2011. № 4. S. 3–19.
10. Item “f” Clause 59 of the Civil Law Rules on Robotics, European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).
11. Alekseev S.S. *Obschaya teoriya prava : uchebnik [The General Theory of Law : textbook]* / S.S. Alekseev. 2-e izd., pererab. i dop. — 2nd edition, revised and enlarged. Moskva : Velbi ; Prospekt — Moscow : Velbi ; Prospekt, 2008. 576 s.
12. Grischenko G.A. *Iskusstvennyy`y intellekt kak subyekt prava [Artificial Intelligence as a Law Subject]* / G.A. Grischenko // *Sovremennoe rossiyskoe pravo: vzaimodeystvie nauki, normotvorchestva i praktiki : materialy` XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kutafinskie chteniya) : sbornik nauchny`kh statey : v 3 chastyakh. Ch. 3*. Moskva : RG-Press — *The Modern Russian Law: Cooperation between Science, Law Making and Practice : files of the XIII international scientific and practical conference (the Kutafin Readings) : collection of scientific articles : in 3 parts. Part 3*. Moscow : RG-Press, 2018. S. 394–398.
13. Naumov V.B. *Razvitie zakonodatelstva o robototekhnike i kiberfizicheskikh sistemakh [The Development of Laws on Robotics and Cyberphysical Systems]* / V.B. Naumov, A.V. Neznamov, K.M. Smirnova // *Informatsionnoe prostranstvo: obespechenie informatsionnoy bezopasnosti i pravo : materialy` Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Pervy`e Bachilovskie chteniya : sbornik nauchny`kh trudov / pod redaktsiey T.A. Polyakovoy, V.B. Naumova, A.V. Minbaleeva*. Moskva : IGP RAN — *The Information Environment: Ensuring Information Security and Law : files of the international scientific and practical conference The First Bachilov Readings : collection of research works / edited by T.A. Polyakova, V.B. Naumov, A.V. Minbaleev*. Moscow : ISL RAS, 2018. S. 52–64.
14. De Schrijver S. *The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots* / S. De Schrijver. URL: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots/> (date of access: March 25, 2018).
15. Reka Gang v Indii poluchila status «zhivogo chelovecheskogo suschestva» [The India’s Ganges River Has Received a Status of a ‘Living Human Being’]. URL: <http://indiadaily.ru/lajfstajl/reka-gang-v-indii-poluchila-status-zhivogo-chelovecheskogo-sushhestva/> (date of access: March 21, 2019).
16. *New Zealand River Granted Same Legal Rights as Human Being* // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/16/new-zealandriver-granted-same-legal-rights-as-human-being> (date of access: March 21, 2019).
17. Bachilo I.L. *Informatsionnoe pravo : uchebnik dlya vuzov [Information Law : textbook for higher educational institutions]* / I.L. Bachilo. Moskva : Vy`sshee obrazovanie, Yurayt-izdat — Moscow : Higher Education, Urait-Publishing, 2009. 454 s.
18. Tikhomirov V.P. *Vvedenie v informatsionnyy`y biznes [An Introduction to Information Business]* / V.P. Tikhomirov, O.V. Golosov, S.A. Okhrimenko [i dr.] / pod redaktsiey V.P. Tikhomirova, A.V. Khoroshilova — V.P. Tikhomirov, O.V. Golosov, S.A. Okhrimenko [et al.] / edited by V.P. Tikhomirov, A.V. Khoroshilov. Moskva : Finansy` i statistika — Moscow : Finance and Statistics, 1996. 240 s.

## Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.



# Информационная безопасность электронного обучения: цифровые следы и цифровая тень обучающихся

Рустикова Г.С.\*

**Цель.** В статье проведен анализ составляющих информационной безопасности электронного обучения. Особый акцент сделан на использовании цифровых следов и цифровой тени в образовательном процессе. В целом выявлено положительное влияние использования цифровых следов и цифровой тени обучающегося на образовательный процесс: помогает индивидуализировать образовательную траекторию изучения материала и дисциплинирует обучающегося. Но в то же время стремительное развитие информационных технологий вызвало появление новых угроз в сфере электронного обучения: структурирование цифровой тени, анализ цифровых следов, разглашение биометрических персональных данных, информационно-психологическое воздействие на обучающихся и др. **Методология:** использованы общенаучные (системный анализ, диалектический) и частнонаучные (формально-юридический, догматический) методы. **Результаты.** Проведенный анализ использования цифровых следов и цифровой тени в процессе электронного обучения позволил выявить основные типы угроз информационной безопасности обучающегося и определить направления их правового регулирования в соответствии с российским законодательством.

**Ключевые слова:** электронное обучение, информационная безопасность, цифровые следы, цифровая тень, информационные угрозы.

**Purpose.** The article analyzes the components of information security of e-learning. Particular emphasis is placed on the use of digital traces and digital shadow in the educational process. In General, the positive impact of the use of digital traces and digital shadow of the student on the educational process is revealed: it helps to individualize the educational trajectory of the material and disciplines the student. But at the same time, the rapid development of information technology has caused the emergence of new threats in the field of e-learning: the structuring of digital shadows, the analysis of digital traces, the disclosure of biometric personal data, information and psychological impact on students, etc. **Methodology:** general scientific (analysis system, dialectical) and private scientific (formal-legal, dogmatic) methods were used. **Results.** The analysis of the use of digital traces and digital shadow in the process of e-learning allowed to identify the main types of threats to the information security of the student and to determine the direction of their legal regulation in accordance with Russian legislation. \*\*

**Keywords:** e-learning, information security, digital footprints, digital shadow, information threat.

В современных образовательных организациях используется множество баз данных различного характера: с учебно-методическими материалами, с персональными данными обучающихся, с электронными образовательными ресурсами, с оценками, с информацией о прибытии/выходе из учебного учреждения обучающихся и педагогических работников и т.д. Понятие «электронное обучение» определено в п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: «организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодей-

ствие обучающихся и педагогических работников». Следовательно, можно сделать вывод, что практически во всех образовательных учреждениях применяется электронное обучение.

Безусловно, использование электронного обучения в образовательном процессе открывает новые перспективы и дает огромный потенциал для индивидуализации учебного процесса, но в этом есть и свои минусы, разберем из них те, что касаются информационной безопасности. Т.А. Бражник справедливо отмечает, что «существует классификация, согласно которой информационная безопасность может быть разделена на два самостоятельных направления: безопасность информации и безопасность от информации» [1, с. 18]. Если говорить об информационной безопасности электронного обучения, то в первую очередь это вопросы безопасности от информации

\* **Рустикова Галина Сергеевна**, старший преподаватель кафедры информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). E-mail: Rustikova-gs@list.ru

**Рецензент: Полякова Татьяна Анатольевна**, член редакционной коллегии журнала «Информационное право», главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук.

\*\* **Information Security of E-Learning: Digital Traces and Digital Shadow of Students**

**Rustikova G.S.**, Senior Lecturer of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of justice of Russia).

**Reviewer: Polyakova T.A.**, Member of the Editorial Board of the Information Law Journal, Chair of the Information Law Sector and International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the RF, LL.D.



для обучаемого и информации об обучаемом. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» безопасности электронных образовательных ресурсов и электронных информационных ресурсов соответственно.

Что касается безопасности от информации для обучаемого (безопасности электронных образовательных ресурсов, в частности — образовательного контента), то самой главной угрозой, на взгляд автора, является возможность внедрения в образовательные материалы (электронные образовательные ресурсы) специальных механизмов информационно-психологического воздействия на обучаемых. К примеру, уже известны неоднократные случаи вербовки студенток в террористические организации [2].

Если предположить возможность кибератаки на информационную образовательную систему, с целью внедрения определенных изменений в структуру и содержание электронных образовательных ресурсов, то есть определенный риск вышеуказанного воздействия. Учитывая алгоритм работы искусственного интеллекта в системе построения образовательного индивидуализированного процесса обучаемого, а именно: выстраивание запланированного учебного материала в режиме (темпе), удобном для конкретного обучаемого с учетом его особенностей и образовательных потребностей, вероятность возникновения угрозы информационно-психологического воздействия на определенное обучаемое или их группу весьма существенна.

Принятие в 2010 г. Федерального закона № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» позволило определить основные понятия в данной сфере, требования к обороту информационной продукции для детей и ответственность за правонарушения в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. Но в условиях цифровизации и постоянно совершенствующихся методов информационно-психологического воздействия подобный закон необходимо разработать и для взрослых категорий населения.

Безопасность информации об обучаемом (или безопасность электронных информационных ресурсов) включает в себя безопасность его персональных данных, цифровых следов и цифровой тени. Безопасность персональных данных регулируется положениями Федерального закона «О персональных данных». Относятся ли цифровые следы и цифровая тень обучаемых к персональным данным? Законодательно оба этих понятия не закреплены. Во-первых, определим, в чем разница двух этих понятий, потому что понятие «цифровая тень» можно перепутать с пассивными цифровыми следами. Цифровые следы — это та информация, которую мы неизбежно оставляем вследствие деятельности в глобальной сети Интернет. Существует несколько классификаций цифровых следов. Интересна классификация цифровых следов Брюса Шнайера [3], он выделяет 6 типов цифровых следов, исходя из способа их получения: сервисные, раскрытые, доверенные, случайные, поведенческие и производные. Наиболее распространенная классификация — это активные и пассивные цифровые следы. Активные следы мы оставляем преднамеренно, например, когда регистрируемся для получения определенной услуги или размещаем фотографии, комментарии. Пассивные следы оставляются и собираются без нашего желания. Приведем пример: когда веб-сайты индексируют информацию о том, сколько

раз вы посещали именно этот сайт, то пассивно добавляют эту информацию к вашему цифровому следу (привязывая его к вашему аккаунту или IP-адресу вашего устройства).

Формирование цифровой тени тоже не зависит от нашего желания, и вероятно, именно поэтому ее зачастую ассоциируют с пассивным цифровым следом. Но, в отличие от цифрового следа мы не можем сделать выбор, оставлять ее или нет. Ведь даже пассивный цифровой след можно не оставлять, выбрав «цифровой дауншифтинг — отказ от Интернета и «заметание» следов» [4]. Цифровую тень, особенно в крупных городах, невозможно скрыть.

Как может появиться цифровая тень? С учетом того, что системы видеонаблюдения стоят уже на многих, даже жилых, домах, выходя из своего подъезда или квартиры, заходя в общественный транспорт или магазин, передвигаясь по дорогам в своем автомобиле, мы все время находимся под прицелом видеокамер. Таким образом, без учета нашего желания формируется наша цифровая тень. Наиболее ярким примером появления цифровой тени также может стать наше случайное попадание на чьи-либо фотографии или видеозаписи, но в силу тех или иных обстоятельств привлечших внимание или активное обсуждение в сети Интернет.

Сложно представить себе размеры так называемой цифровой вселенной, ежедневно пополняющейся новыми фотографиями, видеофайлами, текстами, новостями и прочей информацией. Для наглядности приведем пример из исследований, проведенных в 2007 г. (12 лет назад), уже в то время, по расчетам, на каждого жителя планеты приходилось по 45 Гб информации в цифровом виде. Удачным с точки зрения наглядности было сравнение этого количества информации (всей цифровой вселенной 2007 г.) Сергеем Попсулиным [5] с 17 миллиардами телефонов iPhone с памятью 16 Гб.

В настоящий момент огромные данные под названием цифровая тень не структурированы и доставляют неприятности только популярным людям. Но если информационные технологии позволяют структурировать всю эту огромную массу цифровых данных, то о конфиденциальности и о многих видах тайн можно будет забыть. Уже сейчас существуют системы распознавания лиц, они были массово апробированы в нескольких городах России во время проведения Чемпионата мира по футболу FIFA в 2018 г. [6]. Следовательно, в ближайшем будущем можно будет структурировать и цифровую тень, ориентируясь на биометрические данные (Face ID, голос и пр.).

Как цифровые следы и тень обучаемого будут влиять на образовательный процесс и в чем опасность неграмотного использования такого рода данных? С одной стороны, исследование цифровых следов обучаемого может принести положительный эффект, потому что позволит выстраивать траекторию обучения исходя из личных интересов и способностей обучаемого. Особенно это касается младших школьников и дошкольников, которые нуждаются в определенном стимулировании внимания. Например, возможно использование в этих целях любимых героев или увлечений школьника. На основе проведенного в Томском институте исследования пользовательских данных и цифровых следов студентов из социальной сети «ВКонтакте» и LMS MOODLE был сделан вывод о том, что анализ такого рода информации может помочь составить общее для всех субъектов учебного процесса видение моделей индивиду-



ализации образовательного процесса [7]. Некоторые исследователи предлагают на основе полученных данных из профилей социальных сетей осуществлять поиск перспективных абитуриентов [8] или использовать эти данные для выявления образовательных потребностей школьников [9].

С помощью системы распознавания лиц, через камеры видеонаблюдения можно упростить процесс контроля присутствия обучаемых на занятиях и вступительных/итоговых экзаменах. Более того, если технологии будут так же стремительно развиваться, это позволит обеспечить безопасность обучаемых. Например, система кодирования лицевых движений (СКЛид) (англ. Facial Action Coding System (FACS)) уже сейчас позволяет выявить агрессивны настроенных людей в толпе и своевременно реагировать на данную угрозу правоохранительным органам. Данная программа позволяет распознавать различные эмоции и анализировать их интенсивность. Это может помочь выявить не только агрессивны, но и суицидально настроенных людей и предотвратить трагедии. Но насколько правомерным является использование видеокамер на занятиях в образовательных учреждениях? С одной стороны, Конституцией гарантируется неприкосновенность частной жизни (ст. 23), и «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ст. 24). Но относится ли образовательный процесс к частной жизни лица?

В соответствии с подп. 1. ч. 1 ст. 152 ГК РФ не требуется согласие на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, если оно осуществляется «в государственных, общественных или иных публичных интересах». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» дает разъяснение: «к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правопорядку и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде». Следовательно, можно сделать вывод о том, что в целях «общественной безопасности» такая видеосъемка правомерна и целесообразна на основной территории образовательного учреждения. Но, если говорить о видеосъемке в учебной аудитории (классе, группе детского сада)? С какой целью ведется съемка данных помещений? Вероятнее всего, с целью контроля учебного процесса или обеспечения сохранности имущества образовательного учреждения, а не с целью общественной безопасности. Считается ли эта видеосъемка законной? Считается, потому что законом не запрещено осуществлять такую видеозапись в учебных аудиториях. Но, так как эти видеозаписи можно отнести к персональным данным, требуется письменное согласие как минимум педагогических работников и, в лучшем случае, обучаемых или их законных представителей.

Если говорить о биометрических данных обучаемых как о средстве идентификации/аутентификации обучаемых, то интересно мнение С.Г. Чубуковой, И.М. Рассолова и И.В. Микуровой, которые на основе проведенного анализа предлагают рассматривать все биометрические данные как «оставляющие цифровые следы» [10, с. 111], потому что их применение для получения различных видов услуг и разблокировки гаджетов (смартфонов и про-

чих устройств) — уже практически ежедневная необходимость. И спектр применяемых биометрических данных, с учетом стремительного развития технологий обработки данных, будет постоянно расширяться.

Опасность разглашения персональных данных, биометрических персональных данных, цифровых следов и цифровой тени очевидна, она позволит злоумышленникам получить доступ ко многим ресурсам, в том числе к банковским счетам, а также позволит манипулировать владельцем этих данных, в случае доступа к сведениям конфиденциального характера.

Вопросы использования цифровых следов и цифровой тени, формирующихся в процессе получения образования, требуют правового регулирования. Это связано в том числе и с участвующим использованием видеонаблюдения в рамках обеспечения безопасности в образовательных учреждениях. В ходе применения таких технологий возникает угроза получения третьими лицами некоторых персональных данных, например, биометрии лица и пр.

В заключение следует отметить, что в рамках данного исследования были раскрыты не все составляющие информационной безопасности электронного обучения, а лишь те из них, которые касаются непосредственно обучаемых. Выявлены основные типы угроз информационной безопасности обучаемого. В связи с этим необходимо выделить два базовых направления правового регулирования выявленных проблем:

- безопасность электронных образовательных ресурсов (информационно-психологическое воздействие; новый тип мышления, способствующий формированию навязанных моделей поведения);

- безопасность электронных информационных ресурсов (персональные данные; биометрические персональные данные; цифровые следы и цифровая тень).

## Литература

1. Бражник Т.А. Правовые вопросы обеспечения информационной безопасности личности / Т.А. Бражник // Информационное право. 2018. № 4. С. 17–21.
2. Студентку МГУ, которая пыталась присоединиться к ИГИЛ, оставили под стражей // Первый канал. Новости. Видео. Телепрограмма. Прямой эфир : сайт. URL: [https://www.1tv.ru/news/2015-11-10/7676-studentku\\_mgu\\_kotoraya\\_pytalas\\_prisoediinitsya\\_k\\_igil\\_ostavili\\_pod\\_strazhey](https://www.1tv.ru/news/2015-11-10/7676-studentku_mgu_kotoraya_pytalas_prisoediinitsya_k_igil_ostavili_pod_strazhey)
3. Шнайер Б. Данные и Голиаф. Скрытые битвы, чтобы собрать ваши данные и контролировать свой мир / Б. Шнайер // Шнайер о безопасности: сайт. URL: [https://www.schneier.com/books/data\\_and\\_goliath/](https://www.schneier.com/books/data_and_goliath/)
4. Как цифровой след изменит работу по поиску персонала? // Forbes.ru. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/340241-kak-cifrovoy-sled-izmenit-rabotu-po-poisku-personala>
5. Попсулин С. Человечество накрыла цифровая тень / С. Попсулин // CNews. URL: [http://www.cnews.ru/news/top/chelovechestvo\\_nakryla\\_tsifrovaya\\_ten](http://www.cnews.ru/news/top/chelovechestvo_nakryla_tsifrovaya_ten)
6. Система распознавания лиц на ЧМ-2018 помогла задержать более 180 человек // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/07/26/776624-sistema-raspoznavaniya-nachm-2018>
7. Степаненко А.А. «Цифровой след» студента: поиск, анализ, интерпретация / А.А. Степаненко, А.В. Фещенко // Открытое и дистанционное образование. 2017. № 4 (68). С. 58–63.



8. Feshchenko A. Analysis of user profiles in social networks to search for promising entrants / A. Feshchenko, V. Goiko, G. Mozhaeva [et al.] // INTED2017 : Proceedings 11th International Technology, Education and Development Conference, March 6<sup>th</sup>–8<sup>th</sup>, 2017. Valencia, Spain, 2017. P. 5188–5194.

9. Можаяева Г.В. Информационный потенциал социальных сетей для выявления образовательных потребностей школьников / Г.В. Можаяева, А.В. Слободская, А.В. Фещенко // Открытое и дистанционное образование. 2017. № 3 (67). С. 25–30.

10. Рассолов И.М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы / И.М. Рассолов, С.Г. Чубукова, И.В. Микурова // Lex Russica. 2019. № 1. С. 108–118.

## References

1. Brazhnik T.A. Pravovy'e voprosy' obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti lichnosti [Legal Issues of Ensuring Information Security of an Individual] / T.A. Brazhnik // Informatsionnoe pravo — Information Law. 2018. № 4. S. 17–21.

2. Studentku MGU, kotoraya py'talas prisoedinit'sya k IGIL, ostavili pod strazhey [The MSU Student That Had Attempted to Join the ISIS Remained in Custody] // Pervy'y kanal. Novosti. Video. Teleprogramma. Pamyay efir : sayt — The First Channel. News. Video. TV program. Live broadcast : website. URL: [https://www.1tv.ru/news/2015-11-10/7676-studentku\\_mgu\\_kotoraya\\_py\\_talas\\_prisoedinit'sya\\_k\\_igil\\_ostavili\\_pod\\_strazhey](https://www.1tv.ru/news/2015-11-10/7676-studentku_mgu_kotoraya_py_talas_prisoedinit'sya_k_igil_ostavili_pod_strazhey)

3. Schneier B. Danny'e i Goliath. Skry'ty'e bitvy', chtoby' sobrat vashi danny'e i kontrolirovat svoj mir [Data and Goliath: The Hidden Battles to Collect Your Data and Control Your World] / B. Schneier // Schneier o bezopasnosti : sayt — Schneier on Security : website. URL: [https://www.schneier.com/books/data\\_and\\_goliath/](https://www.schneier.com/books/data_and_goliath/)

4. Kak tsifrovoy sled izmenit rabotu po poisku personala? [How the Digital Trace Will Change Personnel

Recruitment] // Forbes.ru. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/340241-kak-cifrovoy-sled-izmenit-rabotu-po-poisku-personala>

5. Popsulin S. Chelovechestvo nakry'la tsifrovaya ten [The Digital Shadow Has Covered the Humanity] / S. Popsulin // CNews. URL: [http://www.cnews.ru/news/top/chelovechestvo\\_nakryla\\_tsifrovaya\\_ten](http://www.cnews.ru/news/top/chelovechestvo_nakryla_tsifrovaya_ten)

6. Sistema raspoznavaniya lits na ChM-2018 pomogla zaderzhat bolee 180 chelovek [The Facial Recognition System Helped Detain over 180 Persons at the 2018 FIFA World Cup] // Vedomosti — Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/07/26/776624-sistema-raspoznavaniya-na-chm-2018>

7. Stepanenko A.A. «Tsifrovoy sled» studenta: poisk, analiz, interpretatsiya [The Student's Digital Trace: Search, Analysis, Interpretation] / A.A. Stepanenko, A.V. Feshchenko // Otkry'toe i distantsionnoe obrazovanie — Open and Distance Education. 2017. № 4 (68). S. 58–63.

8. Feshchenko A. Analysis of User Profiles in Social Networks to Search for Promising Entrants / A. Feshchenko, V. Goiko, G. Mozhaeva [et al.] // INTED2017 : Proceedings 11th International Technology, Education and Development Conference, March 6<sup>th</sup>–8<sup>th</sup>, 2017. Valencia, Spain, 2017. S. 5188–5194.

9. Mozhaeva G.V. Informatsionny'y potentsial sotsialny'kh setey dlya vy'yavleniya obrazovatelny'kh potrebnoyey shkolnikov [The Information Potential of Social Networks for Identification of Education Demands of Schoolchildren] / G.V. Mozhaeva, A.V. Slobodskaya, A.V. Feshchenko // Otkry'toe i distantsionnoe obrazovanie — Open and Distant Education. 2017. № 3 (67). С. 25–30.

10. Rassolov I.M. Biometriya v kontekste personalny'kh danny'kh i geneticheskoy informatsii: pravovy'e problemy' [Biometry within the Framework of Personal Data and Genetic Information: Legal Issues] / I.M. Rassolov, S.G. Chubukova, I.V. Mikurova // Lex Russica — Russian Law. 2019. № 1. С. 108–118.

## Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.





# «Цифровая Атлантида», или особенности развития технологий электронного правительства в Австралии

Околёнова О.А.\*

**Цель** данной статьи — рассмотрение примера Австралии как страны, испытавшей сильное влияние общего права, активно внедряющей технологии электронного правительства. Некоторые особенности развития австралийской системы могут быть полезны для Российской Федерации. **Методология:** автором использовались: формально-юридический метод — при оценке нормативной базы электронного правительства Австралии; метод анализа — при изучении основных технологий процедур, внедряемых в систему государственного управления Австралии; сравнительно-правовой метод — при сопоставлении тенденций развития электронного правительства Австралии и России. **Результат.** Выделяются особенности внедрения в правовую систему Австралии технологических и информационных механизмов, направленных на модернизацию государственного управления. Интересным видится преломление правовых конструкций страны, которая исторически входила в колониальную британскую систему, сочетание англо-саксонских традиций с «океаническими» новеллами. **Научная и практическая значимость.** Рассматриваются трудности правовой системы страны, занимающей целый континент, эволюция которой закономерно пришла к цифровизации, но столкнулась с рядом неожиданных трудностей. Особенностью Австралии является парадоксальное сочетание территориальных масштабов с неравномерным распределением населения. Население по территории страны размещается крайне неравномерно, основные очаги его сконцентрированы на востоке и на юго-востоке, северо-востоке и на юге. Подобный парадокс является одной из причин разбалансировки правового регулирования и затруднения систематизации.

**Ключевые слова:** открытое правительство, информационные технологии, государственное управление, Австралия, общее право, модернизация, электронное правительство, электронное государство.

**Purpose** of this article is consideration of an example of Australia as the country which has been strongly influenced general law, actively introducing technologies of the electronic government. Some features of development of the Australian system can be useful to the Russian Federation.

**Methodology:** author used a legalistic method at assessment of the regulatory base of the electronic government of Australia; an analysis method when studying the main technologies of the procedures introduced in the system of public administration of Australia; a comparative and legal method by comparison of tendencies of development of the electronic government of Australia and Russia.

**Results.** Features of introduction in the legal system of Australia of the technological and information mechanisms directed to modernization of public administration are distinguished. Refraction of legal structures of the country which historically entered colonial British system, a combination of Anglo-Saxon traditions to “oceanic” novellas seems interesting.

**Scientific and practical significance.** Difficulties of legal system of the country occupying the whole continent which evolution has naturally come to digitalization are considered, but have faced a number of unexpected difficulties. Feature of Australia is the paradoxical combination of territorial scales to uneven distribution of the population. The population on the territory of the country accommodates extremely unevenly, his main centers are concentrated in the east and in the southeast, the northeast and in the south. The similar paradox is one of the reasons of disbalance of legal regulation and difficulty of systematization.\*\*

**Keywords:** open government, information technology, governmental management, Australia, common law, modernization, e-government, electronic state.

Правительство Австралии взяло курс на создание открытого правительства в целях содействия широкому участию граждан в управлении делами государства. Нововведение строится на новой культуре взаимодействия, упрощенном доступе к правительственной информации и поддержке инновационного использования технологий. В поддерж-

ку этого направления было создано Управление Австралии по делам информации.

В апреле 2000 г. была принята Стратегия Правительства Австралии «Правительство-онлайн» (GovernmentOnline — The Commonwealth Government’s Strategy) [1]. Основанием для принятия Стратегии было постановление премьер-министра Австра-

\* Околёнова Ольга Алексеевна, научный сотрудник Научно-методического Центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности» НИУ «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук. E-mail: ookolosnova@hse.ru

Рецензент: Морозов Андрей Витальевич, член редколлегии, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор.

\*\* The ‘Digital Atlantis’ or Peculiarities of the Development of E-Government Technologies in Australia Okolesnova O.A., Research Scientist of the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights at the National Research University Higher School of Economics, PhD (Law).

Reviewer: Morozov A.V., Member of the Editorial Board, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian state University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), LL.D., Professor.

лии Джона Ховарда, содержащее требование о том, чтобы все правительственные услуги были доступны в режиме онлайн. Основные характеристики данной стратегии — это создание простых в использовании сервисов, позволяющих гражданам взаимодействовать с правительством доступным для них образом, что должно создать условия, способствующие сближению правительства и простых граждан. Основная идея модернизации, заложенная здесь — открытость через информационные технологии. Все министерства и ведомства должны быть вооружены современными технологиями, обеспечивающими полноценное функционирование (электронная идентификация, стандарты метаданных, системы электронного документооборота, хранения и обработка информации, развитие сектора электронных государственных услуг) [2].

Предлагаемая схема должна была способствовать развитию информационной индустрии Австралии, а также поддержке бизнес-процессов правительства. С целью дальнейшего развития этих направлений был запланирован мониторинг развития и применения электронного правительства, а также отбор наиболее удачных проектов с целью анализа опыта и его тиражирования.

Кроме того, в ноябре 2002 г. Правительство Австралии выпустило документ «Лучше услуги, лучше Правительство» Стратегия Правительства в области электронного правительства (Better Services, Better Government. The Federal Government's E-government Strategy [3]). Стратегия содержит описание следующего этапа перехода к электронному правительству: от простого размещения правительственной информации и сервисов в Интернете к сложным интегрированным приложениям в области государственного управления, управления информацией и предоставления услуг. Режим онлайн предоставляет возможность для расширения и дополнения традиционных механизмов проведения консультаций и генерирует более высокие результаты государственной политики [2]. Это позволяет привлечь различные группы населения, в том числе молодежь и людей, проживающих в отдаленных районах, а также обеспечивает более безопасный способ проведения совещаний, где организации могут взаимодействовать с гражданами и представителями бизнеса через усовершенствованные средства информационных технологий [4].

Австралийской информационной комиссией (АИК) посредством общественных слушаний были разработаны принципы открытости государственной информации, обеспечивающие формирование государственных методов управления информацией. Исследование осуществлялось различными государственными органами, общественными учреждениями, Организацией экономического сотрудничества и развития. Указанные принципы были закреплены в документе АИК «На пути к австралийской правительственной информационной политике» (2010 г.) [5, с. 104].

Правительством Австралии была принята Стратегия информационно-коммуникационных технологий в австралийской государственной службе на 2012–2015 гг. (Australian Public Service Information and Communications Technology Strategy 2012–2015) [6]. Одной из основных целей данной стратегии было обеспечение открытого и доступного взаимодействия при принятии решений.

Ключевым моментом стратегии в области электронного правительства является развитие интегрированных межведомственных услуг [7].

В целях развития и внедрения электронных государственных услуг Правительство Австралии учредило Управление по цифровым преобразованиям (Digital Transformation Agency, DTA) [8], которое входит в Министерство связи и предназначено для управления развитием цифровых общественных услуг всех министерств и ведомств правительства. Сотрудники Управления — веб-разработчики, дизайнеры, исследователи и специалисты по контенту, занятые в разных правительственных организациях, но объединенные в единую команду, которая будет эффективно работать над улучшением электронных государственных сервисов [9].

Цифровая трансформация начинается с потребностей пользователя, взаимодействие которого с чиновниками должно стать максимально удобным. Одна из первых задач DTA — создание простой и понятной системы идентификации граждан для вхождения в систему получения государственных услуг, онлайн-сервисов правительства [10]. Предполагается также, что Управление будет тесно сотрудничать с региональными правительствами [11].

Потребность в межведомственном взаимодействии возникла вслед за созданием концепции интегрированных услуг, которые являются продуктом объединения усилий нескольких министерств и ведомств. Поскольку межведомственная информационная интеграция требует единой правовой основы и модификации законодательства, Правительство Австралии проводит работу в области совершенствования нормативно-правовой базы для создания единой среды межведомственного взаимодействия, а также для определения стандартов информационного обмена. Параллельно осуществляются проекты по интеграции информации, которые учитываются при разработке нормативных документов. Министерством информационной экономики Австралии было разработано Техническое руководство по созданию среды межведомственного взаимодействия в Правительстве Австралии (Interoperability Technical Framework for the Commonwealth Government, August 2003 [12]), которое стало первым шагом на пути построения такого взаимодействия для организации обмена данными и оптимизации оказания интегрированных услуг. Ключевыми фигурами, задействованными при создании среды межведомственного взаимодействия, являются руководители информационных служб министерств и ведомств. Они могут способствовать повышению эффективности деятельности ведомств путем оптимизации бизнес-процессов, повышения качества услуг и понижения их стоимости [5, с. 117].

Комитет руководителей информационных служб (Commonwealth Chief Information Officer Committee (CIOC) [13]. Комитет руководителей информационных служб министерств и ведомств создан для обмена опытом и прямого взаимодействия между информационными службами министерств и ведомств. Его целью также является точная интерпретация и осуществление государственной стратегии в области информационно-коммуникационных технологий. В комитете состоят 24 члена, которые являются руководителями служб информатизации и автоматизации министерств и ведомств, а также некоторых других государственных учреждений, кото-



рые интенсивно используют современные информационно-коммуникационные технологии [14].

Структурирующую и координирующую деятельность по внедрению современных информационно-телекоммуникационных технологий в министерствах и ведомствах осуществляет Министерство информационной экономики Австралии (National Office for the Information Economy).

Комитет по стратегии информационного управления (Information Management Strategy Committee [15]), а также руководители информационных служб министерств и ведомств обеспечивают совместное управление различными межведомственными информационными стратегиями. Является высшим органом по разработке стратегии управления государственной информацией, отслеживает развитие политики, стандартов и руководств по применению информационно-коммуникационных технологий как для обеспечения возможности межведомственного взаимодействия, так и для реализации индивидуальных решений в рамках одного ведомства. В его ведении также систематизация внедрения информационно-коммуникационных технологий в различных министерствах и ведомствах; стимулирование сотрудничества между министерствами и ведомствами на этапе разработки и предоставления интегрированных услуг и прочее [14].

В попытке уйти от децентрализации процессов информатизации государственного управления взаимодействие государственных структур на уровне всей Австралии выстраивается за счет функционирования онлайн-совета (Online Council), являющегося высшим министерским форумом для федерального правительства, правительств штатов и местных правительств при проведении консультаций и для обеспечения сотрудничества в области информационной экономики.

Участию граждан в управлении делами государства в Австралии способствует официальная государственная платформа для коллективной работы «Govdex» [16]. Она предоставляет государственным органам возможность вовлечь граждан в процесс разработки документов, создавать форумы для дискуссий и голосования, обеспечивая в то же время достаточный уровень безопасности данных для организации внутренней работы государственных органов. Поощряется использование органами власти новых медиа для упрощения коммуникации с гражданами: у большинства органов есть страничка на Facebook, аккаунт в Twitter и канал на YouTube, внедряется политика использования чиновниками социальных сетей в профессиональных целях [17].

Для развития цифровой стратегии разработана платформа правительственного портала MyGov [18], который предоставляет доступ к информации, поступающей от различных служб, — например, из сферы здравоохранения, представленной порталом Medicare [19].

В распоряжении австралийского правительства имеются большие массивы данных, однако они не всегда используются. Некоторые органы власти собирают данные, не анализируя их. Кроме того, зачастую данные не связаны между собой, дублируются, отличаются по качеству и не отвечают единым стандартам. Также проблема состоит в том, что данные не подвергаются полноценному исследованию со стороны государства [20].

Государственный архив Австралии (National Archives of Australia) [21] выпустил Стандарт мета-

данных для государственных структур (Recordkeeping Metadata Standard for Commonwealth Agencies [22]), определяющий типы данных, которые должны использоваться в информационных системах правительственных учреждений.

Электронные данные, создаваемые в процессе деятельности правительственных учреждений и организаций, имеют огромное значение. Все цифровые данные, которые были созданы или получены в процессе деятельности государственных органов, подпадают под действие Закона «О хранении информации» (The Archives Act 1983) [23] и подлежат обработке в соответствии с ним. Такие электронные документы приравниваются к документам на бумажных носителях.

Правительство Австралии бросило немало сил на разработку Стандарта метаданных для государственных структур, описания государственных информационных онлайн-ресурсов и сервиса по поиску государственной информации, что впоследствии послужило поводом к внедрению Национальной службы по поиску достоверной государственной информации (Australian Government Locator Service, AGLS) [24].

В связи с этим требуются совместимые и логически связанные информационные стратегии для поддержки эффективных способов принятия решений, предоставления услуг и более слаженной работы государства. Фактически речь идет о создании системы управления государственными информационными ресурсами [5, с. 109].

В 2016 г. в Австралии было создано Агентство электронного здравоохранения (Australian Digital Health Agency) [25]. Агентство отвечает за обслуживание всех национальных цифровых медицинских систем. Основная задача — внедрение инноваций в систему национального здравоохранения с сохранением качественного и безопасного предоставления медицинских услуг пациентам, а также создание комфортных условий для работников сферы здравоохранения. Национальная система ведения электронных медицинских карт (Personally Controlled Electronic Health Records [26]) была запущена Правительством Австралии в июле 2012 г. Электронные медицинские карты включают в себя информацию об особенностях здоровья пациента, о выписанных лекарствах, о сделанных прививках и возможных аллергических реакциях, а также о результатах анализов крови, ультразвуковых исследованиях [5, с. 119].

На уровне каждого штата Австралии действуют различные программы по использованию информационных технологий для облегчения взаимодействия граждан с их правительствами. Например, правительством штата Новый Южный Уэльс запущена программа «Строителей сообщества» (CommunitybuildersNSW), нацеленная на вовлечение граждан во взаимодействие с государственными структурами, а также в обмен мнениями между собой. Данная программа позволяет обмениваться знаниями и ресурсами, используя форумы веб-сайтов при принятии различных решений между гражданами [27].

К недостаткам методов участия граждан в управлении можно отнести отсутствие свободного доступа некоторых лиц к сети «Интернет». Кроме того, ряд граждан отмечают, что онлайн-взаимодействие может вызвать неверное толкование в связи с отсутствием других сигналов связи, таких как



вербальность, мимика, язык тела. Некоторые учредения после проведения анализа способов взаимодействия принимают решения об использовании видеоконференций в качестве эффективного механизма проведения консультаций с общинами коренного населения, а для людей с низким уровнем грамотности предусматривают использование изображений со звуковым сопровождением [5, с. 120].

Основным недостатком в системе электронного правительства Австралии является ее дезинтеграция, разрозненность. При централизованном импульсе запуска программы региональные инициативы все равно пошли своими путями, создавая свои сайты, программы и направления. Все эти удобные механизмы не объединены в одну систему, не имеют единообразных основ, и это при наличии государственных стандартов. Расширение взаимодействия граждан с правительством является значительной проблемой большой страны с небольшим населением. Вертикальная интеграция по-прежнему остается одним из ключевых аспектов внедрения электронного правительства.

## Литература

1. GovernmentOnline — The Commonwealth Government's Strategy. URL: [http://www.finance.gov.au/agimo-archive/publications\\_noie/2000/04/govonline.html](http://www.finance.gov.au/agimo-archive/publications_noie/2000/04/govonline.html) (дата обращения: 10.06.2017).
2. Электронное правительство в Австралии. URL: <http://e-govs.ru/ehlektronnoe-pravitelstvo-v-avstral/> (дата обращения: 16.06.2017).
3. Better Services, Better Government. The Federal Government's E-government Strategy. URL: [https://www.finance.gov.au/agimo-archive/\\_\\_data/assets/pdf\\_file/0016/35503/Better\\_Services-Better\\_Gov.pdf](https://www.finance.gov.au/agimo-archive/__data/assets/pdf_file/0016/35503/Better_Services-Better_Gov.pdf) (дата обращения: 10.06.2017).
4. Дидикин А.Б. Участие институтов гражданского общества в реализации национальной технологической инициативы / А.Б. Дидикин // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 44–47.
5. Открытое правительство за рубежом. Правовое регулирование и практика : монография / Н.М. Касаткина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенко [др.] ; ответственный редактор И.Г. Тимошенко. Москва : ИНФРА-М, 2015. 210 с.
6. Australian Public Service Information and Communications Technology Strategy. URL: [http://www.finance.gov.au/files/2013/01/APS\\_ICT\\_Strategy.pdf](http://www.finance.gov.au/files/2013/01/APS_ICT_Strategy.pdf) (дата обращения: 02.06.2017).
7. Добролюбова Е.И. Совершенствование правового регулирования информационного обеспечения государственного управления / Е.И. Добролюбова // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 2. С. 24–28.
8. Digital Transformation Agency. URL: <https://www.dta.gov.au/> (дата обращения: 07.06.2017).
9. Правительство Австралии создало управление, специализированное на развитии всех услуг электронного правительства. URL: <http://gosbook.ru/node/88973> (дата обращения: 01.06.2017).
10. Австралия создает управление по внедрению электронных госуслуг. URL: <http://d-russia.ru/avstraliya-sozdaet-upravlenie-po-vnedreniyu-elektronnyx-gosuslug.html> (дата обращения: 04.06.2017).
11. Госуслуги в Австралии с 2017 года станут цифровыми. URL: <https://hightech.fm/2016/12/16/australian-government-digital> (дата обращения: 03.06.2017).
12. Interoperability Technical Framework for the Commonwealth Government. URL: [https://www.finance.gov.au/sites/default/files/AGTIF\\_V2\\_-\\_FINAL.pdf](https://www.finance.gov.au/sites/default/files/AGTIF_V2_-_FINAL.pdf) (дата обращения: 09.06.2017).
13. Commonwealth Chief Information Officer Committee. URL: <https://www.finance.gov.au/archive/governance-awards-data/cio-forum/> (дата обращения: 05.06.2017).
14. Стратегические приоритеты «электронного правительства». URL: <http://pandia.ru/276984/> (дата обращения: 09.06.2017).
15. Information Management Strategy Committee. URL: <https://www.finance.gov.au/agimo-archive/imsc.html> (дата обращения: 12.06.2017).
16. Govdex. Secure online collaboration for Australian government. URL: <http://www.govdex.gov.au/> (дата обращения: 19.06.2017).
17. Открытое правительство. Международный опыт. Австралия. URL: <http://open.gov.ru/event/5598187/> (дата обращения: 09.06.2017).
18. MyGov. Department of Human Services. URL: <https://my.gov.au/LoginServices/main/login?execution=e1s1> (дата обращения: 01.06.2017).
19. Medicare. Department of Human Services. URL: <https://www.humanservices.gov.au/customer/dhs/medicare> (дата обращения: 03.06.2017).
20. Правительство Австралии намерено продолжить работу над IT-технологиями на госслужбе. URL: <http://open.gov.ru/events/5511993/> (дата обращения: 06.06.2017).
21. National Archives of Australia. URL: <http://www.naa.gov.au/> (дата обращения: 08.06.2017).
22. Recordkeeping Metadata Standard for Commonwealth Agencies. URL: [http://www.naa.gov.au/Images/AGRkMS-Version-2.2-June-2015\\_tcm16-93990.pdf](http://www.naa.gov.au/Images/AGRkMS-Version-2.2-June-2015_tcm16-93990.pdf) (дата обращения: 04.06.2017).
23. The Archives Act. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C00772> (дата обращения: 08.06.2017).
24. Australian Government Locator Service. URL: <http://www.agls.gov.au/> (дата обращения: 01.06.2017).
25. Australian Digital Health Agency. URL: <http://www.digitalhealth.gov.au/> (дата обращения: 01.06.2017).
26. Personally Controlled Electronic Health Records. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2012A00063> (дата обращения: 09.06.2017).
27. CommunitybuildersNSW. URL: <https://www.communitybuilders.nsw.gov.au/> (дата обращения: 09.06.2017).

## References

1. GovernmentOnline — The Commonwealth Government's Strategy. URL: [http://www.finance.gov.au/agimo-archive/publications\\_noie/2000/04/govonline.html](http://www.finance.gov.au/agimo-archive/publications_noie/2000/04/govonline.html) (date of access: June 10, 2017).
2. Elektronnoe pravitelstvo v Avstralii [E-Government in Australia]. URL: <http://e-govs.ru/ehlektronnoe-pravitelstvo-v-avstral/> (date of access: June 16, 2017).
3. Better Services, Better Government. The Federal Government's E-government Strategy. URL: [https://www.finance.gov.au/agimo-archive/\\_\\_data/assets/pdf\\_file/0016/35503/Better\\_Services-Better\\_Gov.pdf](https://www.finance.gov.au/agimo-archive/__data/assets/pdf_file/0016/35503/Better_Services-Better_Gov.pdf) (date of access: June 10, 2017).
4. Didikin A.B. Uchastie institutov grazhdanskogo obschestva v realizatsii natsionalnoy tekhnologicheskoy initsiativy / A.B. Didikin // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2016. No. 1. P. 44–47.



koy initsiativy` [The Involvement of Civil Society Institutions in the Implementation of the National Technological Initiative] / A.B. Didikin // *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom — Civil Society in Russia and Abroad*. 2016. № 1. S. 44–47.

5. Otkry'toe pravitel'stvo za rubezhom. Pravo-voe regulirovaniye i praktika : monografiya [Open Government Abroad. Legal Regulation and Practice : monograph] / N.M. Kasatkina, N.B. Kry'senkova, F.A. Leschenko [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor I.G. Timoshenko — N.M. Kasatkina, N.B. Krysenkova, F.A. Leschenko [et al.] ; publishing editor I.G. Timoshenko. Moskva : INFRA-M — Moscow : INFRA-M, 2015. 210 s.

6. Australian Public Service Information and Communications Technology Strategy. URL: [http://www.finance.gov.au/files/2013/01/APS\\_ICT\\_Strategy.pdf](http://www.finance.gov.au/files/2013/01/APS_ICT_Strategy.pdf) (date of access: June 2, 2017).

7. Dobrolyubova E.I. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya informatsionnogo obespecheniya gosudarstvennogo upravleniya [The Improvement of Legal Regulation of Information Support of Public Administration] / E.I. Dobrolyubova // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravlenie — Government and Local Self-Government*. 2017. № 2. S. 24–28.

8. Digital Transformation Agency. URL: <https://www.dta.gov.au/> (date of access: June 7, 2017).

9. Pravitel'stvo Avstralii sozdalo upravlenie, spetsializirovannoe na razvitii vsekh uslug elektronnoho pravitel'stva [The Australian Government Created a Directorate Specializing on the Development of All E-Government Services]. URL: <http://gosbook.ru/node/88973> (date of access: June 1, 2017).

10. Avstraliya sozdaet upravlenie po vnedreniyu elektronny'kh gosuslug [Australia Is Creating a Directorate on the Deployment of Electronic State Services]. URL: <http://d-russia.ru/avstraliya-sozdaet-upravlenie-po-vnedreniyu-elektronnyx-gosuslug.html> (date of access: June 4, 2017).

11. Gosuslugi v Avstralii s 2017 goda stanut tsifrovymi [State Services in Australia Will Become Digital in 2017]. URL: <https://hightech.fm/2016/12/16/australian-government-digital> (date of access: June 3, 2017).

12. Interoperability Technical Framework for the Commonwealth Government. URL: [https://www.finance.gov.au/sites/default/files/AGTIF\\_V2\\_-\\_FINAL.pdf](https://www.finance.gov.au/sites/default/files/AGTIF_V2_-_FINAL.pdf) (data obrascheniya : 09.06.2017 — date of access : June 9, 2017).

13. Commonwealth Chief Information Officer Committee. URL: <https://www.finance.gov.au/archive/governance-awards-data/cio-forum/> (date of access: June 5, 2017).

14. Strategicheskie priority` «elektronnoho pravitel'stva» [Strategic Priorities of E-Government]. URL: <http://pandia.ru/276984/> (date of access: June 9, 2017).

15. Information Management Strategy Committee. URL: <https://www.finance.gov.au/agimo-archive/imsc.html> (date of access: June 12, 2017).

16. Govdex. Secure Online Collaboration for Australian Government. URL: <http://www.govdex.gov.au/> (date of access: June 19, 2017).

17. Otkry'toe pravitel'stvo. Mezhdunarodny'y opyt. Avstraliya [Open Government. International Experience. Australia]. URL: <http://open.gov.ru/event/5598187/> (date of access: June 9, 2017).

18. MyGov. Department of Human Services. URL: <https://my.gov.au/LoginServices/main/login?execution=e1s1> (date of access: June 1, 2017).

19. Medicare. Department of Human Services. URL: <https://www.humanservices.gov.au/customer/dhs/medicare> (date of access: June 3, 2017).

20. Pravitel'stvo Avstralii namereno prodolzhit rabotu nad IT-tekhnologiyami na gossluzhbe [The Australian Government Is Going to Continue the Work on IT Technology at Public Service]. URL: <http://open.gov.ru/events/5511993/> (date of access: June 6, 2017).

21. National Archives of Australia. URL: <http://www.naa.gov.au/> (date of access: June 8, 2017).

22. Recordkeeping Metadata Standard for Commonwealth Agencies. URL: [http://www.naa.gov.au/Images/AGRkMS-Version-2.2-June-2015\\_tcm16-93990.pdf](http://www.naa.gov.au/Images/AGRkMS-Version-2.2-June-2015_tcm16-93990.pdf) (date of access: June 4, 2017).

23. The Archives Act. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C00772> (date of access: June 8, 2017).

24. Australian Government Locator Service. URL: <http://www.agls.gov.au/> (date of access: June 1, 2017).

25. Australian Digital Health Agency. URL: <http://www.digitalhealth.gov.au/> (date of access: June 1, 2017).

26. Personally Controlled Electronic Health Records. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2012A00063> (date of access: June 9, 2017).

27. CommunitybuildersNSW. URL: <https://www.communitybuilders.nsw.gov.au/> (date of access: June 9, 2017).

**Уважаемые авторы!**

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.



## «Киберправосудие» в контексте разрешения трансграничных споров\*

Мажорина М.В. \*\*

**Цель.** Сетевое информационное общество, формируемое ввиду развития информационно-коммуникационных технологий, актуализирует правовую полемику и обуславливает реконструкцию архитектуры права. Складываются новые институциональные основы разрешения трансграничных споров, возникающих в киберпространстве. Соответственно, концепт «киберправосудия» и формы его практической реализации стали целью исследования настоящей статьи.

**Методология:** автор отталкивается от традиционной методологии международного частного права и гражданского процессуального права, демонстрируя при этом эволюцию традиционных форм разрешения споров и контурируя новые направления развития соответствующей нормативной реальности.

**Результаты.** В статье определены основные формы гибридизации различных систем разрешения споров, в том числе альтернативных и несудебных, и информационно-коммуникационных технологий, среди которых блокчейн-арбитражи, платформенные системы досудебного разрешения споров, квазисудебные онлайн-институции, выстраиваемые на основе принципов децентрализации, автономизации и методологии краудсорсинга или совместного правосудия. Наблюдается институциональное и нормативное смещение во внеправовую плоскость и обусловленные этим реновация концепта *lex mercatoria*, которое в современном прочтении может иметь форму киберправа, *lex informatica* или *e-merchant*, а также масштабирование негосударственных систем разрешения киберпространственных споров.

**Ключевые слова:** сеть, киберпространство, киберправосудие, киберправо, *lex mercatoria*, *e-merchant*, трансграничные споры, блокчейн-арбитраж.

**Purpose.** Network information society, formed because of the development of information and communication technologies, actualizes the legal debate and causes the reconstruction of the architecture of law. New institutional frameworks for the resolution of cross-border disputes arising in cyberspace are emerging. Accordingly, the concept of “cyber justice” and the forms of its practical implementation became the purpose of this article. **Methodology:** the author proceeds from the traditional methodology of private international law and civil procedural law, demonstrating the evolution of traditional forms of dispute resolution and contouring new directions of development of the corresponding normative reality.

**Results.** The article defines the main forms of hybridization of various dispute resolution systems, including alternative and non-judicial, and information and communication technologies, such as blockchain-arbitration, platform systems of pre-trial dispute resolution, quasi-judicial online institutions, built on the principles of decentralization, autonomy and crowdsourcing methodology or peer-to-peer justice. There is an institutional and regulatory shift to the non-legal area, and the resulting renovation of the concept of *lex mercatoria*, which in the modern interpretation can take the form of cyber law, *lex informatica* or *e-merchant*, as well as the scaling of non-state systems for resolving cyberspace disputes.\*\*\*

**Keywords:** network, cyberspace, cyber justice, cyber law, *lex mercatoria*, *e-merchant*, cross-border disputes, blockchain arbitration.

Развитие информационно-коммуникационных технологий актуализировало и реконструировало концепт сетевого общества, обновленный информационной составляющей, что, в свою очередь, стало триггером в переопределении многих правовых процессов, заставляя их эволюционировать соответственно меняющемуся социально-политическому базису. Так, информационные технологии привели к фор-

мированию киберпространства, напрямую не детерминированного границами государств, субъекты которого — кибернавты — вступают в разного рода общественные отношения, многие из которых остаются в настоящее время в серой зоне неправового регулирования, актуализируя необходимость конструирования новой или обновленной правовой надстройки.

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Сетевое право в условиях сетевого общества: новые регуляторные модели», проект № 18-29-16061, реализуемого по результатам конкурса на лучшие научные проекты междисциплинарных фундаментальных исследований (код конкурса 26-816 Трансформация права в условиях развития цифровых технологий).

\*\* **Мажорина Мария Викторовна**, проректор по учебной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук. E-mail: mazhorina@inbox.ru  
**Рецензент:** **Наумов Виктор Борисович**, член редколлегии, ведущий научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук.

This article was prepared with the financial support of Russian Foundation for basic research (RFBR) within the framework of the research project RFBR “Network law, in the context of the network society: a new regulatory model”, project No. 18-29-16061 implemented according to the results of the competition for the best research projects of interdisciplinary fundamental researches (code of the competition 26-816 Transformation of rights in the development of digital technology).

\*\*\* **Cyberjustice within the Framework of Resolution of Transborder Disputes**

**Mazhorina M.V.**, Vice-Rector for Academic Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law).

**Reviewer: Naumov V.B.**, Leading Researcher of the Information Law Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD (Law).





Многие ранее традиционные инструменты утрачивают прежний впечатляющий потенциал, и идет стремительный, где-то хаотичный, поиск новых моделей интеграции цифровых технологий в разные социальные системы. Заметные изменения происходят в сфере разрешения споров в русле поиска и развития технологий «эффективной юстиции» (efficient justice), позволяющих «потребителям правосудия» обойти неэффективность государственного регулирования и юстиции [1]. Это вызвано во многом переходом к платформенной экономике (по типу уберизации), к «совместной экономике» («the peer-to-peer economy» (P-2-P) [2], позволяющей формировать торгово-экономические сети истинно международного масштаба. Это неизбежно приводит и к росту числа трансграничных споров, которые, следуя традиционной государственно-центристской логике, должны разрешаться в государственных судах или с применением инструментов международного коммерческого арбитража и альтернативных способов разрешения споров (ADR). Этого, однако, не происходит, и практика идет по совершенно иному пути: по пути формирования механизмов киберправосудия, многие из которых базируются на концепте «совместного правосудия» («peer-to-peer justice») [3] и принципе децентрализации. Технологии смарт-контрактов, мобильная коммерция, платформенная экономика стимулируют развитие досудебных систем онлайн-разрешения споров (Online Dispute Resolution, ODR), онлайн-медиации (e-mediation), онлайн-арбитража, блокчейн-арбитража и пр. Чем больше сами общественные отношения, опосредованные, например, смарт-контрактом, делокализуются, тем слабее становится необходимость обращения к той или иной юрисдикции для целей его администрирования. Эта связь пока до конца не утрачивается, но перемещение все большего пула в киберпространство актуализирует поиск новых способов разрешения споров. Транспарентность, открытость, безбумажность, мобильность, адаптивность, сокращение издержек и судебных расходов, перераспределение расходов государств на содержание судебного аппарата, снижение нагрузки на государственные суды за счет поощрения урегулирования спора путем примирения или компьютеризированного посредничества, стимулирование внесудебных процедур и повышение степени исполнимости принимаемых в ходе них решений, — эти и другие драйверы парадигмальных сдвигов в области разрешения споров обнаруживают себя в настоящее время.

Управление изменениями, однако, не носит глобального характера, и цифровая трансформация в сфере правосудия обретает разные формы, находясь, как представляется, в стадии поиска мейнстрима.

Термин «киберправосудие» в некотором смысле не безупречен и, представляя собой перевод иностранного аналога, ущербен в том смысле, что понимается значительно шире, нежели его традиционный эквивалент, содержание которого преимущественно сводится к государственной деятельности по оправлению правосудия судом. В 2017 г. Европейская комиссия Совета Европы по эффективности правосудия анонсировала Руководящие принципы относительно киберправосудия [4], а в июне 2019 г. утвердила Инструментарий для осуществления Руководящих принципов относительно киберправосудия [5]. Так, киберправосудие (cyberjustice), отчасти конкурируя с концептом электронного правосудия (e-justice), понимается Европейской комиссией по эффективности правосудия широко, как совокупность всех ситуаций с применением инфор-

мационно-коммуникационных технологий, являющихся частью процесса разрешения спора, будь то в суде или вне его [4]. Позже Комиссия дала еще более широкое определение киберправосудия как правосудия, которое отправляется с использованием информационно-коммуникационных технологий [5]. Однако сюда же относятся и механизмы разрешения споров, не детерминированные исключительно деятельностью судебных органов государства.

Киберправосудие характеризуется некоторыми ключевыми признаками: программным обеспечением, определенным интерфейсом, постоянной онлайн-поддержкой, формированием сети нейтральных третьих лиц, выступающих в качестве экспертов в соответствующих областях знаний, возможностями электронной подачи заявлений/исков и системой управления документооборотом, технологиями дистанционного погружения в зал суда и проч. [6]. Как отмечает Сарит К. Мизраи (Sarit K. Mizrahi), киберправосудие — это многогранный термин, который включает в себя ряд элементов, среди которых: расширение доступа к правосудию, наличие различных электронных услуг в системе правосудия, доступность онлайн-разрешения споров и наличие «кибер-залов судебных заседаний» [7].

Анализ основных форм диффундирования различных систем разрешения споров и информационно-коммуникационных технологий позволяет выделить несколько направлений их гибридизации.

Во-первых, это цифровизация доступа к правосудию посредством создания и совершенствования инструментов инициирования судебного разбирательства, отслеживания информации по делу, включая передачу документов и пр. Примерами тому служат такие сервисы, как Redabogacia в Испании [8], e-justice в Эстонии [9], Justice.fr во Франции [10] и многие другие. Многие национальные суды предоставляют сторонам спора сервисы по подаче документов в электронном виде.

Во-вторых, это электронные базы данных судебных решений или прецедентного права, например, HUDOC, база данных Европейского суда по правам человека [11], BAILII для Великобритании и Ирландии [12], аналогичная система в Австралии [13] и многие другие. В основе создания таких баз данных лежит Декларация свободного доступа к закону [14], провозглашающая государственно-правовую информацию всех стран и международных учреждений частью общего наследия человечества. Максимальное расширение доступа к этой информации способствует правосудию и верховенству закона. Существуют и более широкие базы данных, подобные Европейскому portalу электронного правосудия [15], и проч.

В-третьих, это разного рода онлайн-процедуры или сервисы, а позднее — онлайн-платформы, представляющие собой фактически альтернативные способы разрешения споров (ADR), но с использованием Интернета или иных технических средств. Об ODR как цифровой версии ADR заговорили примерно в конце XX века [16, р. 953]. Особенное распространение такие сервисы получили в сфере потребительских споров [17, 18], где активно предлагаются процедуры медиации и посредничества, как то: Medicus во Франции [19], онлайн-платформа PARle [20], в прошлом голландская платформа Rechtwijzer, прекратившая работу несколько лет назад, и проч. Наряду с потребительскими спорами стоит упомянуть и споры о доменных именах, которые часто возникают из практики киберсквоттинга и подлежат разрешению в соответствии с Единой политикой разрешения споров

о доменных именах (UDRP) Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN).

Однако именно в области онлайн-разрешения споров произошли серьезные изменения, связанные со стремительным развитием электронной торговли. Учитывая тот факт, что средняя стоимость транзакции в Интернете составляет около 200 долларов США (146 долларов США по данным [21]), не нужно быть экономистом, чтобы понять, что гражданин Франции никогда не будет тратить несколько тысяч долларов, чтобы подать иск в американский суд в связи с нарушением контракта. Иными словами, традиционные суды плохо подходят для урегулирования небольших по стоимости исков споров, а потому онлайн-транзакции могут зачастую подразумевать отказ от какого-либо средства правовой защиты. Испытывая это беспокойство, заинтересованные стороны быстро поняли, что они должны найти способ справиться с онлайн-спорами вне судебной системы, для того чтобы увеличить доверие к электронной коммерции [22, р. 302.]. Таким образом, эффективным драйвером изменений стал разрыв между ценой иска и величиной потенциальных судебных издержек.

Кроме того, киберпространственный характер спора, обусловленный тем, что юридически значимые действия осуществляются в киберпространстве, серьезным образом обостряют вопросы конфликта юрисдикций, компетенции того или иного суда рассматривать спор, подсудности, концептуальное понимание и нормативное регулирование которых сложилось в эпоху географически и политически очерченных территорий и государств. В отличие от физического пространства, киберпространство лишено установленной правовой базы для решения «виртуальных» споров [23].

Указанные проблемы в особенности усугубились и привели к поиску и выработке адекватных механизмов их разрешения с появлением компаний платформенного типа. Например, компания eBay использует ODR-системы, встроенные непосредственно в сервисы разрешения споров с клиентами eBay и PayPal, а в случае, когда спор не может быть решен непосредственно между покупателем и продавцом через ODR-платформу eBay, такой спор перенаправляется в Службу разрешения споров [24]. Особенностью таких «платформенных ODR» являются репутационные алгоритмы, которые «защиты» в механизмы разрешения спора. Готовность пользователей участвовать в ADR-процедурах во многом продиктована тем, что это влияет на дальнейший статус пользователя eBay, его «репутацию» или рейтинг на платформе [17]. Схожим образом выстроены механизмы разрешения споров на иных платформах, таких как PayPal, Amazon, Alibaba и проч. [25].

В-четвертых, это могут быть онлайн-арбитраж, блокчейн-арбитражи или даже квази-судебные онлайн-институты. Онлайн-арбитраж может быть определен как арбитраж, в котором все аспекты разбирательства проводятся в режиме онлайн [26]: при организации слушаний используется видеоконференцсвязь, стороны передают свои доказательственные документы в электронном виде и проч. Это приводит к более низким издержкам и большой гибкости разбирательства. Недостатки онлайн-арбитража, в сравнении с онлайн-медиацией, менее значительны, поскольку арбитражное разбирательство в меньшей степени зависит от взаимодействия сторон, но в большей степени — от доказательственной силы документов.

Блокчейн-арбитраж можно рассматривать как эволюционирующую форму международного арбитража, одной из ключевых особенностей которой выступает децентрализованное автоматическое исполнение, альтернативное судебному исполнению решения, осуществляемое на основании технологии смарт-контракта. Блокчейн трансформирует наше понимание ODR, отличаясь принципиальным образом возможностью обеспечения автоматического исполнения решения. При блокчейн-арбитраже речь, соответственно, идет об автоматизации исполнения арбитражного решения, что особенно привлекательно для контрагентов в том случае, если они имеют риск возникновения сложностей применения норм Нью-Йоркской конвенции 1958 г.

К числу любопытных проектов в области онлайн- и блокчейн-арбитража можно отнести: Kleros — децентрализованную систему на основе краудсорсинга [27], CodeLegit [28], SAMBA [29], Enigma [30], Mattereum [31], LTO Network [32] и пр. В качестве системы правосудия для эпохи Интернета позиционируется проект CrowdJury [33].

Применительно к этому четвертому направлению гибридизации механизмов разрешения споров и информационно-коммуникационных технологий ввиду юридически обязательной силы принимаемых в ходе таких процедур решений особую актуальность получают вопрос определения компетенции форума и проблема выбора применимого права. Самой первой опцией здесь, как видится, должно быть международное частное право, «заточенное» на решение коллизии права, и нормы международного гражданского процесса о подсудности дел или нормы, регулирующие компетенцию международного коммерческого арбитража. Международное частное право имеет эффективный инструментарий для регулирования трансграничных споров. И, как утверждают Карим Бенихлеф (Karim Benyehlef) и Фабьен Желинас (Fabien Gelinat), уже прошло время, когда можно было утверждать, что киберпространство — это особое место, где национальные законы не применяются [6, р. 55]. В отношении проблемы юрисдикции условно сложилось две модели решения или два архетипа: «по месту, откуда исходит деятельность» и «по месту, куда направлена деятельность» [6, р. 56], которые, в некотором смысле, поляризуют интересы производителя контента и его потребителя. В судебной практике существует уже немало дел, обнаруживших соответствующую проблематику, среди наиболее известных из которых дело *Zippo Manufacturing Co. v. Zippo Dot Com, Inc.* Zippo (данный способ оценки оснований к юрисдикции в деле *Zippo Manufacturing Co. v. Zippo Dot Com, Inc.* Zippo получил название в литературе «Zippo test».) [34], дело *Calder v. Jones* [35], дело *Bancroft & Masters, Inc. v. Augusta National Inc.* [36], дело *American Information Corp. v. American Infometrics, Inc.* [37] и многие другие. Указанные дела демонстрируют эволюцию от «Zippo-теста» к тесту «эффектов Колдера» и далее к таргетинг-тесту при определении юрисдикции суда, что свидетельствует об активном поиске адекватных инструментов в условиях стремительного видоизменения технологий. При этом нельзя утверждать, что в настоящее время найден универсальный и относительно безупречный механизм определения юрисдикции суда в отношении киберспоров. Отдельного внимания заслуживает серьезная полемика относительно арбитрабельности потребительских споров и валидности включаемых в пользовательские соглашения арбитражных оговорок, что серьезно актуализируется масштабировани-



ем платформенной экономики с ее B2C и C2C коммуникациями и транзакциями.

Предполагается, что вопросы выбора применимого права также должны решаться в логике международного частного права, которое в качестве генерального регулятора определяет международные унифицированные акты, а субсидиарно предписывает применение национального законодательства в соответствии с коллизионными нормами.

Однако объективно практика пошла по иному пути. Ввиду того, что киберпространство обострило многие правовые проблемы, а право, как известно, в достаточной степени консервативно и неповоротливо, в условиях повышенных социальных скоростей адекватными оказались иные модели — в «обход» права. Это означает институциональное и нормативное смещение во внеправовую плоскость: продуцирование различных негосударственных систем разрешения споров, основывающих свою деятельность на нормах негосударственного регулирования. Иными словами, передача спора в компетенцию негосударственного органа, платформенной институции фактически сразу нивелирует вопрос выбора применимого права. Экономический эффект совершенно очевиден, так как издержки на администрирование спора и определение содержания применимого права сокращаются в разы. Коллизия права рассеивается, так как спор решается без обращения к нормам права какого-либо государства, в особенности в тех случаях, когда речь идет о децентрализованных системах киберправосудия с использованием методологии краудсорсинга.

Лан Ганг (Lan Q. Hang) высказывает любопытное мнение о необходимости обращения к концепту средневекового *lex mercatoria* в качестве фундамента для построения системы нормативного регулирования отношений в киберпространстве и, как следствие, о возможности решения на основе соответствующих норм киберспоров [38]. Собственно, этот автор не одинок, так как еще в конце XX века появился ряд исследований, проводящих параллели между средневековым *lex mercatoria* и современными регуляторами киберсреды [39]. Как развитие торговли с иностранцами в Средние века привело к появлению *lex mercatoria*, так Интернет породил *lex informatica*. Примавера де Филиппи (Primavera de Filippi), специалист по блокчейн-технологиям, отмечает, что появление Интернета и цифровых технологий привели к формированию альтернативной нормативной системы, разработанной международным сообществом Интернет-операторов, называемой *lex informatica* и основанной преимущественно на саморегуляции [40]. При этом технология блокчейн, согласно воззрениям П. де Филиппи, позволила создать еще одну нормативную систему — *lex cryptographica* — которая также опирается на технические средства для координации поведения, но чьи правила устанавливаются в протоколе блокчейн-сети сообществом и для сообщества и должны быть обеспечены через механизм распределенного реестра с привлечением всех участников сети [40].

Источниками осовремененного *Lex mercatoria* (*lex informatica*, *lex networkia*, *e-merchant*, *Internet lex mercatoria*, *new new lex mercatoria* и пр.) в логике вышеназванных суждений могут быть рекомендации, политики, руководящие принципы, правила, белые книги, стандарты, руководства и иные документы, смоделированные самими системами разрешения споров, а также обычаи, практики и иные нормы, складывающиеся при регулировании отношений в киберпространстве.

Леон Трэкман (Leon E. Trakman) делает акцент на другом: в качестве результата развития нового киберпространственного *Law Merchant* автор называет появление множества онлайн-услуг по разрешению споров (виртуальных судов), например, речь идет о процессе разрешения споров о доменных именах в рамках системы ICANN [41], что во многом соотносится и с представлениями о средневековом *lex mercatoria* как о системе норм, унифицирующей именно практику разрешения споров [42]. Схожие мнения высказываются и другими авторами [43].

Другим концептом, активно эксплуатируемым в связи с регулированием отношений, складывающихся в киберпространстве, выступает киберправо (*cyber law*, наднациональное Интернет-право, *Law Cyberspace* и пр.), становление и развитие которого связано во многом с работами Дэвида Джонсона (David R. Johnson) и Дэвида Поста (David G. Post) [44], американских ученых — соучредителей Юридического института киберпространства, которых именуют крестными отцами кибер-либертарианцев [45, р. 36; 46, р. 46]. Киберправо понимается как совершенно уникальная и автономная система норм, созданная независимо от воли какого-либо государства в ходе саморегулирования [47], как совокупность правил, формулируемых пользователями киберпространства не на основе правовых норм государств, а на основе структуры или архитектуры программного обеспечения киберпространства [47].

Арон Мефффорд (Aron Mefford) моделирует концепт сетевого права (*Net law*) как суммарный продукт интенсивного интерактивного обсуждения, обосновывая его легитимность признанием пользователями Сети [48]. Ричард Эйкер (Richard H. Acker), рассуждая о киберправе, также ставит вопрос о необходимости формирования киберсудов, сравнивая последние с международными коммерческими арбитражами в части применения механизма принудительного исполнения их решений через систему государственного правосудия [49].

И в заключение представляется целесообразным привести две цитаты, которые аргументируют очевидные тренды в области разрешения трансграничных споров, в том числе киберпространственного характера. Во-первых, это ст. 33 о применимом к спору праве Правил арбитража, разработанных компанией *Cryptonomica* для блокчейн-арбитража: «1. Арбитраж принимает решение *ex aequo et bono*, если стороны не договорились об ином. 2. Во всех случаях арбитраж принимает решение в соответствии с условиями договора, если таковые имеются, и принимает во внимание любой торговый обычай, применимый к сделке» [50]. Очевидно, что речь здесь не идет о применении права какого-либо государства.

А вторая цитата — из последнего и очень важного для специалистов в области международного частного права документа — Постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2019 г. № 24, п. 32 которого в целях толкования принципа автономии воли сторон договора гласит, что стороны договора *также вправе выбрать документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств* (например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Европейские принципы договорного права, Модельные правила европейского частного права). Такие правила применяются только при наличии прямо выраженного соглашения сторон. Вопросы, которые не могут быть решены в соответствии с такими выбранными сторонами документами,



а также общими принципами, на которых они основаны, подлежат разрешению в соответствии с внутригосударственным правом, определенным в соответствии с соглашением сторон или коллизионными нормами [51].

Суть этого очень спорного положения фактически означает, что в качестве применимого права стороны вправе избрать практически любой документ, источник негосударственного регулирования, а национальное право будет выступать лишь субсидиарным статутом. Думается, что такое положение противоречит сути ст. 1210 ГК РФ. Однако оно коррелирует современным тенденциям вывода значительного массива общественных отношений из зоны правового регулирования в «серую зону» неправо с последующей легитимизацией соответствующих источников через механизмы международного коммерческого арбитража (в том числе оналайн и блокчейн) и инструментарий Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

## Литература/References

1. Тутьхин В. Право 2.0. / В. Тутьхин. URL: <http://vvtlaw.com/articles/pravo-2-0/> (дата обращения: 28.12.2018).
2. The Rise of the Sharing Economy. *ECONOMIST*. May 9. 2013. URL: <http://www.economist.com/node/21573104> (дата обращения: 29.12.2018).
3. Ast F. Kleros: Frequently Asked Questions about Peer-to-Peer Justice / F. Ast, C. Lesaege. URL: <https://medium.com/kleros/kleros-frequently-asked-questions-about-peer-to-peer-justice-5a921cb76abe> (дата обращения 10.04.2019).
4. Guidelines on how to drive change towards cyberjustice — Stock-taking of tools deployed and summary of good practices. URL: <https://edoc.coe.int/en/efficiency-of-justice/7501-guidelines-on-how-to-drive-change-towards-cyberjustice-stock-taking-of-tools-deployed-and-summary-of-good-practices.html> (дата обращения: 12.07.2019).
5. Toolkit for supporting the implementation of the Guidelines on how to drive change towards Cyberjustice. URL: <https://rm.coe.int/cepej-toolkit-cyberjustice-en-cepej-2019-7/168094ef3e> (дата обращения: 22.07.2019).
6. Benyekhleff K. Online Dispute Resolution / K. Benyekhleff, F. Gelinac. URL: [https://www.researchgate.net/profile/Fabien\\_Gelinac/publication/27554565\\_Online\\_Dispute\\_Resolution/links/00b7d5384a073ec54e000000/Online-Dispute-Resolution.pdf](https://www.researchgate.net/profile/Fabien_Gelinac/publication/27554565_Online_Dispute_Resolution/links/00b7d5384a073ec54e000000/Online-Dispute-Resolution.pdf) (дата обращения: 22.07.2019).
7. Mizrahi S.K. Cyberjustice: An Overview / S.K. Mizrahi. URL: <https://www.cyberjustice.ca/files/sites/102/WP15.pdf> (дата обращения: 22.07.2019).
8. URL: <https://www.abogacia.es/servicios-abogacia/> (дата обращения: 15.07.2019).
9. URL: <https://e-estonia.com/solutions/security-and-safety/e-justice> (дата обращения: 17.07.2019).
10. URL: <https://www.justice.fr/#> (дата обращения: 17.07.2019).
11. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22documentcollectionid%22%3A%22GRANDCHAMBER%22%2C%22CHAMBER%22%7D> (дата обращения: 15.07.2019).
12. URL: <https://www.bailii.org/?fbclid=IwAR18UcsPrWScqn0MOoHBAgDJmZR9YJeN2zNRpjZnIJC-ZvRGQAP5e7WbYhE> (дата обращения: 20.07.2019).
13. URL: <http://www.austlii.edu.au/> (дата обращения: 15.07.2019).
14. Declaration on Free Access to Law. URL: <http://www.worldlii.org/worldlii/declaration/> (дата обращения: 15.07.2019).
15. URL: <https://e-justice.europa.eu/home.do> (дата обращения: 22.07.2019).
16. Katsh E. Dispute Resolution in Cyberspace / E. Katsh // *Connecticut Law Review*. 1996. Vol. 28. P. 953.
17. Katsh E. E-Commerce, E-Disputes, and E-Dispute Resolution: In the Shadow of «eBay Law» / E. Katsh, J. Rifkin, A. Gaitenby // *Ohio State Journal on Dispute Resolution*. 2000. Vol. 15. Iss. 3. P. 705–734.
18. Petrauskas F. Online Dispute Resolution in Consumer Disputes / F. Petrauskas, E. Kybartiene // *Jurisprudence*. 2011. Vol. 18 (3). P. 921–941.
19. URL: <https://medicys.fr/> (дата обращения: 22.07.2019).
20. URL: <https://www.cyberjustice.ca/en/logiciels-cyberjustice/nos-solutions-logicielles/parle-2/> (дата обращения: 20.07.2019).
21. Internet Commerce Grows 88 Percent by Dollar Volume and 39 Percent by Transaction Volume: Fraud Remains a Concern / Verisign. 2005. URL: [http://www.verisign.com/press-releases/pr/page\\_028572.html](http://www.verisign.com/press-releases/pr/page_028572.html) (дата обращения: 20.10.2016).
22. Gillieron P. From Face-to-Face to Screen-to-Screen: Real Hope or True Fallacy? / P. Gillieron // *Ohio State Journal on Dispute Resolution*. 2008. Vol. 23. Iss.2. P. 302.
23. Bordone R.C. Electronic Online Dispute Resolution: A Systems Approach-Potential Problems and a Proposal / R.C. Bordone // *Harvard. Negotiation Law Review*. 1998. Vol. 3. P. 175–211.
24. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? / М.В. Мажорина // *Lex Russica*. 2019. № 2. С. 107–120.
25. Ast F. Dispute Revolution. A New Justice Paradigm in an Old World / F. Ast // *Dispute Revolution. The Kleros Handbook of Decentralized Justice*. URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/> (дата обращения: 15.04.2019).
26. Koulu A.R. Blockchains and Online Dispute Resolution: Smart Contracts as an Alternative to Enforcement / Koulu A.R. // *SCRIPTed — A Journal of Law, Technology & Society*. 2016. Vol. 13. Iss. 1. P. 40–69.
27. URL: <https://kleros.io/> (дата обращения: 17.07.2019).
28. URL: <http://codelegit.com/> (дата обращения: 17.07.2019).
29. URL: <http://www.miamiblockchaingroup.com/> (дата обращения: 17.07.2019).
30. URL: <https://enigma.co/> (дата обращения: 17.07.2019).
31. URL: <https://mattereum.com/> (дата обращения: 17.07.2019).
32. URL: <https://lto.network/> (дата обращения: 17.07.2019).
33. URL: <https://www.crowdjury.org/> (дата обращения: 17.07.2019).
34. *Zippo Mfg. Co. v. Zippo Dot Com, Inc.*, 952 F. Supp. 1119 (W.D. Pa. 1997). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/952/1119/1432344/> (дата обращения: 12.01.2019).
35. *Calder v. Jones*, 465 U.S. 783 (1984). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/465/783/> (дата обращения: 12.01.2019).
36. *Bancroft & Masters, Inc. v. Augusta National Inc.* 223 F.3d 1082 (9th Cir. 2000) URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-9th-circuit/1294391.html>. (дата обращения: 14.01.2019).
37. *American Information Corp. v. American Infometrics, Inc.* 139 F. Supp. 2d 696 (D. Md. 2001). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district->



courts/FSupp2/139/696/2410013/ (дата обращения: 14.01.2019).

38. Hang L.Q. Comment, Online Dispute Resolution Systems: The Future of Cyberspace Law / L.Q. Hang // Santa Clara Law Review. 2001. Vol. 41. Iss. 3. P. 837–866.

39. Johnson D. Law and Borders-The Rise of Law in Cyberspace / D. Johnson, D. Post // Stanford Law Review. 1997. Vol. 48. P. 1367–1402.

40. de Filippi P. From Lex Mercatoria to Lex Cryptographica / P. de Filippi // Dispute Revolution. The Kleros Handbook of Decentralized Justice. URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/> (дата обращения: 15.04.2019).

41. Trakman L.E. From the Medieval Law Merchant to E-Merchant Law / L.E. Trakman // The University of Toronto Law Journal. 2003. Vol. 53. Iss. 3. P. 265–304.

42. Мажорина М.В. Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации? / М.В. Мажорина // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 4–19.

43. Polanski P.P. Towards a supranational Internet law / P.P. Polanski // Journal of International Commercial Law and Technology. 2006. Vol. 1. Iss. 1. URL: <https://media.neliti.com/media/publications/28672-EN-towards-a-supranational-internet-law.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

44. Johnson D.R. Law And Borders: The Rise of Law in Cyberspace / D.R. Johnson, D.G. Post // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. P. 1367–1402.

45. Al-Bayati M. Reform of the Iraqi Private International Law on Transnational Online Contracting: Lessons from the EU and the USA : Thesis submitted to Bangor University for the degree of Doctor of Philosophy / M. Al-Bayati. 2014. 315 p.

46. Gillies L.E. Addressing the «Cyberspace Fallacy»: Targeting the Jurisdiction of an Electronic Consumer Contract / L.E. Gillies // International Journal of Law and Information Technology. 2008. Vol. 16. Iss. 3. P. 242–269.

47. Reidenberg J.R. States and Internet Enforcement / J.R. Reidenberg // University of Ottawa Law & Technology Journal. 2003. Vol. 1. P. 215–230.

48. Mefford A. Lex Informatica: Foundations of Law on the Internet / A. Mefford // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1997. Vol. 5. Iss. 1. Art. 11. P. 228–229.

49. Acker R.H. Choice-of-Law Questions in Cyberfraud / R.H. Acker // University of Chicago Legal Forum. Vol. 1996. Iss. 1. Art. 13. P. 437–469.

50. Cryptonomica Arbitration Rules URL: [https://github.com/Cryptonomica/arbitration-rules/blob/master/Arbitration\\_Rules/Cryptonomica/Cryptonomica-Arbitration-Rules.EN.clearsigned.md#applicable-law-еx-аеquo-еt-вопо](https://github.com/Cryptonomica/arbitration-rules/blob/master/Arbitration_Rules/Cryptonomica/Cryptonomica-Arbitration-Rules.EN.clearsigned.md#applicable-law-еx-аеquo-еt-вопо) (дата обращения: 11.04.2019).

51. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // СПС «Гарант».

## References

1. Tutykhin V. Pravo 2.0. [Law 2.0.] / V. Tutykhin. URL: <http://vvtlaw.com/articles/pravo-2-0/> (date of access: December 28, 2018).

2. The Rise of the Sharing Economy. ECONOMIST. May 9. 2013. URL: <http://www.economist.com/node/21573104> (date of access: December 29, 2018).

3. Ast F. Kleros: Frequently Asked Questions about Peer-to-Peer Justice / F. Ast, C. Lesaege. URL: <https://medium.com/kleros/kleros-frequently-asked-questions-about-peer-to-peer-justice-5a921cb76abe> (date of access: April 10, 2019).

4. Guidelines on How to Drive Change towards Cyberjustice — Stock-Taking of Tools Deployed and Summary of Good Practices. URL: <https://edoc.coe.int/en/efficiency-of-justice/7501-guidelines-on-how-to-drive-change-towards-cyberjustice-stock-taking-of-tools-deployed-and-summary-of-good-practices.html> (date of access: July 12, 2019).

5. Toolkit for Supporting the Implementation of the Guidelines on How to Drive Change towards Cyberjustice. URL: <https://rm.coe.int/cepej-toolkit-cyberjustice-en-сepej-2019-7/168094ef3e> (date of access: July 22, 2019).

6. Benyekhleff K. Online Dispute Resolution / K. Benyekhleff, F. Gelinias. URL: [https://www.researchgate.net/profile/Fabien\\_Gelinias/publication/27554565\\_Online\\_Dispute\\_Resolution/links/00b7d5384a073ec54e00000/Online-Dispute-Resolution.pdf](https://www.researchgate.net/profile/Fabien_Gelinias/publication/27554565_Online_Dispute_Resolution/links/00b7d5384a073ec54e00000/Online-Dispute-Resolution.pdf) (date of access: July 22, 2019).

7. Mizrahi S.K. Cyberjustice: An Overview / S.K. Mizrahi. URL: <https://www.cyberjustice.ca/files/sites/102/WP15.pdf> (date of access: July 22, 2019).

8. URL: <https://www.abogacia.es/servicios-abogacia/> (date of access: July 15, 2019).

9. URL: <https://e-estonia.com/solutions/security-and-safety/e-justice> (date of access: July 17, 2019).

10. URL: <https://www.justice.fr/#> (date of access: July 17, 2019).

11. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22documentcollectionid%22%3A%22GRANDCHAMBER%22%2C%22CHAMBER%22%7D> (date of access: July 15, 2019).

12. URL: <https://www.bailii.org/?fbclid=IwAR18UcsPrWScqn0MOoHBAGdJmZR9YJeN2zNRpjZnJCZvRGQAP5e7WbYhE> (date of access: July 20, 2019).

13. URL: <http://www.austlii.edu.au/> (date of access: July 15, 2019).

14. Declaration on Free Access to Law. URL: <http://www.worldlii.org/worldlii/declaration/> (date of access: July 15, 2019).

15. URL: <https://e-justice.europa.eu/home.do> (date of access: July 22, 2019).

16. Katsh E. Dispute Resolution in Cyberspace / E. Katsh // Connecticut Law Review. 1996. Vol. 28. S. 953.

17. Katsh E. E-Commerce, E-Disputes, and E-Dispute Resolution: In the Shadow of «eBay Law» / E. Katsh, J. Rifkin, A. Gaitenby // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2000. Vol. 15. Iss. 3. S. 705–734.

18. Petrauskas F. Online Dispute Resolution in Consumer Disputes / F. Petrauskas, E. Kybartiene // Jurisprudence. 2011. Vol. 18 (3). S. 921–941.

19. URL: <https://medicys.fr/> (date of access: July 22, 2019).

20. URL: <https://www.cyberjustice.ca/en/logiciels-cyberjustice/nos-solutions-logicielles/parole-2/> (date of access: July 20, 2019).

21. Internet Commerce Grows 88 Percent by Dollar Volume and 39 Percent by Transaction Volume: Fraud Remains a Concern / Verisign. 2005. URL: [http://www.verisign.com/press-releases/pr/page\\_028572.html](http://www.verisign.com/press-releases/pr/page_028572.html) (date of access: October 20, 2016).

22. Gillieron P. From Face-to-Face to Screen-to-Screen: Real Hope or True Fallacy? / P. Gillieron // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2008. Vol. 23. Iss. 2. S. 302.

23. Bordone R.C. Electronic Online Dispute Resolution: A Systems Approach-Potential Problems and a Proposal / R.C. Bordone // Harvard. Negotiation Law Review. 1998. Vol. 3. S. 175–211.

24. Mazhorina M.V. Tsifrovyye platformy` i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est li buduschee u



kiberprava? [Digital Platforms and Private International Law or Does Cyberlaw Have a Future] / M.V. Mazhorina // Lex Russica — Russian Law. 2019. № 2. S. 107–120.

25. Ast F. Dispute Revolution. A New Justice Paradigm in an Old World / F. Ast // Dispute Revolution. The Kleros Handbook of Decentralized Justice. URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/> (date of access: April 15, 2019).

26. Koulu A.R. Blockchains and Online Dispute Resolution: Smart Contracts as an Alternative to Enforcement / A.R. Koulu // SCRIPTed — A Journal of Law, Technology & Society. 2016. Vol. 13. Iss. 1. S. 40–69.

27. URL: <https://kleros.io/> (date of access: July 17, 2019).

28. URL: <http://codelegit.com/> (date of access: July 17, 2019).

29. URL: <http://www.miamiblockchaingroup.com/> (date of access: July 17, 2019).

30. URL: <https://enigma.co/> (date of access: July 17, 2019).

31. URL: <https://mattereum.com/> (date of access: July 17, 2019).

32. URL: <https://lto.network/> (date of access: July 17, 2019).

33. URL: <https://www.crowdjury.org/> (date of access: July 17, 2019).

34. Zippo Mfg. Co. v. Zippo Dot Com, Inc., 952 F. Supp. 1119 (W.D. Pa. 1997). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/952/1119/1432344/> (date of access: January 12, 2019).

35. Calder v. Jones, 465 U.S. 783 (1984). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/465/783/> (date of access: January 12, 2019).

36. Bancroft & Masters, Inc. v. Augusta National Inc. 223 F.3d 1082 (9th Cir. 2000) URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-9th-circuit/1294391.html> (date of access: January 14, 2019).

37. American Information Corp. v. American Infometrics, Inc. 139 F. Supp. 2d 696 (D. Md. 2001). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/139/696/2410013/> (date of access: January 14, 2019).

38. Hang L.Q. Comment, Online Dispute Resolution Systems: The Future of Cyberspace Law / L.Q. Hang // Santa Clara Law Review. 2001. Vol. 41. Iss. 3. S. 837–866.

39. Johnson D. Law and Borders-The Rise of Law in Cyberspace / D. Johnson, D. Post // Stanford Law Review. 1997. Vol. 48. S. 1367–1402.

40. de Filippi P. From Lex Mercatoria to Lex Cryptographica / P. de Filippi // Dispute Revolution. The Kleros Handbook of Decentralized Justice. URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/> (date of access: April 15, 2019).

41. Trakman L.E. From the Medieval Law Merchant to E-Merchant Law / L.E. Trakman // The University of Toronto Law Journal. 2003. Vol. 53. Iss. 3. S. 265–304.

42. Mazhorina M.V. Lex mercatoria: srednevekovy' y mif ili fenomen globalizatsii? [Lex Mercatoria: A Medieval Myth or a Globalization Phenomenon?] / M.V. Mazhorina // Pravo. Zhurnal Vy'sshey shkoly' ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. № 1. S. 4–19.

43. Polanski P.P. Towards a Supranational Internet Law / P.P. Polanski // Journal of International Commercial Law and Technology. 2006. Vol. 1. Iss. 1. URL: <https://media.neliti.com/media/publications/28672-EN-towards-a-supranational-internet-law.pdf> (date of access: February 1, 2019).

44. Johnson D.R. Law and Borders: The Rise of Law in Cyberspace / D.R. Johnson, D.G. Post // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. S. 1367–1402.

45. Al-Bayati M. Reform of the Iraqi Private International Law on Transnational Online Contracting: Lessons from the EU and the USA : Thesis submitted to Bangor University for the degree of Doctor of Philosophy / M. Al-Bayati. 2014. 315 s.

46. Gillies L.E. Addressing the «Cyberspace Fallacy»: Targeting the Jurisdiction of an Electronic Consumer Contract / L.E. Gillies // International Journal of Law and Information Technology. 2008. Vol. 16. Iss. 3. S. 242–269.

47. Reidenberg J.R. States and Internet Enforcement / J.R. Reidenberg // University of Ottawa Law & Technology Journal. 2003. Vol. 1. S. 215–230.

48. Mefford A. Lex Informatica: Foundations of Law on the Internet / A. Mefford // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1997. Vol. 5. Iss. 1. Art. 11. S. 228–229.

49. Acker R.H. Choice-of-Law Questions in Cyberfraud / R.H. Acker // University of Chicago Legal Forum. Vol. 1996. Iss. 1. Art. 13. S. 437–469.

50. Cryptonomica Arbitration Rules URL: [https://github.com/Cryptonomica/arbitration-rules/blob/master/Arbitration\\_Rules/Cryptonomica/Cryptonomica-Arbitration-Rules.EN.clearsigned.md#applicable-law-ex-aequo-et-bono](https://github.com/Cryptonomica/arbitration-rules/blob/master/Arbitration_Rules/Cryptonomica/Cryptonomica-Arbitration-Rules.EN.clearsigned.md#applicable-law-ex-aequo-et-bono) (date of access: April 11, 2019).

51. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 9 iyulya 2019 g. № 24 «O primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossiyskoy Federatsii» // SPS «Garant».

## Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: [ig@lawinfo.ru](mailto:ig@lawinfo.ru), с пометкой «DOI для статьи».





# О направлениях внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему\*

Незнамов А.В. \*\*

*Цель статьи заключается в анализе сфер применения искусственного интеллекта в судебной системе. Методологической основой работы выступают системный подход, методы сравнительного правоведения, анализа и синтеза. По результатам работы определены ключевые сферы внедрения технологий ИИ в правосудии и поддержана классификация, приведенная в Европейской этической хартии использования технологий ИИ в судебных системах и смежных сферах.*

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосудие, роботизация, судебная система, цифровые технологии, чат-боты, киберфизические системы.

*Purpose of the article is devoted to the analysis of the spheres of application of artificial intelligence in justice and in the judicial system. The methodological basis of the work is a systematic approach, methods of analysis and synthesis, comparative law. Based on the results of the work, key areas of introduction of AI technologies in justice were identified and the classification given in the European Ethical Charter on the use of AI technologies in judicial systems and their environment was supported. \*\*\**

**Keywords:** artificial intelligence, justice, robotization, judicial system, digital technologies, chatbots, cyber-physical systems.

Искусственный интеллект является одной из самых перспективных новых технологий, и в то же время его внедрение в различные сферы вызывает серьезные вопросы. Одна из таких сфер — правосудие. С одной стороны, в ряде случаев технологии ИИ уже сейчас демонстрируют очень высокие результаты. Например, в случае применения систем ИИ для анализа решений ЕСПЧ программа анализировала фактуру почти 600 дел и пришла к определенным решениям; в 4 из 5 случаев система склонялась к тем же решениям, которые были вынесены реальными судьями.

Однако в «Европейской этической хартии использования технологий ИИ в судебных системах и смежных сферах» (the European Ethical Charter on the use of AI technologies in judicial systems and their environment — далее «Хартия» [1]), описан другой, более негативный пример, когда эксперимент во французских судах с применением ИИ с прогностической функцией провалился — система давала противоречивые результаты.

Это резонно ставит вопрос о том, насколько готовы данные технологии к внедрению в систему правосудия и смежные сферы. Попытки проанализировать эти вопросы уже предпринимаются как в доктрине [2–8], так и на регуляторном уровне [6, 9]. Попробуем проанализировать некоторых из них.

Так, в отечественной доктрине предложено выделить следующие направления применения ИИ в правосудии применительно к системам ИИ (позиция П.М. Морхата [10]):

- сопоставление системой искусственного интеллекта норм права, сопоставление нормативных правовых актов в целях определения их иерархии, установления норм и актов более высокой юридической силы из числа сравниваемых;
- осуществление системой искусственного интеллекта синхронного профессионального юридического перевода в судебном процессе с целью обеспечения соответствующих прав сторон процесса и основных принципов правосудия;
- автоматическая классификация системой искусственного интеллекта юридических документов, формирование и документарное ведение дел;
- оказание системой искусственного интеллекта помощи судье в выявлении и артикулировании обстоятельств, указывающих на возможное злоупотребление стороной правом, на возможное намеренное, искусственное, необоснованное затягивание судебного разбирательства, процесса; в выявлении и артикулировании сфальсифицированных материалов и аргументов, применения манипулятивных приемов;

\* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-29-16070 «Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам».

\*\* **Незнамов Андрей Владимирович**, руководитель Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и ИИ (АНО «Робоправо»), старший научный сотрудник Института государства и права РАН, заместитель руководителя рабочей группы Госдумы РФ по нормативному регулированию робототехники, технологий ИИ и кибер-физических систем, кандидат юридических наук. E-mail: dronian@mail.ru

**Рецензент: Минбалеев Алексей Владимирович**, ответственный секретарь журнала «Информационное право», заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности РНИИИС, доктор юридических наук, доцент.

\*\*\* **On Areas of the Deployment of Artificial Intelligence Technologies in the Judicial System**

Writing and publication of the article became possible thanks to the RFBR grant № 18-29-16070 “Digital technologies and jurisdictional activity: the image of the future justice in civil cases”.

**Neznamov A.V.**, Head of the Research Center for Problems of Regulation of Robotics and AI (ANO “Robolaw”), Senior Researcher, of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Deputy Head of the Working Group of the State Duma of the Russian Federation on Regulatory Regulation of Robotics, AI Technologies and Cyber-Physical Systems, PhD (Law).

**Reviewer: Minbaleev A.V.**, Executive Secretary of the Information Law Journal, Department of Information Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Leading Researcher of the Information Law Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of the Scientific Research Department of the Legislation and Comparative Law of Intellectual Property of RNIIS, LL.D., Associate Professor.

- оказание системой искусственного интеллекта помощи судье и адвокату обвиняемого в выявлении и артикулировании обстоятельств, обуславливающих сомнения в виновности подсудимого;

- выдача системой искусственного интеллекта оперативных экспертных оценок в рамках судебной экспертизы или мнения специалиста (применение систем искусственного интеллекта в экспертных юридических системах, автоматизированных системах поддержки правовых решений, иных экспертных системах);

- применение искусственного интеллекта в юридической медиации (внесудебном и досудебном урегулировании конфликтов и споров);

- комплексный переоценочный анализ рассмотренных ранее судами дел по вновь выявленным обстоятельствам;

- выбор арбитров под конкретное дело;

- содействие принятию решений по крупным объемам неоднородных задач в сложных условиях неопределенности, на основе неточной, недостаточной или плохо определенной информации, в условиях применения метода «игры с ненулевой суммой», в ситуациях, когда получение оптимальных или точных ответов и решений редуцирует трудоемко, и сложно обеспечивается при больших объемах специфических знаний или вообще невозможно;

- интеллектуальный перманентный мониторинг судебных ошибок и условий, содействующих судебным ошибкам.

С теоретико-правовой точки зрения такая систематизация сфер заслуживает внимания, однако с практической точки зрения она, как кажется, не вполне учитывает реальный уровень развития технологий ИИ и в большей степени характеризует сферу так называемого legal tech (технологии создания программ автоматизации юридической деятельности).

С другой стороны, выдача системой искусственного интеллекта оперативных экспертных оценок в рамках судебной экспертизы или мнения специалиста представляется достаточно перспективным направлением разработок систем ИИ, однако это направление на данном этапе находится скорее на уровне идеи, реализация которой осуществляется (и будет осуществляться) в более практических ключах и, несомненно, поставит вполне конкретные правовые вызовы перед правовой системой. Нельзя также не отметить и тот факт, что в обозначенном выше перечне сфер не вполне учтены возможности широкого применения технологий ИИ для оказания помощи различным участникам судебного разбирательства [11].

В этом отношении показателен опыт Китая [12], где технологии ИИ применяются для решения вполне конкретных прикладных задач. Так, Верховный народный суд КНР издал «Рекомендации по ускорению строительства умных судов», которые побуждают местные суды использовать ИИ для повышения правовой грамотности широкой общественности, а также оказания поддержки судьям в решении непроцессуальных вопросов.

Одновременно местные суды в девяти провинциальных регионах, в том числе в Пекине, Шанхае и Гуандуне, официально запустили системы с ИИ для оказания помощи как судьям, так и заявителям. Например, системы ИИ в Пекине, Шанхае и Цзянсу способны оценить возможные исходы судебного процесса для стороны еще до того, как дело будет инициировано. Такая оценка основана на анализе более 7000 китайских законов и многочисленных судебных решений, сохраненных в системе. Системы ИИ также могут предлагать другие способы разрешения споров сторонам, которые хотят начать судебный процесс. Например, системы ИИ предлагают сторонам рассмотреть вопрос о примирении или использовать другие методы разрешения споров, такие как арбитраж (если имеется арбитражная оговорка). А Высший народный суд Шанхая в на-

стоящее время экспериментирует с созданием судебной системы с участием системы ИИ, которая способна анализировать и автоматически сопоставлять аналогичные решения по судебным делам.

Как упоминалось ранее, в конце 2018 г. Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы (The European Commission for the Efficiency of Justice — «СЕРЕЖ») предложила этический документ — «Европейская этическая хартия использования технологий ИИ в судебных системах и смежных сферах». В Хартии также предложен свой подход к перечням сфер, где может внедряться ИИ. При этом авторы Хартии предложили разделить сферы внедрения ИИ на несколько больших направлений — подход, который кажется нам вполне корректными и оправданным.

## Приоритетные направления развития систем ИИ [1]

**1. Подготовка судебных актов.** В Хартии отмечается, что за последние несколько лет значительно увеличилось количество используемых на практике техник машинного обучения в сферах, где есть необходимость в обработке естественного языка (включая попытки научить машину понимать человеческий язык). Такие технологии дополняют и повышают продуктивность полнотекстового поиска или поиска по ключевому слову. Устройства, разработанные на основе таких технологий, могли бы находить и искомую информацию в различных источниках (конституции и конвенции, законы, судебная практика и доктринальные источники). Для того, чтобы проиллюстрировать полученные результаты поиска, можно воспользоваться техниками визуализации информации.

**2. Инструменты обеспечения доступа к правосудию.** Не исключая возможности общения напрямую, по замыслу авторов Хартии, можно создать чат-ботов, которые будут общаться с людьми на понятном им языке и предоставлять им доступ к имеющимся на данный момент источникам информации. Образцы необходимых документов (заявление в суд, договор аренды и прочие) также могут быть доступны онлайн.

**3. Оптимизация судебной системы.** Отмечается, что использование методов анализа данных и техник искусственного интеллекта для обработки данных о деятельности суда может существенно оптимизировать работу судебной системы в целом. К примеру, станет возможным проведение количественных и качественных анализов, а также прогнозирование необходимых финансовых расходов и трудозатрат. На основе полученных данных уже можно будет вывести ключевые показатели эффективности таких устройств. При этом справедливо подчеркивается, что в процессе применения таких устройств на практике должны принимать участие лица, работающие в системе правосудия, особенно судьи. Используя подобные устройства на практике, судьи должны проанализировать результаты их работы в связи с такими факторами, как особенность системы правосудия и качество правосудия.

## Сферы, где алгоритмы с искусственным интеллектом должны применяться с осторожностью

**1. Оказание поддержки в принятии решений на основе статистического анализа информации.** В Хартии отмечается, что анализ судебных решений не может являться статистически значимым, если не были идентифицированы все причинно-обусловленные факторы, прямо или косвенно имеющие отношение к этим решениям. В Хартии этот тезис является практическим и сведен к определению среднего размера компенсационных выплат по гражданским делам. В одном регионе он может быть выше, чем в другом, вовсе не потому, что судьи, выносившие соответствующие решения, были необъективны; такое положение вещей может объясняться за счет определенных особенностей этих регио-



нов. Технологии машинного обучения могут пригодиться в рамках определения подобных факторов; однако сама по себе автоматическая обработка данных не даст значимой информации.

**2. Помощь в поиске альтернативного способа разрешения гражданских споров.** В некоторых странах Европы методы так называемого «прогнозируемого правосудия» используются страховыми компаниями с целью заранее установить шансы на успех в том или ином судебном процессе. В случае, если удалось установить, что шансы выиграть дело в суде невелики, стороне предлагают другой способ разрешения спора. Однако некоторые системы, высчитывая размер компенсации, не обеспечивают прозрачность методов расчета. По мнению авторов Хартии, эти системы нельзя назвать беспристрастными и достойными доверия, так как решения в отношении того или иного лица принимаются на основе ограниченных данных.

В ряде других случаев виртуальный агент может, проанализировав всю информацию о споре, которую лицо представило на официальном сайте суда или в рамках поиска конкретных законов, посоветовать этому лицу альтернативные способы решения этого спора. Именно такая система применяется в Китае, как описано выше [1]. Если это целесообразно, виртуальный агент может посоветовать лицу обратиться за консультацией к адвокату или в соответствующее независимое агентство. Помощь третьей стороны (лица, использующего в работе не только конкретные техники, но и полагающегося статистикой, о которой было сказано выше) всегда является наилучшим решением на определенной стадии рассмотрения гражданского спора.

**3. Разрешение споров онлайн.** В случае, если стороны передают спор на рассмотрение через соответствующую онлайн-платформу, им нужно доступным языком объяснить, рассматривается ли их спор в полностью автоматическом режиме или же в этом процессе присутствует реальный арбитр. Помимо этого, предоставленная сторонам информация должна быть достоверной. У сторон не должно возникнуть ощущение, будто в процессе принимает участие реальный человек. При этом у человека должна иметься возможность отказаться от услуг этой онлайн платформы и, в соответствии со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обратиться в реальный суд с целью разрешения спора.

Более того, авторы Хартии пришли к выводу о том, что, принимая во внимание требования, изложенные в ст. 6 и 13 Конвенции, процесс разрешения спора онлайн, а также и принятое решение должны быть предметом контроля со стороны государственного суда (особенно в тех случаях, когда стороны дали согласие на полностью автоматизированный процесс разрешения спора).

**4. Использование алгоритмов в расследовании уголовных дел.** Авторы хартии ссылаются на конкретную проблему — анализ алгоритмов мест совершения правонарушений. Подобные алгоритмы используются в США. Они работают в режиме реального времени и указывают полицейским места, где высока вероятность совершения преступления. Однако такие алгоритмы, работающие на основе количественных данных, не всегда могут давать объективный результат. Например, система может из раза в раз указывать на один и тот же регион. Вероятность преступления в таком регионе будет только возрастать. Однако в целом машинное обучение действительно может быть достаточно полезным для решения отдельных проблем в рамках уголовного судопроизводства. Следовательно, статистика по таким регионам будет не до конца объективной.

**Сферы, внедрение технологий ИИ в которых требует проведения дополнительных исследований**

**1. Профилирование судей.** Анализ деятельности судьи в меньшей степени информативен с точки зрения

возможной предвзятости судьи и в большей степени информативен с точки зрения внешних факторов, влияющих на его решения. По утверждению авторов Хартии, сам по себе судья, какие бы личностные характеристики ни были ему присущи, не может быть причиной того, почему в разных регионах существенно различаются результаты судебных дел по одним тем же вопросам. Предоставление судьям доступа к средству количественного и качественного анализа их деятельности может существенно улучшить качество отправления правосудия. При этом, однако, судьи должны быть проинформированы о том, что данные этих анализов могут лишь помогать им принимать верное решение.

**2. Прогнозирование судебных решений.** Статистическая обработка групп данных с точки зрения лексики позволяет установить частоту использования тех или иных групп слов, однако такая обработка не позволяет установить реальные причины принятия того или иного решения и — не позволяет дать правовую оценку обстоятельствам дела. Гибридные системы, в которых используются математические модели анализа решений, учитывающие логику судебных решений, нельзя считать эффективными: такие системы также не лишены некоей предвзятости в формировании изначальных данных для анализа. Кроме того, в случае, если в закон вносятся поправки, данные нужно снова отправлять на обработку.

**Сферы, в которых использование алгоритмов с искусственным интеллектом должно быть ограниченным в максимальной степени**

**1. Использование алгоритмов с искусственным интеллектом в уголовном судопроизводстве.** Авторы Хартии подчеркивают, что эксперименты, проведенные в ряде стран, подверглись жесткой критике со стороны многих общественных организаций. В силу определенной ограниченности использованной методологической базы чисто статистический подход не позволил получить объективные результаты. Так, вывод о том, что афроамериканцы чаще всего оказываются замешаны в преступной деятельности, стал фактором риска для всех афроамериканцев в целом, и системы изначально предвзято относились к этим лицам. Поэтому даже при незначительных преступлениях системы ИИ рекомендовали назначать более серьезное наказание. По этой же причине использовать алгоритмы, например, с целью установить, насколько вероятен в будущем рецидив, нужно с очень большой осторожностью. Однако авторы признают, что, если алгоритмические системы улучшат процесс сравнения информации и, к примеру, ускорят процесс сбора требуемой информации для последующей ее обработки в ручном режиме, их можно точно применять в уголовном судопроизводстве (особенно в случае упрощенного порядка рассмотрения дел).

**2. Влияние статистического фактора аналогичных решений на позицию судьи по конкретному делу.** Авторы Хартии обосновывают мысль о том, что информация о решениях, принятых другими судьями по таким же делам, может повлиять на решение судьи и вынудить его подчиниться общей статистике. В связи с этим в Хартии справедливо подчеркивается, что от такого подхода следует отказаться, поскольку статистические данные (даже в большом объеме) не могут заменить собой закон.

Вместе с этим нельзя не отметить, что обозначенная проблема едва ли связана с применением систем ИИ, и сами по себе технологии здесь не играют решающего значения. Это является, по нашему мнению, следствием общей, характерной для всех сфер применения ИИ проблемы, когда под этими технологиями понимаются в том числе и самые «обычные» компьютерные программы; а последствия внедрения технологий оцениваются в контексте настолько широких факторов, что «вес» самих технологий теряется [13, 14].



Так, например, проблема «статистической дискриминации» действительно существует, однако она связана с ИИ косвенно. Система ИИ может выявить статистические тенденции, однако она не может повлиять на них. Следует учитывать, что технологии ИИ являются не более чем инструментом.

Между тем обозначенная в Хартии классификация сфер внедрения ИИ по степени опасности и проработанности последствий, вне всяких сомнений, заслуживает поддержки.

## Литература

1. Европейская этическая хартия использования технологий ИИ в судебных системах и смежных сферах. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.

2. Булгакова Е.В. Киберправосудие / Е.В. Булгакова, И.С. Денисов, В.Г. Булгаков // Администратор суда. 2018. № 4. С. 13–16.

3. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере : монография / А.К. Жарова. Москва : Янус-К, 2016. 248 с.

4. Закиров Р.Ф. Использование современных ИТ-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства / Р.Ф. Закиров // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 211–219.

5. Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом : монография / С.В. Лазарев. Москва : Норма, ИНФРА-М, 2018. 399 с.

6. Незнамов А.В. Стратегия регулирования робототехники и кибeрфизических систем / А.В. Незнамов, В.Б. Наумов // Закон. 2018. № 2. С. 69–90.

7. Минбалеев А.В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта / А.В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4. С. 82–87.

8. Габов А.В. Эволюция роботов и право XXI в. / А.В. Габов, И.А. Хаванова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233.

9. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.] : под редакцией А.В. Незнамова. Москва : Инфотропик-Медиа, 2018. 232 с.

10. Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике / П.М. Морхат // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8–12.

11. Полякова Т.А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности / Т.А. Полякова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 17–40.

12. Обзор «Adoption of AI in Chinese Courts Paves the Way for Greater Efficiencies and Judicial Consistency». URL: <https://www.bakermckenzie.com/en/insight/publications/2018/02/adoption-ai-chinese-courts> (дата обращения: 28.12.2018).

13. Брановицкий К.Л. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, А.В. Незнамов [и др.] // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 56–68.

14. Брановицкий К.Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство / К.Л. Брановицкий // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24–27.

## References

1. Evropeyskaya eticheskaya khartiya ispolzovaniya tekhnologiy II v sudebny'kh sistemakh i smezhny'kh sferakh [The European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and Their Environment]. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.

2. Bulgakova E.V. Kiberpravosudie [Cyberjustice] / E.V. Bulgakova, I.S. Denisov, V.G. Bulgakov // Administrator suda — Court Administrator. 2018. № 4. S. 13–16.

3. Zharova A.K. Pravo i informatsionny'e konflikty v informatsionno-telekommunikatsionnoy sfere : monografiya [Law and Information Conflicts in the Information and Telecommunications Sphere : monograph] / A.K. Zharova. Moskva : Yanus-K — Moscow : Yanus-K, 2016. 248 s.

4. Zakirov R.F. Ispolzovanie sovremenny'kh IT-tekhnologiy kak sredstvo dostizheniya osnovny'kh zadach sudoproizvodstva [The Use of Modern IT Technology as a Means of Fulfillment of the Main Judicial Proceedings Tasks] / R.F. Zakirov // Vestnik grazhdanskogo protsesssa — Civil Procedure Bulletin. 2018. № 1. S. 211–219.

5. Lazarev S.V. Upravlenie delami v grazhdanskom protsesse za rubezhom : monografiya [Administration of Affairs in Civil Procedure Abroad : monograph] / S.V. Lazarev. Moskva : Norma, INFRA-M — Moscow : Norm, INFRA-M, 2018. 399 s.

6. Neznamov A.V. Strategiya regulirovaniya robototekhniki i kiberfizicheskikh sistem [The Strategy of Regulation of Robotics and Cyberphysical Systems] / A.V. Neznamov, V.B. Naumov // Zakon — Law. 2018. № 2. S. 69–90.

7. Minbaleev A.V. Problemy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta [Artificial Intelligence Regulation Issues] / A.V. Minbaleev // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo — Bulletin of the South Ural State University. Series : Law. 2018. № 4. S. 82–87.

8. Gabov A.V. Evolyutsiya robotov i pravo XXI v. [The Evolution of Robots and Law in the XXIst Century] / A.V. Gabov, I.A. Khavanova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State University. 2018. № 435. S. 215–233.

9. Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v «robo-pravo». Pravovy'e aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [Regulation of Robotics: An Introduction to the Law on Robots. Legal Aspects of the Development of Robotics and Artificial Intelligence Technologies] / V.V. Arkhipov [i dr.] : pod redaktsiyey A.V. Neznamova — V.V. Arkhipov [et al.] : edited by A.V. Neznamov. Moskva : Infotropik-Media — Moscow : Infotropic-Media, 2018. 232 s.

10. Morkhat P.M. Vozmozhnosti, osobennosti i usloviya primeneniya iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoy praktike [Possibilities, Peculiarities and Conditions for the Application of Artificial Intelligence in the Legal Practice] / P.M. Morkhat // Administrator suda — Court Administrator. 2018. № 2. S. 8–12.

11. Polyakova T.A. Bazovy'e printsipy kak osnovny'e nachala pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti [Basic Principles as the Main Origins of Legal Support of Information Security] / T.A. Polyakova // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk — Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. № 3. S. 17–40.

12. Obzor «Adoption of AI in Chinese Courts Paves the Way for Greater Efficiencies and Judicial Consistency» [Review Adoption of AI in Chinese Courts Paves the Way for Greater Efficiencies and Judicial Consistency]. URL: <https://www.bakermckenzie.com/en/insight/publications/2018/02/adoption-ai-chinese-courts> (date of access: December 28, 2018).

13. Branovitskiy K.L. Tsifrovyye tekhnologii i tsivilisticheskiy protsess: problemy vzaimovliyaniya [Digital Technologies and the Civil Procedure: Interinfluence Issues] / K.L. Branovitskiy, I.G. Rents, A.V. Neznamov [i dr.] — K.L. Branovitskiy, I.G. Rents, A.V. Neznamov [et al.] // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. S. 56–68.

14. Branovitskiy K.L. Vliyaniye informatsionny'kh tekhnologiy na grazhdanskoe sudoproizvodstvo [The Influence of Information Technology on Civil Proceedings] / K.L. Branovitskiy // Arbitrazhny'y i grazhdanskiy protsess — Arbitration and Civil Procedure. 2018. № 7. S. 24–27.

